

ISSN 2587-6503

БЮЛЛЕТЕНЬ

<http://kigiran.com>

КАЛМЫЦКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

2024`2

Кермен Толга

Djangan
Barun

Source: Esri, DigitalGlobe,
GeoEye, Earthstar

ISSN 2587-6503 (Print)

Бюллетень
Калмыцкого научного центра РАН
Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS

2024. № 2

Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН

Издается с 2017 г.

Выходит 4 раза в год.
ISSN 2587-6503 (Print)
2024. № 2

Журнал **«Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН»** (**«Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS»**) зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № ФС77-77946 от 19.02.2020.

Журнал **«Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН»** (**«Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS»**) — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований в области исторических, филологических и социологических наук. Журнал предоставляет возможность познакомиться с оригинальными результатами новейших фундаментальных и прикладных исследований российских и зарубежных авторов по наиболее актуальным проблемам. В издании публикуются научные работы по источниковедению, археологии, фольклористике и литературоведению, социальной структуре, социологии.

Журнал публикует статьи на русском, английском,
калмыцком и монгольском языках.

Зарегистрирован в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Подписной индекс в каталоге Агентства «Книга-Сервис»:

33086

Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS

Published since 2017.

Issued 4 times per year.

ISSN 2587-6503 (Print)

2024. No. 2

The journal *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS* is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media, reg. certificate ПИ № ФС77-77946 of 19 February 2020.

The *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS* is a peer-reviewed open access periodical that publishes results of comprehensive historical, philological, and sociological studies. The journal introduces original outcomes of contemporary fundamental and applied explorations conducted by Russian and foreign authors on the most topical issues. The publication focuses on a range of disciplines as follows: source studies, archaeology, folklore and literary studies, social structure, sociology.

The journal publishes articles in Russian, English, Kalmyk,
and Mongolian.

Indexed with Russian Science Citation Index.

Subscription code (Kniga-Servis Agency) — 33086

Главный редактор

канд. фил. наук

В. В. Куканова

Редколлегия:

Бакаева Э. П., д-р ист. наук; *Баянова А. Т.*, канд. фил. наук;
Ванчикова Ц. П., д-р ист. наук; *Голенкова З.Т.*, д-р филос. наук;
Дампилова Л. С., д-р фил. наук; *Денисова Г. С.*, д-р соц. наук;
Дулина Н. В., д-р соц. наук; *Жуковская Н. Л.*, д-р ист. наук;
Зайцев И. В., д-р ист. наук; *Иванова И. Н.*, д-р фил. наук;
Казиева А. М., д-р фил. наук; *Кляус В. Л.*, д-р фил. наук;
Кольцов П. М., д-р ист. наук; *Кринко Е. Ф.*, д-р ист. наук;
Лушников Д. А., д-р соц. наук; *Манджиева Б. Б.*, д-р фил. наук;
Музраева Д. Н., канд. фил. наук, д-р ист. наук;
Очиров У. Б., д-р ист. наук; *Очир-Горяева М. А.*, д-р ист. наук;
Пюрбеев Г. Ц., д-р фил. наук; *Ринчинов О. С.*, канд. физ.-мат. наук, д-р
ист. наук; *Ситдиков А. Г.*, д-р ист. наук;
Фокин А. А., д-р фил. наук; *Хабунова Е. Э.*, д-р фил. наук;
Ханинова Р. М., д-р фил. наук; *Ярмаркина Г. М.*, канд. фил. наук

Учредитель, редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста,

Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: kigiran@mail.ru

Сайт: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>

Переводчик: Б. О. Номинханова

Дизайн: Д. В. Татнинов

Верстка: А. Н. Когданов

© КалмНЦ РАН, 2024

© Коллектив авторов, 2024

Editor-in-Chief

V. V. Kukanova,
Cand. Sc. (Philology)

Editorial Board:

Bakaeva E. P., Dr. Sc. (History); *Bayanova A. T.*, Cand. Sc. (Philology);
Vanchikova Ts. P., Dr. Sc. (History); *Golenkova Z. T.* Dr. Sc. (Philosophy)
Dampilova L. S., Dr. Sc. (Philology); *Denisova G. C.*, Dr. Sc. (Sociology);
Dulina N. V., Dr. Sc. (Sociology); *Zhukovskaya N. L.*, Dr. Sc. (History);
Zaytsev I. V., Dr. Sc. (History); *Ivanova I. N.*, Dr. Sc. (Philology);
Kazieva A. M., Dr. Sc. (Philology); *Klyaus V. L.*, Dr. Sc. (Philology);
Koltsov P. M., Dr. Sc. (History); *Krinko E. F.*, Dr. Sc. (History);
Lushnikov D. A., Dr. Sc. (Sociology); *Mandzhieva B. B.*, Dr. Sc. (Philology);
Muzraeva D. N., Cand. Sc. (Philology), Dr. Sc. (History);
Ochirov U. B., Dr. Sc. (History); *Ochir-Goryaeva M. A.*, Dr. Sc. (History);
Pyurbeev G. Ts., Dr. Sc. (Philology); *Rinchinov O. S.*, Cand. Sc. (Physics,
Mathematics), Dr. Sc. (History); *Sitdikov A. G.*, Dr. Sc. (History);
Fokin A. A., Dr. Sc. (Philology); *Khabunova E. E.*, Dr. Sc. (Philology);
Khaninova R. M., Dr. Sc. (Philology); *Yarmarkina G. M.*, Cand. Sc.
(Philology)

Founder, Editorial Office, Publisher, Printing Office:

Federal State Budgetary Institution of Science

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Address of the Founder, Editorial Office, Publisher, Printing Office:

8, Ilishkin St., Elista 358000,

Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone no.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: kigiran@mail.ru

Website: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>

Traslator: B. O. Nominkhanova

Design: D. V. Tatninov

Page layout: A. N. Kogdanov

© KalmSC RAS, 2024

© Composite authors, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Археология

Кольцов П. М., Гребенюков В. И. Термины «археологический источник», «неолит» и «неолитизация» в контексте изучения неолита как археологической эпохи и их место в археологической научной лексике	8
Григорьев А. П. Сравнительная остеометрическая характеристика населения энеолита и ранней бронзы степного Поволжья.	33
Демиденко С. В., Гущина А. А. К вопросу о технологии изготовления украшений парадной конской упряжи позднесарматского времени из кургана 1 могильника <i>Гремячий III</i> на Нижнем Дону	49
Дремов И. И., Круглов Е. В. Неординарные золотоордынские погребения с бронзовыми конусами из Калмыкии.	67
Бембеева Л. А. Искусственно деформированные черепа из антропологических материалов, хранящихся в Калмыцком научном центре РАН	94
Лиджикова Т. В. Антропологический анализ средневекового захоронения из курганного могильника <i>Хар-Зуха-1</i>	147
Кекеев Э. А. Археологические коллекции, сформированные по результатам раскопок на территории Калмыкии, как источник по истории средневековья	170
Коваленко А.В. Поселение <i>Киракле-Тобе</i> . Новый памятник эпохи средневековья в дельте реки Волга	191

CONTENT

Archaeology

Koltsov P. M., Grebenyukov V. I. The Terms Archaeological Source, Neolithic and Neolithization in the context of the Study of the Neolithic as an Archaeological Epoch and their Place in the Archaeological Scientific Vocabulary	8
Grigorev A. P. Comparative Analysis Osteometric Data of the Eneolithic and Early Bronze Age Populations of Steppe Volga Region	33
Demidenko S. V., Gushchina A. A. On the Question of the Technology for Making Decorations for Ceremonial Horse Harnesses of the Late Sarmatian Period from Mound 1 of the <i>Gremyachiy III</i> Burial Ground on the Lower Don	49
Dremov I. I., Kruglov E. V. Extraordinary Burials of Golden Horde with Bronze Cones from Kalmykia	67
BEMBEEVA L. A. Artificially Deformed Skulls from Anthropological Materials Stored at the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences	94
Lidzhikova T. V. Anthropological Analysis of the Medieval Burial from the Burial Mound of <i>Khar-Zukha-1</i>	147
Kekeev E. A. Archaeological Collections Formed according to the Results of Excavations on the Territory of Kalmykia, as a Source on the History of the Middle Ages	170
Kovalenko A. V. The Settlement <i>Kiracle-Tobe</i> . A New Settlement of the Middle Ages in the Volga River Deltak	191

УДК / UDC 902/903

DOI: 10.22162/2587-6503-2024-2-30-8-32

Термины «археологический источник», «неолит» и «неолитизация» в контексте изучения неолита как археологической эпохи и их место в археологической научной лексике

Петр Михайлович Кольцов¹, Владимир Иванович Гребенюков²

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор

 0000-0001-9776-3650. E-mail: petrkoltsov52[at]mail.ru

² Нижневартовский государственный университет (д. 56, ул. Ленина, 628624 Нижневартовск, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

 0000-0002-9653-3797. E-mail: grebenukov[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Кольцов П. М., Гребенюков В. И., 2024

Аннотация. *Введение.* По мере накопления и осмысления археологического материала специалистами создавался понятийный аппарат со своей терминологией, содержание которого регулярно обновлялось. На современном этапе в неолитоведении до сих пор продолжает ощущаться отсутствие единой терминологической системы. *Целью* данной статьи является обоснование необходимости унификации содержательной части исследований неолитической эпохи, а также терминов «археологический источник», «неолит» и «неолитизация». *Материал.* Для исследования был использован ряд научных статей и монографий, содержание которых затрагивает указанную выше терминологию и критерии выделения эпохи неолита. Список этих источников обширный и приводится в конце статьи. *Методы* — исторический, логический, классификации, исторической реконструкции. *Результаты.* Анализ отечественной и зарубежной традиции в формировании понятийного аппарата в неолитоведении показал ее произвольный характер. При описании

неолитической эпохи исследователи используют разные наборы признаков. Так, термин «неолитизация» специалисты трактуют как процесс, включающий либо распространение керамической посуды, либо исключительно производящую экономику. Некоторой популярностью пользуются идеи распространения неолитического образа жизни путем миграций, внешнего влияния. Наблюдается также тенденция комплексной характеристики неолита, когда используются такие критерии, как технология первичного расщепления и типология каменной индустрии, наличие керамики, а также хозяйственная деятельность. *Выводы.* Применительно к терминам археологической науки важно соблюдение иерархии классификационной процедуры во избежание смешения разноуровневых или разнопорядковых категорий. Необходимо также достичь консенсуса в определении понятий «археологический источник», «неолит» и «неолитизация», исключив их расширенного и вольного толкования.

Ключевые слова: неолит, неолитоведение, неолитизация, неолитический пакет, каменная индустрия, периодизация, археологический источник

Для цитирования: Кольцов П. М., Гребенюков В. И. Термин «неолитизация» в контексте изучения неолита как археологической эпохи и его место в археологической научной лексике // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 2. С. 8–32. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-2-30-8-32

The terms *Archaeological source*, *Neolithic* and *Neolithization* in the context of the study of the Neolithic as an archaeological epoch and their place in the archaeological scientific vocabulary

Petr M. Koltsov¹, Vladimir I. Grebenyukov²

¹ B. B. Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0001-9776-3650. E-mail: petrkoltsov52[at]mail.ru

² Nizhnevartovsk State University (56, Lenin St., 628624 Nizhnevartovsk, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-9653-3797. E-mail: grebenyukov[at]mail.ru

Abstract. *Introduction.* As archaeological material accumulated and was comprehended by specialists, a conceptual apparatus with its own terminology was created, the content of which was regularly updated. At the present stage in Neolithic studies, the lack of a unified terminological system continues to be felt. *The purpose* of this article is to substantiate the need to unify the content of the Neolithic era, as well as the terms “archaeological source”, “Neolithic” and “Neolithization”. *Material.* For the study, a number of scientific articles and monographs were used, the content of which touches on the above terminology and criteria for identifying the Neolithic. The list of these sources is extensive and is given at the end of the article. *Methods* — historical, logical, classification, historical reconstruction. *Results.* Analysis of domestic and foreign traditions in the formation of the conceptual apparatus in “Neolithic studies” showed its arbitrary nature. When describing the Neolithic era, researchers use different sets of features. Thus, experts interpret the term “neolithization” as a process that includes either the spread of ceramic ware or an exclusively manufacturing economy. The ideas of the spread of the Neolithic way of life through migrations and external influence are somewhat popular. There is also a tendency to comprehensively characterize the Neolithic, when criteria such as the technology of primary cleavage and the typology of the stone industry, the presence of ceramics, and economic activity are used. *Conclusions.* In relation to the terms of archaeological science, it is important to observe the hierarchy of the classification procedure in order to avoid mixing categories of different levels or different orders. It is also necessary to reach a consensus in defining the concepts of “archaeological source”, “Neolithic” and “neolithization”, excluding their expanded and free interpretation.

Keywords: Neolithic, Neolithic studies, Neolithization, Neolithic package, stone industry, periodization, archaeological source

For citation: Koltsov P. M., Grebenyukov V. I. The Terms *Archaeological Source*, *Neolithic* and *Neolithization* in the Context of the Study of the Neolithic as an Archaeological Epoch and their Place in the Archaeological Scientific Vocabulary. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2024; 2: 8–32. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-2-30-8-32

1. Введение

Все меньше остается времени до очередной значимой даты — 160-летия термина «неолит», введенного Дж. Леббоком в 1865 г. Солидный возраст термина не избавил неолитоведение от дискуссий, затрагивающих критерии выделения эпохи. Однако по мере развития археологии все более остро ставится вопрос о характерных признаках этого периода. Об этом более 60 лет назад писал А. А. Формозов, когда призывал покончить с этим «расплывчатым термином» [Формозов 1959: 52]. Длительные и порой бескомпромиссные дискуссии по поводу содержания термина привели Г. П. Григорьева к выводу, что «...категория „неолит“, как бы ее ни толковать, стала не всеобщей, а локально ограниченной» [Григорьев 1981: 12].

Изначально термином «неолит» обозначена финальная часть каменного века. Содержание любого критерия в силу указанной выше специфики археологического знания не может не изменяться, новые археологические факты обязаны участвовать в обновлении содержания термина эпох или категорий артефактов, содержания понятий и терминов, улучшения их систематических критериев. Термин не может быть расплывчатым, размытым или ограниченным, а его содержание обязано меняться. Дискуссии вокруг содержания любого научного термина, в том числе понятия «неолит», — естественный процесс развития науки. Необходимость использования выверенных понятий продиктована целями археологии, а именно реконструкцией древней истории. Далекая древность не обеспечена либо недостаточно обеспечена письменными источниками. Указанная аксиома налагает на археолога ответственность за качество археологического источника.

2. Материалы и методы

Источниковой базой нашего исследования послужили научные статьи и монографии, которые содержат критерии выделения неолита как археологической эпохи, а также раскрывают понятия «археологический источник», «неолит» и «неолитизация». При написании данной работы использовались как общенаучные, так и специально-исторические методы. Из общенаучных методов применялись исторический, логический методы и методы классифи-

кации и исторической реконструкции. Исторический метод позволил проследить историографию появления терминов «археологический источник», «неолит» и «неолитизация» и их содержание во времени и пространстве. Логический метод позволил рассмотреть важнейшие признаки перехода к неолитическому времени, которые по мере накопления археологического материала изменялись. Метод классификации применялся для группировки полевых и археологических источников, а также литературы по рассматриваемой проблеме. Метод интерпретации позволил изучать и интерпретировать материальные свидетельства неолитического периода. При этом интерпретация археологического материала должна опираться на понятные и принятые научным сообществом признаки, критерии того или иного явления. Отсутствие критериев или их неоднозначность — повод для активного научного поиска.

3. Понятия «археологический источник», «неолит» и «неолитизация» в контексте изучения неолита как археологической эпохи

В основе понятия «археологический источник» лежат артефакты и итоги изучения легенды формирования культурного слоя, данные естественных наук и др. Археологический источник как понятие имеет свою историографию. В разное время к теме содержания понятия обращались многие специалисты. Один из последних экскурсов продемонстрирован в труде О. С. Пучковой [Пучкова 2001: 68–70]. Наблюдения исследователя о соотношении археологического и исторического источников вскрывает важнейшую проблему — смешение разнопорядковых категорий. Археология в российской традиции по конечным выводам — наука историческая, но работающая своими методами для получения исходной научной информации. Совокупность методов исследования формирует специфику археологии, и только археолог в состоянии квалифицированно сделать исторические выводы на основании археологического материала. И это еще одна особенность, мешающая провести разделение археологии и истории. Стремление к историческим выводам не позволяет остановиться и подвести итог исключительно археологической составляющей. Означенная проблема имеет свою длительную и неоднозначную историю.

Российская археология вошла в советский период органичной частью европейской археологии. В полной мере это относилось и к неолитоведению. В соответствии с предложенным наполнением технологического содержания археологических периодов Дж. Леббока, неолит характеризовался как «эпоха шлифованных орудий». В одном из первых трудов по каменному веку России А. С. Уварова важнейшим признаком перехода к неолитическому времени считалась керамика, «открытие гончарства». Заканчивался неолит, по мнению А. С. Уварова, «...при первом появлении металлов, хотя само изготовление каменных орудий продолжалось еще весьма долго» [Уваров 1881: 22–24].

В шкале развития материальной культуры, опубликованной В. А. Городцовым в работе «Бытовая археология», в неолите было выделено две стадии. Ранняя пора характеризовалась шлифованными орудиями, поздняя — сверлеными [Городцов 1910: 4]. Позднее схема развития неолита была расширена и стала трехчленной. Место «ранней поры» заняли материалы «азильско-тарденуазского» облика [Городцов 1923: 267].

Исторические реконструкции конца XIX в. — начала XX в. в отечественной исторической школе обращали внимание на такое понятие, как «неравномерное развитие обществ», имея в виду и соответствующее развитие материальной культуры [Городцов 1923: 28]. В русле отмеченной логики В. А. Городцовым была сформулирована концепция пережиточной неолитической культуры, определившая на десятилетия вперед основной путь развития отечественного неолитоведения [Городцов 1923: 309]. Такое видение не мешало развитию формально-типологического подхода в неолитоведении.

Поиск новых идей в 20–30-е гг. XX в. в российской археологии советского периода был многовекторным. Уваровский признак перехода к неолитическому времени — «керамика, открытие гончарства» — В. А. Городцов дополнил преобладанием микролитической индустрии [Городцов 1923: 28]. В основу вывода легли сведения полученные им еще в начале века при обследовании Изюмского уезда [Городцов 1905: 175–177]. Сосуществование керамики и микролитического каменного инвентаря вело к разрушению «классического» определения неолита как «эпохи шлифованных

орудий». В 1924 г. П. П. Ефименко, рассматривая проблему микролитической индустрии, писал: «...приходится считаться с указанием В. В. Гольмстен, что в районе ее наблюдений мелкая кремневая индустрия постоянно сопровождается керамикой. А если это так, присутствие керамики свидетельствует о более позднем возрасте этих находок» [Ефименко 1924: 226]. Особое место в дискуссии о характере каменной индустрии неолита заняли труды исследователей Нижнего Поволжья Т. М. Минаевой [Минаева 1929: 3–27] и И. В. Сеницына [Сеницын 1931: 81–91].

«Конфликт» в определении технологического содержания неолита некоторые исследователи пытались решить через социологические схемы [Брюсов 1928а: 24–33; Берс 1927: 7], чему способствовала серьезная методологическая основа российской науки о первобытности того времени [Тахтарев 1926]. Увлечение социологическими разработками в вопросе раскрытия проблем первобытной истории привело к осознанию необходимости изучения функционального назначения орудий [Гольмстен 1932: 11–14]. При изучении каменных индустрий ставился вопрос о необходимости профессиональной оценки сырьевой базы [Миллер 1995: 104–108]. Российских исследователей советского периода 20-х гг. XX столетия интересовала и тема производящей экономики, ее демографических последствий, миграции населения в другие регионы [Букинич 1924: 92–135].

Критика археологов старой школы вылилась в борьбу с «вещеведением», формально-типологическим подходом и призывами к внедрению комплексного метода исторических реконструкций на базе археологических материалов [Брюсов 1928б: 9–34; Равдоникас 1930]. В 1933 г. вышла показательная статья Ф. В. Кипарисова «Вещь — исторический источник» [Кипарисов 1933: 3–22].

Усиление социологизма в работах археологов сказалось на развитии базы собственно археологической составляющей истории первобытности. Увлечения «общественными трансформациями» позволило Виру Гордону Чайлду сформулировать важнейшее понятие истории первобытности — «неолитическую революцию». Сегодня данную концепцию следует понимать исключительно как процесс освоения новых способов добычи пищи путем ее производства.

Система трех веков заложила основы археологической классификации, сделала археологию наукой. Вся последующая логика ее развития базировалась на этом фундаментальном основании [Бочкарев 2009: 87]. Любой материал, использованный для изготовления орудий, требует обработки. Примененные технологии древности, изученные и систематизированные археологами, привели к созданию имеющейся на сегодняшний день периодизации, в том числе каменного века. История научного поиска показывает тенденции и направления этого поиска.

Тема технологического содержания неолитической эпохи никогда не исчезала из поля зрения российских исследователей. Полевые исследования заставляли осмысливать новый материал, полученный в результате полевых исследований. Много времени было уделено определению места и времени микролитической индустрии в археологической систематике [Гольмстен 1925: 6; Минаяева 1929: 19, 26; Сеницын 1931: 90–91; и др.]. Микролитическая индустрия в трактовке исследователей 1920–1930-х гг. пластинчатая, не совмещалась с керамикой и признавалась неким пережитком, обусловленным либо спецификой хозяйственной деятельности, либо особенностями ландшафта.

В конце 40-х гг. XX в. намечилось стремление уйти от использования каменной индустрии при характеристике неолита. Керамика представлялась наиболее подходящим показателем неолитической эпохи в связи с ее неочевидной связью с природой [Фосс 1949: 33–49; Брюсов 1952: 6; Арциховский 1954: 48; и др.]. Тема взаимосвязи природного окружения с характером каменного инвентаря была популярна в первой половине XX в. в российской археологии советского периода.

На короткое время керамика как критерий неолита выпадает из активного дискурса. Ее место заняла «неолитическая революция», производящие формы хозяйства [Гришин 1962: 25–26].

Стремление заменить археологический термин «неолит» понятием «неолитическая революция» привело к появлению целого ряда выводов, не имеющих к археологии прямого отношения. Ибо способ добычи пропитания — часть экономики, экономики первобытности, а способы распределения — часть социологии и экономики. Керамика (посуда из глины) имеет отношение к потре-

блению / хранению пищи, а не к ее добыче. В этой связи трудно согласиться с предложениями именовать неолит веком керамики в собственно археологической систематизации [Ставицкий 2014: 176].

Попытку устранить смешение археологической периодизации с исторической предпринял Л. П. Хлобыстин. Он предложил разделить изучение памятников с производящей экономикой от комплексов, оставленных охотниками, рыбаками и собирателями [Хлобыстин 1972: 26–42; Хлобыстин 1978: 94]. В таком предложении было видно стремление не изолировать археологическое изучение регионов с разными типами экономик, но и не переносить новшества, рожденные в производящей экономике, на археологические материалы, свидетельствующие о сохранении традиционных, присваивающих приемов добывания пищи.

1970-е гг. были богаты дискуссиями. Одна из них подвела условный итог проблеме соотношения во времени индустрии пластины и индустрии отщепа. На конференции, состоявшейся в Киеве в 1975 г., большинством ее участников не был оценен принцип первичности характера заготовки, пластины или отщепа, предложенный Г. И. Буровым [Буров 1978: 107]. Логика иерархии классификационной процедуры говорила в пользу идеи Г. И. Букова: материал — заготовка — тип. Но безусловным достижением конференции стала публикация примеров статистических таблиц [Телегин 1978: 36–40]. Оставалось придерживаться основополагающего принципа статистики — массовость явления, в нашем случае — археологического материала [Яркина 2020: 296].

Дискуссии по определению содержания неолитической эпохи никогда не исключали также керамику из числа ведущих признаков [Гурина 1978: 3–7; Коробкова, Массон 1978: 103–108; Крайнов 1986: 6–8; Крижевская 1986: 26–28; и др.].

Итог об основных характеристиках неолита XX в. был подведен в академическом издании: [Ошибкина 1996]. Во введении, по сути, была провозглашена «победа» над «буржуазным вещеведением» [Равдоникас 1930: 94; Равдоникас 1931: 14; Быковский 1931: 2–5], начавшаяся в начале 1930-х гг., что предопределило характер исследований начала XXI в. Реверанс С. В. Ошибкиной в сторону керамики как зримого маркера неолитической эпохи не следу-

ет воспринимать категорично. На этой же странице производство керамики, керамической посуды, по ее мнению, «...было вызвано переходом к оседлости и особенно изменением экономики и образа жизни населения» [Ошибкина 1996: 6]. Приведенная цитата не дает оснований как-то по-иному трактовать мысль исследователя. Тем не менее для большинства исследователей последних двух десятилетий, керамика — главный признак начала неолита [Мазуркевич и др. 2003: 260; Тимофеев, Зайцева 2004: 38–51; Герман 2004: 58; и др.]. Не поколебали это понимание открытие на Дальнем Востоке керамики, датируемой концом верхнего палеолита-мезолита [Яншина 2014: 125–151; и др.].

В начале XXI в. в характеристику неолита вошло определение «неолитизация». Рассмотрим ее содержание в трудах разных исследователей и попытаемся определить основополагающие принципы этого явления.

Один из первых это определение использовал В. С. Титов. Специалист по европейскому неолиту мимоходом употребил термин для характеристики процесса перехода от мезолита к неолиту. Сам процесс в понимании В. С. Титова представлялся многовекторным, куда входили миграция, аккультурация, возникновение и распространение земледелия и скотоводства [Титов 1984: 71–72]. В последующие почти два десятилетия определение «неолитизация» не использовалось в публикациях, посвященных неолиту.

Переломным этапом стал выход сборника статей «Неолит — энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов)» в 2003 г. «Открыла» тему публикация Т. Д. Белановской и В. И. Тимофеева «Многослойное поселение Ракушечный Яр (Нижнее Подонье) и проблемы неолитизации Восточной Европы». Термин был использован как маркер процесса в аккультурационном контексте [Белановская, Тимофеев 2003: 18].

Ознакомление с западно-европейской проблематикой по теме неолитизации предложил П. М. Долуханов. Он отметил, что изменения в хозяйстве и социальной организации коллективов при переходе от мезолита к неолиту являются предметом дискуссий [Долуханов 2003: 193]. Исследователь сделал краткий историографический обзор трактовки процесса неолитизации. Итоговые

выводы показали абсолютное преобладание в маркерах процесса керамики и производящей экономики [Долуханов 2003: 193, 204].

С этого времени термин «неолитизация» используется специалистами в нескольких вариантах наполнения его содержания: как процесс [Юдин 2012: 11–50; Храмцов 2019: 229; Ставицкий 2017: 88; Нордквист, Крийска 2018: 162; Андреев и др. 2012: 193], включающий либо распространение производства керамической посуды [Храмцов 2019: 229; Кудашев 2018: 479; Сомов 2018: 490; Мосин 2020: 145; Андреев и др. 2019: 132; Васильева 2017: 370]; либо подается как классический, проводится связь неолита исключительно с производящей экономикой [Штойбле, Вольфрам 2018: 240]. Впрочем, и там исследователи готовы видеть в керамике индикатор «неолитичности». Часть исследователей стремится оставить пространство для маневра. Они ставят открытие производства керамической посуды, «керамического производства» в один ряд с возникновением производящего хозяйства и появлением металлообработки. «Проблемы формирования керамического производства, возникновения производящего хозяйства и появления металлообработки носят фундаментальный характер» [Выборнов и др. 2020: 118]. Отдельные исследователи видят в неолитизации (переход к земледелию) катализатор социальных сдвигов, появление неравенства [Артемова 2019: 213]. Популярными становятся идеи миграционного характера распространения неолитического образа жизни, внешнего влияния [Андреев 2014: 13], а также регионально разные стратегии неолитизации [Штойбле, Вольфрам 2018: 242]. При этом переход к прочной оседлости в эпоху неолита как признак «неолитизации» не учитывает многочисленные свидетельства «капитального» домостроительства по меньшей мере с эпохи верхнего палеолита [Чернышов 2006: 7–12], а мезолитическое население, помимо жилищ постоянного характера [Хрусталева 2016: 77–85; и др.], могло использовать и легкие разборные конструкции, не оставлявшими следа в культурном слое.

Тенденцией последних лет можно считать комплексную характеристику неолита, когда используются такие критерии, как технология первичного расщепления и типология каменной индустрии, наличие керамики, а также хозяйственная деятельность [Кольцов 2012: 65–73; Лычагина, Батуева 2017: 105–109; Назарова 2020: 69].

Пример типологическо-статистических таблиц, приведенный Д. Я. Телегиным в 1978 г., не стал заразительным, но их использование для различных целей при публикации неолитических материалов приобретает тенденцию относительной регулярности, чаще с целью иллюстрации. Систематизация таблиц, их регулярное использование и постановка соответствующих задач могли способствовать решению ряда проблем неолитоведения.

Выборочный анализ используемых в публикациях таблиц демонстрирует, скорее, исследовательский интерес к отдельным темам и анализу следующих составляющих каменной индустрии:

1) типологический лист [Цветкова 2019: 122; Скоробогатов 2018: 183; Горелик, Цыбрий 2014: 60; Жилин, Мирецкий 1991: 156–157; Сайгин, Юдин 1991: 194];

2) виды сырья (в виде диаграммы) [Федюнин 2012: 17];

3) описание без ссылки на автора анализа сырья [Дубовцева и др. 2019: 151; Скоробогатов 2018: 179; Горелик, Цыбрий 2014: 59; Сайгин, Юдин 1991: 204];

4) цветовая гамма сырья (диаграмма) [Федюнин 2012: 17];

5) процентное соотношение разных типов сырья [Федюнин 2012: 28];

6) комплекс изделий из отдельного вида сырья (со ссылкой на автора анализа сырья — без указания квалификации) [Вилисов 2015: 112; Федюнин 2012: 32], (без ссылки на автора анализа сырья [Зах, Скочина 2009: 16–28];

7) характеристика пластинчатого комплекса по ширине, ретуши и сработанности [Ткачев, Волков 2010: 34];

8) фрагментация каменного инвентаря по типам изделий:

– каменный инвентарь [Сайгин, Юдин 1991: 199, 203]

– морфология дебитажа (отщепы и осколки) [Федюнин 2012: 45],

– морфология орудий [Федюнин 2012: 47],

– находки из сооружения [Федюнин 2012: 74],

– соотношение групп и типов скребков [Цветкова 2019: 125],

– соотношение групп и типов резцов [Цветкова 2019: 124],

– соотношение типов вкладышей [Цветкова 2019: 125],

– отдельные типы изделий [Андреев 2015: 201–205; Алишер и др. 2020: 56–58; Цветкова 2019: 126],

– количество пластин, орудий, изготовленных из них и изделий, связанных с их производством [Смолянинов, Юркина 2018: 198; Иващенко, Толпеко 2006: 117–120; Клементьева и др. 2012: 497–524],

– изделия на пластинах и их частях [Сериков и др. 2018: 12];

9) ширина пластин [Сериков и др. 2018: 8];

10) соотношение данных типологического и трасологического анализа [Лычагина и др. 2014: 22; Лычагина, Поплевко 2011: 4–10];

11) общие показатели кремневых комплексов (сырье — без детализации по типам изделий, соотношение изделий из пластин и отщепов и др.) [Андреев 2015: 200; Дубовцева и др. 2019: 149–158];

12) технико-морфологические параметры пластин [Цветкова 2019: 122].

Приведенный перечень используемых в публикациях таблиц далеко не полный. Тем не менее в большинстве работ доминирует описательный способ характеристики каменного инвентаря, индустрии и минералов [Юракова, Марочкин 2020: 176–190; Скочина 2009: 59–63; Молодин и др. 2016: 135–139; Дубовцева и др. 2019: 149–158; Косинская 2020: 164–175; Галимова 2012: 23; Мосин, Яковлева 2016: 75–77; Косинская 2013: 242–243; Бобров и др. 2012: 4–13; Клементьева и др. 2020: 84–99; Зах, Скочина 2009: 16–28; и др.].

Применение статистических таблиц при анализе любых археологических материалов не самоцель, а возможность получить соответствующую выборку, позволяющую подтвердить или опровергнуть ту или иную гипотезу. Исключением можно считать типологический лист. Его содержание — отдельная тема, относящаяся к разделу организации науки.

Внимание необходимо уделить теме анализа технологического развития каменной индустрии. Без решения этой фундаментальной задачи исторические и иные выводы на базе археологического материала не смогут опираться на принятые археологическим сообществом признаки.

При всей увлеченности историческими реконструкциями — экономикой первобытности (присваивающей и производящей экономикой), деталями быта (домостроением, керамическим произ-

водством, ткачеством) — означенная тема технологического развития каменной индустрии находилась в сфере внимания исследователей [Кольцов 2014: 13–19].

Выше мы писали о времени поиска новых направлений научного поиска отечественными учеными в 1920–1930-е гг. Одно из таких направлений было связано с необходимостью изучения основы каменной индустрии — минералов. Внимание к этой проблематике привело С. А. Семенова к выводу о различных свойствах пород минералов. «Получение призматических пластин из таких пород, как базальт, диорит, диабаз, порфир, крупнозернистый кварцит, андезит, было делом трудным. В неолите, когда эта техника была доведена до высокой степени совершенства, мастера умели получать призматические пластины даже из некоторых названных и им подобных материалов. В позднем палеолите техника отщепления призматических пластин еще только формировалась. Поэтому там, где было возможно, исходный материал предпочитался мелкозернистый, с хорошими свойствами изотропности» [Семенов 1968: 44]. Указанное наблюдение С. А. Семенова в дальнейшем предлагалось использовать как для возможности решить проблему технологического выделения энеолита [Гребенюков 1990: 164], так и для изучения миграционных процессов. «Открытие генетически не связанных керамических комплексов позволили сделать вывод о миграции населения как в широтном, так и в меридиальном направлениях», данные тезисы приводили коллективы в места с непривычной сырьевой базой [Ошибкина 2003: 244, 249; Сеницына 2003: 255; Гусенцова 2003: 275]. Как все это влияло на технологию расщепления и вторичной обработки каменных изделий — задача непростая. Такой работе должно предшествовать накопление статистической информации о первичной заготовке и используемом сырье на больших площадях и значительном числе памятников, изученных раскопками.

Другим ответвлением наблюдений С. А. Семенова стало изучение технологии расщепления камня, в том числе и вариаций развития призматической техники [Гиря, Нехорошев 1993: 5–24]. Технологический процесс получения первичной заготовки — важная часть реконструкции древних технологий, их изучение отдель-

ная тема, сравнимая с изучением примесей в меди для получения искусственных сплавов.

Возвращаясь к материалам археологической конференции, прошедшей в Киеве в 1975 г., отметим, что подходы, предложенные к статистическому анализу каменного инвентаря, базировались на типологии. Эта идея, имеющая давние и разветвленные корни, опиралась на эксклюзивные типы изделий — геометрические микролиты, наконечники стрел и т. п. Большую роль при анализе таких изделий отводили относительной хронологии, направлению культурных связей. Популярности этого направления при изучении мезолита и неолита способствовали материалы многослойных памятников типа *Гари-Камарбанд*, *Джебел* [Окладников 1956: 11–219]. Типологические критерии для характеристики временных отрезков прошлого или определения территориальных особенностей развития каменных индустрий популярны до настоящего времени [Зах 2005: 60–70; Леонова 2019: 43–53].

4. Выводы

Стремление археологов выйти на уровень исторических реконструкций первобытности явление вполне естественное. Оно полностью отражает философию отечественной археологической школы, в том числе советского периода. Для исторической науки исторический источник — основа для последующих выводов. Археологи ответственны за качество своих источников, ибо никто другой не в состоянии профессионально оценить и ввести в научный оборот материалы специфических следов деятельности человека. Специфика археологических источников накладывает на археолога большую ответственность за качество их обработки. От качественной подачи и дальнейшего всестороннего анализа археологических материалов зависит оправданность последующих заключений. Собственно археологические материалы — артефакты, зафиксированные следы деятельности человека (остатки жилых сооружений, хозяйственных построек и прочих объектов) требуют статистической, семантической (артефакты) и интерпретационной (легенда культурного слоя) достоверности. Особенно важна статистика инвентарного комплекса. Если мы говорим о каменной составляющей орудийного комплекса, то сторонний наблюдатель

(исследователь) должен получить исчерпывающие данные по материалам, индустрии, типам. Изделия из кости, керамическая посуда, их реальный вид и реконструкции могут и должны демонстрироваться научной общественности в отдельности, присутствовать в отдельных подачах. Сомнения в достоверности выводов коллег периодически появляются в публикациях исследователей [Гаскевич 2010: 217].

Применительно к терминам археологической науки важно соблюдение иерархии классификационной процедуры [Гребенюков 1990: 23] во избежание смешения разноуровневых или разнопорядковых категорий.

Изложенные выше проблемы отечественного неолитоведения далеко не исчерпывающие. От их решения зависит движение науки к новым этапам развития. Мы надеемся на продолжение не только дискуссии по этой теме в научном сообществе, но в большей степени на анализ состояния источниковой базы неолитоведения. Необходимо также достичь консенсуса в определении содержания понятия «археологический источник», исключение его расширенного и вольного толкования. Прежде всего это касается форм и содержания статистических таблиц.

Особое внимание необходимо уделить и историографии археологии неолита. Некоторая работа в этой области уже проделана, но требуется расширение географии таких исследований. Наше понимание историографии археологии видится как развитие мысли в науке, а научная археологическая мысль может базироваться на археологическом источнике, его анализе и критике. Основным археологическим источником, по нашему мнению, может быть «Отчет о полевых исследованиях» со всем многообразием имеющихся и перспективных данных естественных и точных наук.

Литература

Алишер и др. 2020 — *Алишер кызы С., Шнайдер С. В., Янина Т. А.* Новая интерпретация каменной индустрии местонахождения Сай Джанурпа (Восточный Прикаспий) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. Т. 19. № 7. Археология и этнография. С. 52–68.

Андреев 2014 — *Андреев К. М.* Некоторые аспекты взаимодействия на-

- селения Нижней и Средней Волги в неолите // Самарский научный вестник. 2014. № 3 (8). С.13–17.
- Андреев 2015 — *Андреев К. М.* Характеристика ранненеолитической кремневой индустрии Елшанской культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 17. 2015. № 3. С. 198–211.
- Андреев и др. 2012 — *Андреев К. М., Выборнов А. А., Кулькова М. А.* Некоторые итоги и перспективы радиоуглеродного датирования Елшанской культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 14. 2012. № 3. С. 193–199.
- Андреев и др. 2019 — *Андреев К. М., Выборнов А. А., Кулькова М. А., Храмов Д. Ю.* К вопросу об абсолютной хронологии керамики Луговского типа // Самарский научный вестник. Т. 8. 2019. № 3 (28). С. 132–135.
- Артемова 2019 — *Артемова О. Ю.* Изобретение равенства: Мини-симпозиум // Антропологический форум. 2019. № 43. С. 213–222.
- Арциховский 1954 — *Арциховский А. В.* Основы археологии: Учебник. М.: ГИПЛ. 1954. 280с.
- Белановская, Тимофеев 2003 — *Белановская Т. Д., Тимофеев В. И.* Много-слойное поселение Ракушечный Яр (Нижнее Подонье) и проблемы неолитизации Восточной Европы // Неолит – энеолит юга и неолит севера Восточной Европы. СПб., 2003. С. 14–21.
- Берс 1927 — *Берс А. А.* Далекое прошлое Урала: Конспект лекций. Свердловск: Изд-во Уралпрофсовета, 1927. 31 с.
- Бобров и др. 2012 — *Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю.* Поселение боборыкинской культуры Автодром 2/2 (северо-западные районы Барабинской лесостепи) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 3 (18). С. 4–13.
- Бочкарев 2009 — *Бочкарев В. С.* «Система трех веков» // Проблемы культурогенеза и культурного наследия. Сб. ст. к 80-летию В. М. Массона. СПб.: Инфо Ол, 2009. С. 87–101.
- Брюсов 1928а — *Брюсов А. Я.* Восстановление общественно-экономических формаций в культурах неолитического типа // Труды ассоциации. 1928а. Т. 2. С. 24–33.
- Брюсов 1928б — *Брюсов А. Я.* Восстановление общественно-экономических формаций в культурах неолитического типа // Труды ассоциации. 1928б. Т. 3. С. 9–34.
- Брюсов 1952 — *Брюсов А. Я.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: Наука, 1952. 262с.
- Букинич 1924 — *Букинич Д. Д.* История первобытного орошаемого зем-

- леделия в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства // Хлопковое дело. 1924. № 3–4. С. 92–135.
- Буров 1978 — *Буров Г. М.* Категории и типы каменных изделий у племен крайнего Европейского северо-востока // Орудия каменного века. Киев: Наукова думка, 1978. С. 107–121.
- Быковский 1931 — *Быковский С. Н.* О классовых корнях старой археологии // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1931. № 9/10. С. 2–5.
- Васильева 2017 — *Васильева И. Н.* К вопросу о гончарных традициях неолитического населения Подонья // Известия Самарского научного центра РАН. 2017. Т. 19. № 3 (2). С. 370–379.
- Вилисов 2015 — *Вилисов Е. В.* Каменное сырье в неолите Среднего Зауралья (по материалам Юрьинского поселения) // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 10 (41). Ч. 4. С. 111–114.
- Выборнов и др. 2020 — *Выборнов А. А., Васильева И. Н., Барацков А. В., Гилязов Ф. Ф., Косинцев П. А., Кулькова М. А., Курбатова Л. А., Рослякова Н. В., Юдин А. И.* Итоги исследования стоянки Алгай в 2019 году в Нижнем Поволжье // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9. № 1 (30). С. 118–131.
- Галимова 2012 — *Галимова М. Ш.* Кремневые комплексы мезолита-энеолита северной части Икско-Бельского междуречья // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 6–28.
- Гаскевич 2010 — *Гаскевич Д. Л.* Северо-понтийское импрессио: происхождение неолитической керамики с гребенчатым орнаментом на юге Восточной Европы // *Stratum plus*. 2010. № 2. С. 213–251.
- Герман 2004 — *Герман К. Э.* Проблемы хронологии начального этапа раннего неолита северо-восточной Фенноскандии // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии (хронология неолита, особенности культур и неолитизация регионов, взаимодействия неолитических культур в Восточной и Средней Европе). СПб.: ИИМК РАН, 2004. С. 56–59.
- Гиря, Нехорошев 1993 — *Гиря Е. Ю., Нехорошев П. Е.* Некоторые технологические критерии археологической периодизации каменных индустрий // Российская археология. 1993. № 4. С. 5–24.
- Гольмстен 1925 — *Гольмстен В. В.* Материалы по археологии Самарской губернии // Бюллетень Общества археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском университете. 1925. № 2. С. 5–10.
- Гольмстен 1932 — *Гольмстен В. В.* К разработке приемов исследования

- вещественных памятников // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1932. № 11–12. С. 11–14.
- Горелик, Цыбрий 2014 — *Горелик А. Ф., Цыбрий А. В.* Стоянка Орехово-Донецкое 3 в Среднем Подонцовье. К характеристике одной из поворотных вех в истории Днепро-Донецкого неолита // Самарский научный вестник. 2014. № 3 (8). С. 58–77.
- Городцов 1905 — *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года // Труды съезда. Двенадцатый археологический съезд в Харькове 1902 года. 1905. Т. 1. С. 174–225.
- Городцов 1910 — *Городцов В. А.* Бытовая археология. Курс лекций, прочитанных в Московском Археологическом институте. М.: Московский Археологический институт, 1910. 474 с.
- Городцов 1923 — *Городцов В. А.* Археология. Каменный период. Т. I. М.; П.-д.; ОГИЗ, 1923. 396 с.
- Гребенюков 1990 — *Гребенюков В. И.* Семантический уровень исследований в историографии мезо-энеолита Казахстана. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1990. 196 с.
- Григорьев 1981 — *Григорьев Г. П.* О предмете археологии // Описание и анализ археологических источников. Иркутск: ИГУ, 1981. С. 3–15.
- Гришин 1962 — *Гришин Ю. С.* Обсуждение Доклада В. С. Титова «Первое общественное разделение труда. Древнейшие земледельческие и скотоводческие племена» // Краткие сообщения Института археологии. 1962. Вып. 88. С. 25–26.
- Гурина 1978 — *Гурина Н. Н.* О датировке неолита // Краткие сообщения Института археологии. 1978. Вып. 153. С. 3–7.
- Гусенцова 2003 — *Гусенцова Т. М.* Керамика раннего неолита северо-востока Ленинградской области // Неолит — энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы. СПб.: ИИМК РАН, 2003. С. 268–276.
- Долуханов 2003 — *Долуханов П. М.* Проблемы неолитизации и изучение материальной культуры раннего неолита // Неолит – энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы. СПб.: ИИМК РАН, 2003. С. 193–206.
- Дубовцева и др. 2019 — *Дубовцева Е. Н., Косинская Л. Л., Пиецонка Х.* Анализ вещевого комплекса и новые радиоуглеродные датировки раннеэнеолитического городища Амня I // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 149–158.
- Ефименко 1924 — *Ефименко П. П.* Мелкие кремневые орудия геометрических и иных своеобразных очертаний в русских стоянках раннеэ-

- олитического возраста // Русский антропологический журнал. Т. 13. Вып. 3–4. М.: Гос. изд-во, 1924. С. 211–228.
- Жилин, Мирецкий 1991 — *Жилин М. Г., Мирецкий А. В.* Мезолитическая стоянка Хрипелёво 1 на Верхней Волге // Советская археология. 1991. № 2. С. 148–159.
- Зах 2005 — *Зах В. А.* К проблеме неолитизации Западной Сибири // АВ ОВО: Проблемы генезиса культуры. Тюмень: ТюмГУ, 2005. С. 60–70.
- Зах, Скочина 2009 — *Зах В. А., Скочина С. Н.* Ранний комплекс поселения Мергень 6 в Нижнем Приишимье (по материалам 1990, 2002 и 2004 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 11. С. 16–28.
- Иващенко, Толпекко 2006 — *Иващенко С. Н., Толпекко И. В.* Переход от палеолита к неолиту: пластинчатая микроиндустрия Среднего Прииртышья // Современные проблемы археологии России: Мат-лы Всерос. археол. съезда. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. 1. С. 117–120.
- Кипарисов 1933 — *Кипарисов Ф. В.* Вещь — исторический источник // Известия Государственной академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра. 1933. Вып. 100. С. 3–22.
- Клементьева и др. 2012 — *Клементьева Т. Ю., Круземент С. А., Погодин А. А.* Поселения эпохи неолита на севере Западной Сибири (бассейн Конды): полевые исследования 2007–2011 гг. // Первобытные древности Евразии: к 60-летию А. Н. Сорокина. М.: ИА РАН, 2012. С. 497–524.
- Клементьева и др. 2020 — *Клементьева Т. Ю., Погодин А. А., Дубовцева Е. Н.* Поселение раннего неолита Шоушма 10 в верховьях реки Конды // Поволжская археология. 2020. № 3 (33). С. 84–99.
- Кольцов 2012 — *Кольцов П. М.* Процесс неолитизации на Евразийском пространстве // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Сер. История. Международные отношения. Вып. 3. С. 65–73.
- Кольцов 2014 — *Кольцов П. М.* Понятие «неолит» и процессы неолитизации Евразии // Вестник Калмыцкого университета. 2014. № 4 (24). С. 13–19.
- Коробкова, Массон 1978 — *Коробкова Г. Ф., Массон В. М.* Понятие «неолит» и вопросы хронологии неолита Средней Азии // Краткие сообщения Института археологии. 1978. Вып. 153. С. 103–108.
- Косинская 2013 — *Косинская Л. Л.* Неолит Надым-Пуровского водораздела: Источники и проблематика // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3 (23). С. 242–243.

- Косинская 2020 — *Косинская Л. Л.* Каменный инвентарь неолитических комплексов с плоскодонной керамикой лесной зоны Зауралья // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. Т. 19. № 7: Археология и этнография. С. 164–175.
- Крайнов 1986 — *Крайнов Д. А.* Спорные вопросы неолита центра Русской равнины // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы: Тез. докл. предстоящей обл. конф. (18–21 февраля 1986 г.). Оренбург: [б. и.], 1986. С. 6–8.
- Крижевская 1986 — *Крижевская Л. Я.* Начало неолита в степях Северного Причерноморья // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы: Тез. докл. предстоящей обл. конф. (18–21 февраля 1986 г.). Оренбург: [б. и.], 1986. С. 26–28.
- Кудашев 2018 — *Кудашев А. С.* История изучения раннего неолита Мариинского Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. 2018. Т. 20. № 3 (2). С. 479–484.
- Леонова 2019 — *Леонова Е. В.* Еще раз о неолите северного Кавказа // Российская археология. 2019. № 4. С. 43–53.
- Лычагина и др. 2014 — *Лычагина Е. Л., Поплевко Г. Н., Цыгвинцева Т. А.* Комплексный анализ каменного инвентаря поселения Чернушка (раскоп II 2003 г.) // Вестник Пермского университета. 2014. История. Вып. 1(24). С. 15–27.
- Лычагина, Батуева 2017 — *Лычагина Е. Л., Батуева Н. С.* Ранние керамические комплексы Волго-Камской культуры (по материалам Лёвшинской стоянки) // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 105–109.
- Лычагина, Поплевко 2011 — *Лычагина Е. Л., Поплевко Г. Н.* Возможности комплексного анализа каменного инвентаря (на примере раскопа VI стоянки Хуторская) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1 (14). С. 4–10.
- Мазуркевич и др. 2003 — *Мазуркевич А. Н., Кулькова М. А., Полковникова М. Э., Савельева Л. Э.* Ранненеолитические памятники Ловатско-Двинского междуречья // Неолит – энеолит юга и неолит севера Восточной Европы. СПб.: ИИМК РАН, 2003. С. 260–267.
- Миллер 1995 — *Миллер А. А.* Орудия труда доклассового общества как источник // Антология советской археологии. Т. II. 1930-е годы. М.: ГИМ, 1995. С. 104–108.
- Минаева 1929 — *Минаева Т. М.* Кремневая индустрия Нижнего Поволжья

- // Труды Нижневолжского областного научного общества краеведения. 1929. Т. 36. Ч. 1. С. 3–27.
- Молодин и др. 2016 — *Молодин В. И., Хансен С., Ненахов Д. А., Райнхольд С., Ненахова Ю. Н., Нестерова М. С., Дураков И. А., Мильникова Л. Н., Кобелева Л. С., Васильев С. К.* Новые данные о неолитических комплексах памятника Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 22. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 135–139.
- Мосин 2020 — *Мосин В. С.* Комплексы с плоскодонной керамикой в неолите от Волги до Оби: хронологический аспект // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. Т. 19. № 7: Археология и этнография. С. 139–149.
- Мосин, Яковлева 2016 — *Мосин В. С., Яковлева Е. С.* Неолитический комплекс стоянки Кедровый Мыс-1 // Самарский научный вестник. 2016. № 2 (15). С. 75.
- Назарова 2020 — *Назарова А. Ю.* Проявление признаков неолитического пакета на территории лесной полосы в VII–IV тыс. до н. э. // Археология Евразийских степей. 2020. № 5. С. 69–75.
- Нордквист, Крийска 2018 — *Нордквист К., Крийска А.* Неолит Северо-Востока Европы в балтийской перспективе // Российская археология. 2018. № 2. С. 162–174.
- Окладников 1956 — *Окладников А. П.* Пещера Джебел — памятник древней культуры Прикаспийских племен Туркмении // Труды экспедиции. 1956. Т. 7. С. 11–219.
- Ошибкина 1996 — *Ошибкина С. В.* Введение. Понятие о неолите. Неолит Северной Евразии / отв. ред. С. В. Ошибкина; авт.: Т. Д. Белановская, В. В. Бжания, Н. Н. Гурина и др. М.: Наука, 1996. 380 с.
- Ошибкина 2003 — *Ошибкина С. В.* К вопросу о раннем неолите на севере Восточной Европы // Неолит — энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб.: ИИМК РАН, 2003. С. 241–254.
- Пучкова 2001 — *Пучкова О. С.* Археологический источник: Состояние и проблемы // Вестник Омского университета. 2001. № 4. С. 68–70.
- Равдоникас 1930 — *Равдоникас В. И.* За марксистскую историю материальной культуры // Известия Государственной академии истории материальной культуры. 1930. Т. 7. Вып. 3–4. 94 с.
- Равдоникас 1931 — *Равдоникас В. И.* О применении метода диалектического материализма к истории доклассового общества // Сообщения

- Государственной академии истории материальной культуры. 1931. № 9/10. С. 5–32.
- Сайгин, Юдин 1991 — *Сайгин Ф. И., Юдин А. И.* Каменные орудия Кушумской стоянки // Советская археология. 1991. № 4. С. 192–205.
- Семенов 1968 — *Семенов С. А.* Развитие техники в каменном веке. Ленинград: Наука, ЛО, 1968. 362 с.
- Сериков и др. 2018 — *Сериков Ю. Б., Балуева Ю. В., Коноваленко М. В.* Каменный инвентарь нового мезолитического поселения на севере Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 5–19.
- Синицын 1931 — *Синицын И. В.* Кремневые орудия с дюнных стоянок Калмыцкой области // Известия Нижне-Волжского института краеведения. 1931. Т. IV. С. 81–91.
- Синицына 2003 — *Синицына Г. В.* К вопросу о раннем неолите Северной Евразии // Неолит – энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб.: ИИМК РАН, 2003. С. 255–259.
- Скоробогатов 2018 — *Скоробогатов А. М.* Стоянка Черкасская-5 и ее место в раннем неолите Среднего Дона // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 176–189.
- Скочина 2009 — *Скочина С. Н.* Каменный инвентарь Кокуйской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. Вып. 9. С. 59–63.
- Смольянинов, Юркина 2018 — *Смольянинов Р. В., Юркина Е. С.* Каменная индустрия раннего неолита Верхнего Дона // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 189–199.
- Сомов 2018 — *Сомов А. В.* История изучения Средневожской культуры // Известия Самарского научного центра РАН. 2018. Т. 20. № 3 (2). С. 490–496.
- Ставицкий 2014 — *Ставицкий В. В.* К вопросу о единстве критериев неолитической эпохи для культур севера и юга // Самарский научный вестник. 2014. № 3 (8). С. 171–177.
- Ставицкий 2017 — *Ставицкий В. В.* Дискуссионные вопросы изучения раннеолитических памятников Среднего Поволжья // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 05-1 (59). Ч. 1. С. 87–89.
- Тахтарев 1926 — *Тахтарев К. М.* Сравнительная история развития человеческого общества и общественных форм. Л.: Госиздат. 1926. 364 с.
- Телегин 1978 — *Телегин Д. Я.* К методике составления типологическо-

- статистических таблиц кремневых изделий мезо-неолитической эпохи // Орудия каменного века. Киев: Наукова думка, 1978. С. 35–57.
- Тимофеев, Зайцева 2004 — *Тимофеев В. И., Зайцева Г. И.* К проблеме датировки начала неолита в Восточной Европе // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии (хронология неолита, особенности культур и неолитизация регионов, взаимодействия неолитических культур в Восточной и Средней Европе). СПб.: ИИМК РАН, 2004. С. 38–51.
- Титов 1984 — *Титов В. С.* Некоторые проблемы возникновения и распространения производящего хозяйства в юго-восточной Европе и на юге Средней Европы // Краткие сообщения Института археологии. 1984. Вып. 180. С. 71–79.
- Ткачев, Волков 2010 — *Ткачев А. А., Волков Е. Н.* Комплексы эпох неолита — раннего бронзового века поселения Плотинное // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 1 (12). С. 34.
- Уваров 1881 — *Уваров А. С.* Археология России. Каменный период. Т. I. М.: Синод. тип., 1881. 439 с.
- Федюнин 2012 — *Федюнин И. В.* Стоянка Плаутино 2 и ее место в мезолите бассейна Дона. Воронеж: ВГПУ, 2012. 148 с.
- Формозов 1959 — *Формозов А. А.* Микролитические памятники Азиатской части СССР // Советская археология. 1959. № 2. С. 47–59.
- Фосс 1949 — *Фосс М. Е.* О терминах «неолит», «бронза», «культура» // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1949. Вып. 29. С. 33–49.
- Хлобыстин 1978 — *Хлобыстин Л. П.* Возраст и соотношение неолитических культур Восточной Сибири // Краткие сообщения Института археологии. 1978. Вып. 153. С. 93–99.
- Хлобыстин 1972 — *Хлобыстин Л. П.* Проблемы социологии неолита Северной Евразии // Охотники, собиратели, рыболовы. Л.: Наука, 1972. С. 26–42.
- Храмцов 2019 — *Храмцов М. В.* Ареал боборыкинской культуры в свете новейших открытий // Археология Евразийских степей. 2019. № 5 (Археолог и музей: диалог о вечном. Мат-лы Всеросс. археологического семинара (Казань, 11–13 сентября 2019 г.)). С. 229–233.
- Хрусталева 2016 — *Хрусталева И. Ю.* Древнейшие постройки каменного века на территории Смоленской и Псковской областей России // Самарский научный вестник. 2016. № 4 (17). С. 77–85.
- Цветкова 2019 — *Цветкова Н. А.* Переход от мезолита к неолиту на Верх-

- ней Волге по результатам изучения каменной индустрии // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 119–131.
- Чернышов 2006 — *Чернышов С. С.* Жилища эпохи верхнего палеолита // Археологические памятники Восточной Европы: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 12. Воронеж: ВГПУ, 2006. С. 7–12.
- Штойбле, Вольфрам 2018 — *Штойбле Х., Вольфрам С.* Ленточная керамика и мезолит: последовательность и сосуществование // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 2 (18). С. 239–253.
- Юдин 2012 — *Юдин С. О.* Актуальные вопросы изучения неолита среднего Поволжья // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 1148–1150.
- Юракова, Марочкин 2020 — *Юракова А. Ю., Марочкин А. Г.* Каменные индустрии поселений «плоскодонного неолита» Барабы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. Т. 19. № 7. Археология и этнография. С. 176–190.
- Яншина 2014 — *Яншина О. В.* Понятие «неолит» и археология Восточной Азии // Российский археологический ежегодник. 2014. № 4. С. 125–151.
- Яркина 2020 — *Яркина Н. Н.* Методологические принципы современной статистики // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 28 (2). С. 294–298.

УДК / UDC 572

DOI: 10.22162/2587-6503-2024-2-30-33-48

Сравнительная остеометрическая характеристика населения энеолита и ранней бронзы степного Поволжья

*Артем Петрович Григорьев*¹

¹ Самарский государственный социально-педагогический университет
(д. 65/67, ул. Максима Горького, 443000 Самара, Россия)
младший научный сотрудник

0000-0001-7542-9942. E-mail: grap9[at]bk.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Григорьев А. П., 2024

Аннотация. В работе представлены результаты сопоставления остеометрических характеристик серий эпох энеолита и раннего бронзового века методами сравнения данных описательной статистики и применения непараметрического критерия Манна-Уитни. Зафиксировано, с одной стороны, резкое отличие относительно мезоморфного хвалынского энеолитического населения от гипермассивных скелетов ямной культуры раннего бронзового века Поволжья. С другой стороны, наблюдается сходство группы раннего бронзового века с серией неолита-энеолита днепро-донецкого региона. Полученный результат является дополнительным аргументом в пользу гипотезы о формировании популяции ямной культуры в днепро-донском регионе. В качестве субстрата для возникновения ямного населения, по-видимому, следует рассматривать потомков мариупольской неолитической популяции и / или группы, занимавшие западный фланг хвалынского-среднепалеолитической культурной области. В работе также рассматриваются экологические факторы изменчивости посткраниального скелета. Предполагается, что усиление аридизации климата в раннем бронзовом веке привело к хозяйственной переориентации населения в сторону подвижного скотоводства. В связи с этим предполагается увеличение физической активности населения, фиксируется появление в рационе питания дополнительного белкового компонента в виде молочных продуктов. В комплексе эти явления могли способствовать усилению гиперморфии посткраниального скелета людей ямной культуры.

Ключевые слова: остеометрия, посткраниальный скелет, энеолит, ранний бронзовый век, степное Поволжье

Благодарности. Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 22–18–00194 «Эпохальная трансформация культурного и физического облика населения юга Среднего Поволжья и Приуралья в период неолит – ранний железный век по источникам археологии, антропологии, генетики» (№ 22–18–00194, <https://rscf.ru/project/22-18-00194/>).

Для цитирования: Григорьев А. П. Сравнительная остеометрическая характеристика населения энеолита и ранней бронзы степного Поволжья // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 2. С. 33–48. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-2-30-33-48

Comparative Analysis Osteometric Data of the Eneolithic and Early Bronze Age Populations of Steppe Volga Region

*Artem P. Grigorev*¹

¹Samara State Socio-Pedagogical University (65/67, Maxim Gorky St., 443000 Samara, Russian Federation)
Junior Research Associate

 0000-0001-7542-9942. E-mail: [grap9\[at\]bk.ru](mailto:grap9[at]bk.ru)

© KalmSC RAS, 2024

© Grigorev A. P., 2024

Abstract. The paper presents the results of a comparison of the osteometric characteristics of the Eneolithic and Early Bronze Age (EBA) series by comparing descriptive statistical data and using the non-parametric Mann-Whitney test. On the one hand, there is a significant difference between the relatively mesomorphic Khvalynsk Eneolithic population and the extremely massive skeletons from the Yamna culture of the Volga region. On the other hand, the EBA group has similarities with the Neolithic-Eneolithic series from the Dnieper-Don region. This result provides additional support for the hypothesis that the Yamnaya culture population originated in the Dnieper-Don area. The descendants of Mariupol Neolithic population or groups occupying the western fringe of the Khvalynsk-Sredny Stog Eneolithic cultural region likely served as the substrate for the development of the Yamnaya population. The paper

also examines environmental factors that influence the variability of the postcranial skeleton. Increased aridization in the climate during the early Bronze Age is assumed to have led to a reorientation of economic activities towards mobile cattle breeding. This, in turn, is expected to result in increased physical activity among the population and the introduction of a new protein source in the diet through dairy products. These changes could explain the increased hypermorphism of the skeletal remains of people from the Yamnaya culture.

Keywords: osteometry, postcranial skeleton, Eneolithic, Early Bronze Age, Steppe Volga region

Acknowledgements. The work was supported by the Russian Science Foundation, project “Epochal transformation of the cultural and physical appearance of the population of the south of the Middle Volga region and the Urals during the Neolithic—Early Iron Age according to the sources of archeology, anthropology, genetics” (№ 22–18–00194, <https://rscf.ru/project/22-18-00194/>).

For citation: Grigorev A. P. Comparative Analysis Osteometric Data of the Eneolithic and Early Bronze Age Populations of Steppe Volga Region. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2024; 2: 33–48. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-2-30-33-48

1. Введение

Вопрос возникновения ямной культуры в современной палеоистории для исследователей эпохи палеометалла в ареале Восточной Европы является одним из ключевых. Существует несколько точек зрения относительно территории ее формирования. В качестве исходной территории генезиса ямной культуры рассматривается Волго-Уралье [Кузнецов 2010: 47; Моргунова 2014: 122–131], Нижнее Поволжье [Дрёмов, Юдин 1992: 29–30] и Подонье [Трифонов 1996: 3–5], Предкавказье [Шишлина 2007: 287–292; Корневский 2009: 43–46] и Приазовье [Телегин и др. 2001: 125; Котова 2006: 136–137].

На палеоантропологическом материале был приведён ряд аргументов в пользу гипотезы о её возникновении и дальнейшем распространении с территории степной зоны Волго-Донского междуречья. В качестве основы рассматриваются группы населения хвалынского-среднестоговского круга Поднепровья, Подонья и Поволжья. Как было показано сперва на краниологическом [Хохлов 2017: 67–77] и далее на генетическом уровне исследования [Anthony et al. 2022], истоки генезиса ямной культуры ведут к территории за-

паднее нижнего течения р. Волги. Кроме того, существует вопрос о роли природных факторов в изменчивости скелета древнего населения. Имеющиеся на сегодняшний день междисциплинарные данные позволили расширить представления исследователей об экологическом фоне существования популяций энеолита-бронзы Поволжья. Тем самым представляется возможность поиска взаимосвязи между особенностями посткраниального скелета [Григорьев 2022] и данными смежных естественнонаучных дисциплин: палеоклиматологии, археозоологии, палеопротеомики.

Задачей данного исследования является сопоставление имеющихся неолитических и энеолитических, а также и раннебронзовых групп на предмет степени морфологической связи признаков посткраниального скелета.

2. Материалы и методы

Для остеологического анализа мы располагаем 63 мужскими скелетами хвалынской энеолитической культуры из эпонимных могильников [Мкртчян 1988; Хохлов 2010]. Для дополнительного сопоставления задействована серия неолитического и энеолитического времени из могильников днепро-донецкого региона [Гохман 1966; Дебец 1966; Кондукторова 1973].

К раннему бронзовому веку относится 31 мужской скелет с территории севера Поволжской степи [Григорьев 2020], 12 из Северо-Западного Прикаспия [Казарницкий 2010]. Женские скелеты в данное исследование не включены.

Измерения выполнены согласно стандартной методике [Алексеев 1966]. Приведены данные описательной статистики сравниваемых групп¹ (табл. 1). Продольные размеры и указатели массивности/прочности трубчатых костей в выборках оцениваются в соответствии с актуальными рубрикациями [Пежемский 2011; Хохлов, Григорьев 2020]. Попарное сопоставление вариационных рядов признаков производилось с помощью непараметрического критерия Манна-Уитни.

3. Результаты

Полученные ранее и охарактеризованные в работах исследователей скелетные выборки грунтовых могильников Хвалыnsk I и Хвалыnsk II имеют достаточно выразительное сходство. В сред-

нем они имеют умеренные продольные размеры длинных костей и мезоморфные диафизы. Соотношение длин сегментов конечностей, скорее, пропорционально, но нередки варианты удлинения плечевой кости относительно предплечья. Выборки хвалынских могильников отличаются по степени уплощенности бедренной кости на подвертельном уровне. В группе Хвалынск I фиксируется тенденция к эуримерии, в то время как в выборке Хвалынск II наблюдается устойчивая платимерия. Большеберцовые кости в энеолитических выборках Поволжья характеризуются мезокнемией (табл. 1). Степень варибельности линейных остеометрических признаков умеренная.

Все серии скелетов мужчин раннего бронзового века характеризуются большими тотальными размерами. Все продольные размеры длинных костей находятся в пределах категорий «большие-очень большие». Диафизы костей мезоморфные, но нередки случаи проявления гиперморфии. Плечевые кости в середине диафиза характеризуются платибрахией, причем более выраженной, чем в хвалынских выборках. Бедренные кости на подвертельном уровне сильно уплощены (гиперплатимерия). Среднегрупповой указатель пилястрии бедренной кости везде, кроме группы Поднепровья, имеет значение более 100,0. Большеберцовые кости на уровне питательного отверстия характеризуются мезокнемией (табл. 1).

Следует отметить более низкие значения стандартных отклонений, относительно мировых [Пежемский 2011] в рядах измерений длин трубчатых костей в группе раннего бронзового века севера Поволжской степи, по сравнению с остальными.

Ранее серии скелетов раннего бронзового века Волго-Уралья и Нижнего Поволжья были сопоставлены с немногочисленной группой Нижнего Подонья. Выявлено резкое отличие последней от Поволжских групп [Григорьев, Китова 2020: 54–55]. Дальнейшее накопление и более подробное изучение источника с территории Донской степи еще предстоит.

Имеются значительные отличия ямного и хвалынского населения в плане скелетного габитуса. Группы скотоводов раннего бронзового века степного Поволжья имели заметно более массивный и продольно развитый скелет, в отличие от относительно грацильной в масштабе древности хвалынской энеолитической по-

пуляции. Это отражается как в условных показателях величины и объема скелета, так и в линейных пропорциях скелета. В ямной группе наблюдается тенденция к удлинению среднего сегмента верхней конечности относительно проксимального. У хвалынцев можно видеть скорее сбалансированность пропорций. Схожее явление проявляется при расчете берцово-бедренного указателя. У ямников отчетливо удлинение большеберцовой кости относительно бедренной. За счет этого можно зафиксировать относительную длинноноготь в популяции раннего бронзового века, тогда как в энеолите доминирует гармоничный вариант линейных пропорций.

В данном отношении ямной Волго-Уральской группе морфологически более близки скелеты из неолитических и энеолитических погребений с территории Поднепровья. Показательно сходство с данной группой как по длиннотным размерам, так и по значениям диаметров диафизов. Однако стоит отметить, что днепро-донецкая серия проявляет еще более массивное сложение костей конечностей (табл. 1).

Рассмотрим результаты сопоставления серий непараметрическим критерием Манна-Уитни.

Очевидны статистически значимые различия группы раннего бронзового века севера степного Поволжья с хвалынскими энеолитическими выборками (табл. 2). Они не зафиксированы только по указателям сечения диафизов плечевой и большеберцовой костей. В остальном по подавляющему количеству признаков эти результаты указывают на коренные различия в морфологии костей конечностей между хвалынским и ямным населением Поволжья.

Наблюдается меньшее количество статистически значимо различающих признаков в сопоставлении групп неолита Поднепровья и раннеямной культуры Поволжья. Две эти выборки не дифференцируются по большинству признаков, наблюдаемые различия касаются поперечных размеров костей нижней конечности.

4. Обсуждение

Зафиксированы отчетливые различия между энеолитическим и раннебронзовым населением степного Поволжья. В то же время очевидно сходство неолитических и энеолитических групп Поднепровья с ямными группами. Тем самым приводится еще один аргумент против версии, согласно которой население ямной куль-

Таблица 1. Данные описательной статистики рассматриваемых мужских групп

Источник	[Григорьев 2020]		[Казарницкий 2010]		[Мкртчян 1988]		[Хохлов 2010]		[Гохман 1966; Дебец 1966; Кондукторова 1973]	
	М (N)	SD	М (N)	SD	М (N)	SD	М (N)	SD		
Группа	ранний бронзовый век, север степного Поволжья		ранний бронзовый век, Северо-Западный Прикаспий		энеолит, Хвалынский I		энеолит, Хвалынский II		неолит / энеолит, Поднепровье	
Признак	М (N)	SD	М (N)	SD	М (N)	SD	М (N)	SD	М (N)	SD
H1.	342,4 (23)	10,6	339,3 (7)	16,8	329,1 (18)	15,1	329,1 (9)	12,6	340,8 (15)	16,5
H4.	68,1 (28)	3,7	68,5 (9)	2,3	65,7 (32)	3,9	65,2 (13)	3,1	69,8 (22)	3,6
H7.	68,9 (27)	4,3	67,9 (9)	1,3	65,3 (32)	5,0	66,9 (17)	3,9	67,5 (24)	5,2
H6/5.	73,0 (23)	4,6	73,2 (9)	5,6	76,0 (34)	5,5	75,1 (13)	3,7	76,4 (13)	6,6
R1.	264,5 (20)	9,8	266,3 (8)	8,3	246,5 (18)	13,8	249,1 (7)	12,1	265,4 (12)	12,1
R3.	45,7 (21)	3,3	47,4 (8)	2,3	43,7 (28)	3,2	42,7 (9)	1,0	43,3 (18)	5,3
F1.	482,3 (20)	17,6	477,0 (6)	22,3	457,2 (29)	20,6	461,4 (7)	18,9	479,3 (18)	18,8
F21.	89,0 (20)	4,0	88,5 (9)	5,6	84,0 (19)	4,3	85,0 (6)	3,1	90,5 (11)	4,3

F6/7.	103,2 (20)	8,5	105,9 (9)	9,8	97,6 (33)	9,9	100,5 (14)	7,7	110,3 (23)	9,8
F10/9.	74,7 (22)	7,6	73 (8)	6,6	87,6 (34)	11,7	73,1 (16)	6,1	84,3 (22)	7,9
F8.	95,2 (21)	6,1	99,7 (9)	3,8	87,6 (32)	5,5	87,9 (15)	5,2	97,4 (19)	6,2
T1.	397,7 (23)	20,8	401,5 (4)	24,4	371,9 (20)	16,1	389,0 (5)	15,3	394,3 (19)	19,5
T3.	83,8 (19)	4,4	86,4 (4)	9,4	77,3 (20)	4,8	79,3 (6)	1,5	83,2 (18)	4,8
T9a/8a.	65,5 (25)	6,3	69,3 (7)	4,5	67,9 (33)	5,6	67,4 (11)	3,9	69,8 (21)	5,3
T10b.	84,4 (25)	5,3	84,9 (7)	4,1	77,5 (28)	6,1	74,8 (10)	2,0	82,4 (21)	6,3
R/H.	77,5 (14)	2,4	77,8 (6)	1,5	75,9 (18)	2,0			79,0 (11)	3,1
T/F.	83,3 (14)	2,0	83,8 (4)	2,1	81,7 (19)	2,0			83,3 (23)	2,7
(H1+R1)/ (F2+T1).	69,3 (8)	1,4	69,1 (4)	1,1	71,0 (7)	1,6			70,1 (7)	1,8
УПОС	8671,8 (12)	1163,9	9342,3 (4)	1386,8	7206,2 (8)	1009,4			9154,0 (13)	1074,3
УПВС1	1461,8 (9)	30,28	1500,5 (4)	61,7	1420,7 (6)	57,9			1479,5 (6)	66,9

Таблица 2. Результаты применения непараметрического критерия Манна-Уитни в сопоставлении мужской группы раннего бронзового века севера Поволжья с неолитическими и энеолитическими группами Поволжья и Поднепровья

Признак	Хвалынский I			Хвалынский II			неолит / энеолит Поднепровья		
	U	Z	p	U	Z	p	U	Z	p
H1	90,5	3,06	0,002	51,0	2,20	0,028	231,0	0,74	0,462
H4	197,0	3,72	0,000	59,5	3,43	0,001	285,5	-0,44	0,660
H5.	186,5	3,50	0,000	82,0	2,60	0,009	264,5	-0,24	0,807
H6.	230,5	2,80	0,005	109,0	1,79	0,074	205,0	-1,51	0,131
H7	263,0	2,57	0,010	157,5	1,74	0,083	431,5	0,40	0,690
R1	39,5	4,11	0,000	24,5	2,52	0,012	150,0	-0,32	0,750
R3	180,5	2,29	0,022	27,5	3,03	0,002	207,0	0,58	0,560
F1	112,0	3,78	0,000	34,0	2,10	0,036	250,0	1,07	0,284
F21	91,5	3,46	0,001	29,5	2,28	0,023	112,0	-0,88	0,381
F6	128,0	3,97	0,000	36,5	3,72	0,000	148,5	-2,19	0,029
F7.	128,5	3,70	0,000	59,0	2,83	0,005	230,0	0,00	1,0
F9.	103,5	4,54	0,000	89,0	2,57	0,010	171,5	1,65	0,098
F10.	359,0	0,25	0,801	77,5	2,91	0,004	151,5	-2,12	0,034
F8.	110,0	4,26	0,000	55,0	3,40	0,001	271,0	-1,09	0,274
T1.	68,0	3,94	0,000	35,0	1,35	0,177	221,0	1,56	0,118
T3.	60,5	3,64	0,000	21,5	2,26	0,024	165,0	0,18	0,855
T8a.	112,0	4,72	0,000	30,0	3,69	0,000	192,5	1,54	0,123
T9a.	214,5	3,11	0,002	77,0	2,08	0,038	229,0	-0,74	0,460
T10b.	145,0	3,65	0,000	4,5	4,40	0,000	307,0	0,96	0,336

Примечания к таблицам: N — количество наблюдений; M — среднееарифметическое значение; SD — стандартное квадратическое отклонение; U — эмпирическое значение критерия; Z — нормированное значение критерия; p-level — вероятность ошибки. Жирным шрифтом выделены значения $p < 0,05$.

H1. — Наибольшая длина плечевой кости; H4. — Ширина нижнего эпифиза плечевой кости; H5. — Наибольший диаметр середины диафи-

за плечевой кости; H6. — Наименьший диаметр середины диафиза плечевой кости; H6/5. — Указатель уплощенности плечевой кости; H7. — Наименьшая окружность диафиза плечевой кости; R1. — Наибольшая длина лучевой кости; R3. — Наименьшая окружность диафиза лучевой кости; F1. — Наибольшая длина бедренной кости; F6. — Сагиттальный диаметр середины диафиза бедренной кости; F7. — Поперечный диаметр середины диафиза бедренной кости; F6/7. — Указатель пилыстрии бедренной кости; F9. — Верхний поперечный диаметр бедренной кости; F10. — Верхний сагиттальный диаметр бедренной кости; F10/9. — Указатель платимерии бедренной кости; F8. — Окружность середины диафиза бедренной кости; T1. — Общая длина большеберцовой кости; T3. — ширина верхнего эпифиза большеберцовой кости; T8. — Сагиттальный диаметр середины диафиза большеберцовой кости; T9. — Поперечный диаметр середины диафиза большеберцовой кости; T8a. — Сагиттальный диаметр на уровне *for. nutr.* большеберцовой кости; T9a. — Поперечный диаметр на уровне *for. nutr.* большеберцовой кости; T9a/8a. — Указатель платикнемии большеберцовой кости; T10b. — Наименьшая окружность диафиза большеберцовой кости; R/H — луче-плечевой указатель; T1/F2. — Берцово-бедренный указатель; $(H1+R1)/(F2+T1)$ — интермембральный указатель; УПОС — условный показатель объема скелета; УПВС1 — условный показатель величины скелета

туры Поволжья складывается на хвалынской энеолитической основе. Происхождение феномена гипермассивности скелета ямного населения, наиболее вероятно, связано с предковой группой, существовавшей в неолите-энеолите и уже тогда обладавшей гипермассивным скелетным строением [Гохман 1966: 172–173; Дебец 1966: 14, 20]. Учитывая морфологическую близость днепро-донецкой и ямной серий, локализовать эту предковую популяцию, по нашему мнению, следует в районе нижнего течения рек Дон и Днепр, а не в Поволжье. В качестве такой популяции, вероятно, стоит рассматривать население западного крыла мариупольской и / или хвалынского-среднедонецкой культурно-исторической областей.

К тому же предположение о формировании морфологического комплекса скотоводов ямной культуры раннего бронзового века Волго-Уралья на основе пришлого с территорий к западу от Волги населения, истоки которого в свою очередь следует усматривать в неолитических популяциях Поднепровья, а не на местном хвалын-

ском субстрате находит подтверждение в краниологических работах (например: [Хохлов 2017: 67–77]).

Полученные данные междисциплинарных исследований способствуют более предметному обсуждению роли экологического фактора в формировании физического облика древнего населения. Составлена климатическая периодизация голоцена в целом для Евразийского континента [Rasskazov, Levy 2014] и для Нижнего Поволжья в частности [Болиховская 2011]. Обсуждаемые антропологические группы существовали в отрезке перехода от относительно теплого и влажного атлантического этапа к суббореальному, более холодному и сухому. Степень солнечной активности во время бытования хвалынских племен в целом была выше, чем в раннем бронзовом веке [Solanki et al. 2004].

Систематическое изучение погребенных почв курганов эпохи бронзы в Нижнем Поволжье [Дёмкин и др. 2013] и Волго-Уралье [Khokhlova et al. 2019; Хохлова и др. 2019] привело к пониманию климатических изменений в более узком хронологическом отрезке V–III тысячелетий до н. э. Установлено, что начало распространения групп ямной культуры в Волго-Уралье пришлось на наиболее аридный климатический период (III хроносрез в терминологии О. С. Хохловой), характеризующийся пониженным уровнем среднегодовых осадков и более выраженной континентальностью. Переходное от энеолита время также характеризовалось аридным климатом, но не столь выражено. Усиление аридизации от эпохи энеолита к ранней бронзе фиксируется в сухостепной зоне Поволжья.

Оптимальной в этих условиях стратегией жизнеобеспечения было скотоводство в наиболее подвижной его форме, при которой отсутствовала практика пребывания на долговременных поселениях. Предполагается, что в составе стада будет преобладать мелкий рогатый скот (МРС), поскольку в аридных условиях пастбищная растительность подвергается деградации, соответственно скотоводческие коллективы вынуждены постоянно пребывать в движении в поисках новых мест выпаса скота.

Учитывая известные ограничения разного рода исторических реконструкций по данным погребальных археозоологических комплексов [Антипина 2008], косвенным свидетельством является

увеличение в раннем бронзовом веке доли МРС (85,7 %) над крупным рогатым скотом (4,8 %) в качестве сопутствующего объекта в погребениях ямной культуры Урало-Поволжья [Рослякова, Турецкий 2012: 220]. В I Хвалынском могильнике соотношение несколько иное (67,6 % — 14,8 %) [Богаткина 2010: 392].

Более надежно увеличение роли МРС в хозяйстве населения эпохи ранней бронзы по сравнению с энеолитом иллюстрируют археозоологические данные Турганикского поселения [Моргунова и др. 2017: 235]. Так, доля МРС в остеологических выборках энеолита и раннего бронзового века повышается с 49,4 % до 68,7 %, а КРС, напротив, падает с 42,0 % до 25,8 %.

Археозоологические материалы стоянок Северо-Западного Прикаспия выявили небольшое количество костей МРС в неолитических и энеолитических слоях. В то же время на стоянке Кзыл-Хак в слое раннего бронзового века они представлены широко [Кузьмина 1988: 175].

Совсем недавно получена информация с помощью палеопротеомического метода, позволяющая по-новому взглянуть на морфологические преобразования скелета древнего населения. Коллективом авторов были проанализированы образцы зубного камня людей, живших на территории Волго-Уралья в энеолите-бронзовом веке [Wilkin et al. 2021]. Было надежно установлено отсутствие факта потребления молочных продуктов энеолитическим населением Поволжья. Из 11 проанализированных образцов только у одного представителя Хвалынского могильника были выявлены протеомные сигналы употребления молока, имеющие вероятно случайный характер. В то же время обнаружена диетическая ориентация на такие продукты у представителей раннего бронзового века Поволжья. Соответственно постулируется утверждение о резком сдвиге в пищевой стратегии между энеолитическим и ранне-бронзовым населением.

5. Заключение

Усиление аридизации климата в степном Поволжье во второй половине IV тысячелетия (время возникновения ямной культуры), перемены в хозяйственном укладе местного населения (переходе к мобильному скотоводству на рубеже энеолита-ранней бронзы)

можно связывать с морфологическими преобразованиями посткраниального скелета групп энеолита и эпохи ранней бронзы. Увеличение физической активности и появление дополнительного белкового компонента в рационе могло способствовать увеличению тотальных размеров тела. Однако для констатации прямой связи морфогенетических и экологических процессов надежных оснований пока нет.

Природно-климатические изменения скорее явились катализатором в первую очередь миграционных процессов, которые на заре эпохи ранней бронзы привели к появлению в Поволжье нового пласта населения, морфологически отличающегося от местного энеолитического, что уже было зафиксировано на краниологических данных (например: [Хохлов 2017: 67–77]).

Таким образом, основным фактором морфологических преобразований посткраниального скелета на рубеже эпох энеолита и ранней бронзы следует считать генетический. Как было сказано выше, отсутствие прямой наследственной связи между хвалынской и ямной популяциями обуславливает зафиксированные морфологические различия. В то же время экологические факторы можно рассматривать в качестве значимых в развитии гиперморфного остеологического комплекса ямного населения степного Поволжья.

Литература

- Алексеев 1966 — *Алексеев В. П.* Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 252 с.
- Антипина 2008 — *Антипина Е. Е.* Состав древнего стада домашних животных: логические аппроксимации // *Opus: Междисциплинарные исследования в археологии* / ред. А. П. Бужилова. Вып. 6. М.: Параллели, 2008. С. 67–85.
- Богаткина 2010 — *Богаткина О. Г.* Определение костных остатков животных из II Хвалынского могильника // *Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура* / под. ред. С. А. Агапова. Самара: СРОО ИЭКА «Поволжье», 2010. С. 392–396.
- Болиховская 2011 — *Болиховская Н. С.* Эволюция климата и ландшафтов Нижнего Поволжья в голоцене // *Вестник Московского университета. Серия 5: География*. 2011. № 2. С. 13–27.

- Гохман 1966 — *Гохман И. И.* Население Украины в эпоху мезолита и неолита. М.: Наука, 1966. 196 с.
- Григорьев 2020 — *Григорьев А. П.* Особенности скелетной конституции населения раннего бронзового века Волго-Уралья // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9. № 4. С. 224–231. DOI: 10.17816/snv202094203
- Григорьев 2022 — *Григорьев А. П.* Динамика изменчивости посткраниального скелета населения энеолита-раннего бронзового века степей Волго-Уралья // Энеолит и бронзовый век Циркумпонтийского региона: культурные процессы и взаимодействия (к 100-летию со дня рождения Н. Я. Мерперта). Тезисы докладов конференции. М.: ИА РАН, 2022. С. 61–62.
- Григорьев, Китова 2020 — *Григорьев А. П., Китова А. О.* Особенности скелетной конституции населения Нижнего Подонья IV–III тысячелетия до н. э. (ранний бронзовый век) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 9. Самара, 2020. С. 52–61.
- Дебец 1966 — *Дебец Г. Ф.* Физический тип людей днепро–донецкой культуры // Советская археология. 1966. № 1. С. 14–22.
- Демкин и др. 2013 — *Демкин В. А., Ельцов М. В., Демкина Т. С., Хомутова Т. Э.* Палеопочвы археологических памятников степной зоны как индикаторы развития природной среды в голоцене // Вестник Тамбовского государственного университета. 2013. Т. 18. № 3. С. 966–970.
- Дрёмов, Юдин 1992 — *Дрёмов И. И., Юдин А. И.* Древнейшие подкурганые захоронения Степного Заволжья // Российская археология. 1992. № 4. С. 18–31.
- Казарницкий 2010 — *Казарницкий А. А.* Osteометрическая характеристика погребенных в курганных могильниках эпохи бронзы юга России // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 218–226.
- Кондукторова 1973 — *Кондукторова Т. С.* Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М.: Наука, 1973. 126 с.
- Корневский 2009 — *Корневский С. Н.* Особенности погребальной практики протоямного культурного типа в сравнении с погребальными традициями положения вещей майкопско-новосвободненской общности // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург: ОГПУ, 2009. С. 27–48.
- Котова 2006 — *Котова Н. С.* Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск: СНУ им. В. Даля, 2006. 328 с.
- Кузнецов 2010 — *Кузнецов П. Ф.* Проблемы изучения раннего и среднего бронзового века Самарского Поволжья // 40 лет Средневолжской ар-

- хеологической экспедиции: Краеведческие записки. Вып. XV. Самара: Офорт, 2010. С. 44–55.
- Кузьмина 1988 — *Кузьмина И. Е.* Млекопитающие Северного Прикаспия в голоцене // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1988. С. 173–178.
- Мкртчян 1988 — *Мкртчян Р. А.* Палеоантропология неолитического и энеолитического населения юга Европейской части СССР (по материалам могильников «Госпитальный холм и Хвалынский»): дисс. ... канд. ист. наук. М., 1988. 171 с.
- Моргунова 2014 — *Моргунова Н. Л.* Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург: ОГПУ, 2014. 347 с.
- Моргунова и др. 2017 — *Моргунова Н. Л., Васильева И. Н., Кулькова М. А., Рослякова Н. В., Салугина Н. П., Турецкий М. А., Файзуллин А. А., Хохлова О. С.* Турганинское поселение в Оренбургской области. Оренбург: ОГАУ, 2017. 300 с.
- Пежемский 2011 — *Пежемский Д. В.* Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения: Автореф. дисс. ... канд. биол. наук. М., 2011. 24 с.
- Рослякова, Турецкий 2012 — *Рослякова Н. В., Турецкий М. А.* Археозологические материалы из могильников ямной культуры Самарского Поволжья и Оренбуржья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14. № 3. С. 219–225.
- Телегин и др. 2001 — *Телегин Д. Я., Нечитайло А. Л., Потехина И. Д., Панченко Ю. В.* Среднестоговская и новоданиловская культуры энеолита азово-черноморского региона. Луганск: Шлях, 2001. 152 с.
- Трифонов 1996 — *Трифонов В. А.* Репинская культура и процесс сложения ямной культурно-исторической общности // Древности Волго-Донских степей в системе Восточно-Европейского бронзового века: материалы международной научной конференции. Волгоград: Перемена, 1996. С. 3–5.
- Хохлов 2010 — *Хохлов А. А.* Население хвалынской энеолитической культуры. По антропологическим материалам грунтовых могильников Хвалынск I, Хвалынск II, Хлопков Бугор // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Самара: Саратовск. ун-т, 2010. С. 407–517.
- Хохлов 2017 — *Хохлов А. А.* Морфогенетические процессы в Волго-Урале в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита – бронзового века). Самара: СГСПУ, 2017. 368 с.

- Хохлов, Григорьев 2020 — *Хохлов А. А., Григорьев А. П.* К методике оценки метрических данных по основным абсолютным признакам и указателям скелета человека (по антропологическим материалам некрополей г. Самары XVIII–XIX вв.) // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2020. № 3. С. 68–76.
- Хохлова и др. 2019 — *Хохлова О. С., Моргунова Н. Л., Гольева А. А.* Природно-климатические условия в V–III тыс. до н.э. в Оренбуржье по данным междисциплинарных геоархеологических исследований // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н. э. Сборник научных статей. Оренбург: ОГПУ, 2019. С. 102–113.
- Шишлина 2007 — *Шишлина Н. И.* Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия до н. э.). Труды Государственного исторического музея. М.: ГИМ, 2007. 399 с.
- Anthony et al. 2022 — *Anthony D. W., Khokhlov A. A., Agapov S. A., Agapov D. S., Schulting R., Olalde I., Reich D.* The Eneolithic cemetery at Khvalynsk on the Volga River // *Præhistorische Zeitschrift*, 2022. Vol. 97. No. 1. Pp. 22–67. DOI: 10.1515/pz-2022-2034
- Khokhlova et al. 2019 — *Khokhlova O. S., Morgunova N. L., Khokhlov A. A., Gol'eva A. A.* Climate and vegetation changes over the past 7000 years in the Cis-Ural steppe // *Eurasian soil science*. 2019. Vol. 51. Iss. 5. Pp. 506–517.
- Rasskazov, Levy 2014 — *Rasskazov S. V., Levy K.* Periodization of recent and Late Pleistocene – Holocene geodynamic and paleoclimatic processes // *Geodynamics & Tectonophysics*. 2014. Vol. 5. Iss. 1. Pp. 81–100. DOI: 10.5800/GT-2014-5-1-0118
- Solanki et al. 2004 — *Solanki S. K., Usoskin I. G., Kromer B., Schüssler M., Beer J.* Unusually active Sun during recent decades compared to the previous 11,000 years // *Nature*. 2004. Vol. 431. No. 7012. Pp. 1084–1087. DOI: 10.1038/nature02995
- Wilkin et al. 2021 — *Wilkin Sh., Miller A. V., Fernandes R., Spengler R., Taylor W. T., Brown D. R., Reich D., Kennett D. J., Culleton B. J., Kunz L., Fortes C., Kitova A., Kuznetsov P., Epimakhov A., Zaibert V. F., Outram A. K., Kitov E., Khokhlov A., Anthony D., Boivin N.* Dairying enabled Early Bronze Age Yamnaya steppe expansions // *Nature*. 2021. Vol. 598. Pp. 629–633.

УДК / UDC 902/904

DOI: 10.22162/2587-6503-2024-2-30-49-66

К вопросу о технологии изготовления украшений парадной конской упряжи позднесарматского времени из кургана 1 могильника *Гремячий III* на Нижнем Дону

*Сергей Викторович Демиденко*¹, *Анастасия Андреевна Гуцина*^{2,3}

¹ Институт археологии РАН (д. 19, ул. Дм. Ульянова, 117292 Москва, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, научный сотрудник

 0000-0002-6462-0132. E-mail: sergey.demidenko2015[at]yandex.ru

² Волгоградский государственный социально-педагогический университет (д. 27, пр. Ленина, 400005 Волгоград, Российская Федерация)
старший лаборант

³ Институт археологии РАН (д. 19, ул. Дм. Ульянова, 117292 Москва, Российская Федерация)

соискатель

 0009-0001-9681-2825. E-mail: nasta1954[at]mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию технологии изготовления двух типов украшений-подвесок парадной конской упряжи из воинского погребения позднесарматского времени кургана 1 могильника *Гремячий III*. Сравнительный анализ конструктивных элементов, техники нанесения орнамента украшений конской сбруи из погребений сарматской и боспорской знати середины III–IV вв. н. э., а также женских украшений (браслетов) из могильников Юго-Западного Крыма позволяет утверждать, что, несмотря на стилистическое сходство предметов, в каждом случае процесс изготовления носил индивидуальный характер. Он был обусловлен, с одной стороны, функциональным назначением изделия (украшение конской упряжи или украшение женского убора), с другой стороны — наличием определенных художественных традиций и профессиональных навыков мастера. Кроме того, даже если украшения предназначались для одного комплекта конской упряжи, способы их изготовления могли отличаться в деталях.

Ключевые слова: Нижний Дон, Юго-Западный Крым, позднесарматская культура, парадная конская упряжь, украшения-подвески, браслеты, технология изготовления, северопричерноморский полихромный стиль позднеримского времени

Благодарность: Исследование выполнено в рамках госзадания Института археологии РАН «Причерноморская и центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (номер госрегистрации: 122011200269-4).

Для цитирования: Демиденко С. В., Гущина А. А. К вопросу о технологии изготовления украшений парадной конской упряжи позднесарматского времени из кургана 1 могильника *Гремячий III* на Нижнем Дону // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 2. С. 49–66. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-2-30-49-66

On the Question of the Technology for Making Decorations for Ceremonial Horse Harnesses of the Late Sarmatian Period from Mound 1 of the *Gremyachiy III* Burial Ground on the Lower Don

*Sergey V. Demidenko*¹, *Anastasia A. Gushchina*^{2,3}

¹ Institute of Archeology of the RAS (19, Dmitry Ulyanov St., 117292 Moscow, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Research Associate

² Volgograd State Social and Pedagogical University (27, Lenin Ave., 400005 Volgograd, Russian Federation)
Senior Assistant

 0000-0002-6462-0132. E-mail: sergey.demidenko201[at]yandex.ru

³ Institute of Archeology of the RAS (19, Dmitry Ulyanov St., 117292 Moscow, Russian Federation)
Applicant

 0009-0001-9681-2825. E-mail: nasta195[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Demidenko S. V., Gushchina A. A., 2024

Abstract. The article is devoted to the study of the technology for making two types of jewelry-pendants of ceremonial horse harness from a

military burial of the late Sarmatian period, mound 1 of the Gremyachiy III burial ground. Comparative analysis of structural elements, techniques for applying ornaments to horse harness decorations from the burials of the Sarmatian and Bosporan nobility of the mid-3rd – 4th centuries. AD, as well as women's jewelry (bracelets) from the burial grounds of the South-Western Crimea, allows us to assert that, despite the stylistic similarity of the objects, in each case the manufacturing process was individual in nature. It was determined, on the one hand, by the functional purpose of the product (decorating horse harness or decorating women's clothing), on the other hand, by the presence of certain artistic traditions and professional skills of the craftsman. In addition, even if the decorations were intended for one set of horse harness, the methods for making them could differ in detail

Keywords: Lower Don, Southwestern Crimea, late Sarmatian culture, ceremonial horse harness, jewelry-pendants, bracelets, manufacturing technology, Northern Black Sea polychrome style of late Roman times

Acknowledgements. The research was carried out within the framework of the state task of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences “The Black Sea and Central Asian periphery of the Ancient world and the nomadic communities of Eurasia: at the crossroads of cultures and civilizations” (state registration number: 122011200269-4).

For citation: Demidenko S. V., Gushchina A. A. On the Question of the Technology for Making Decorations for Ceremonial Horse Harnesses of the Late Sarmatian Period from Mound 1 of the *Gremyachiy III* Burial Ground on the Lower Don. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2024; 2: 49–66. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-2-30-49-66

1. Введение

Парадная конская упряжь представляет собой уникальное явление в погребениях сарматской и боспорской знати середины III–IV вв. н. э. на территории юга Восточной Европы. Как правило, данная категория изделий рассматривалась исследователями с точки зрения типологии, хронологии, происхождения и особенностей развития художественного стиля предметов, использованных для украшения ремней конской сбруи [Малашев 2000; Яценко, Малашев 2000; Казанский 2010: 48–52; Шаров 2012; Шаров 2014]. Технология изготовления данных изделий становилась предметом специальных исследований достаточно редко [Минасян, Шаблави-на 2009; Минасян 2014: 294–297]. К тому же, даже детально описы-

вая конструкцию изделий, авторы не всегда, часто по объективным причинам, могли проиллюстрировать свои выводы фотографиями или рисунками [Белинский, Бойко 1991] или не ставили себе такие задачи [Засецкая, Шаров 2008; Симоненко 2013: 223–225; Шаров 2010: 483–499; Демиденко 2016], рассматривая технологические признаки как составную часть характеристики выделяемых стилистических и хронологических групп [Шаров 2019].

В данной статье мы бы хотели остановиться на способах изготовления некоторых украшений парадной конской упряжи, обнаруженной в тайнике, связанном с позднесарматским воинским погребением в кургане 1 могильника *Гремячий III* (бассейн реки Курмоярский Аксай, Котельниковский район, Волгоградская область). Комплекс был исследован в 2013 г. совместной экспедицией Института археологии РАН и Областного научно-производственного центра по охране памятников истории и культуры Волгоградской области. В кургане было найдено одно мужское воинское погребение, совершенное в катакомбе. В состав инвентаря погребения входили: предметы вооружения (фрагментированный железный меч, железные наконечник и вток копья), керамика (4 квадратных по форме миниатюрных глиняных сосуда, сероглиняная миска), предметы быта (железные топор, нож, тесло, ножницы, шило, глиняное пряслице), а также мраморная бусина, железная фибула, две бронзовые и одна железная пряжки.

В 6 м к востоку от погребения располагался тайник, устроенный одновременно с катакомбой, перекрытый с ней единой насыпью. В тайнике находился сильно смятый бронзовый котел, под которым располагались детали конской упряжи. Анализ обряда и инвентаря погребения, а также особенностей оформления украшений конского снаряжения позволил датировать комплекс серединой III в. н. э. [Демиденко 2015а: 345; Демиденко 2015б: 31; Демиденко 2016: 215].

Конская упряжь была представлена железными, плакированными серебром кольчатыми удилами с серебряными трензельными кольцами и с зажимами для ремней с сердоликовыми вставками. Ремни узды застегивались двумя серебряными пряжками и были украшены круглыми и каплевидными подвесками, а также накладными овальными бляхами с сердоликовыми вставками.

В процессе реставрации¹ украшения конской упряжи были разобраны, что позволило зафиксировать конструктивные детали изделий и реконструировать способ их изготовления.

В предлагаемой читателям работе мы хотели рассмотреть технологию изготовления двух типов подвесок.

2. Тип 1

Тип 1 представлен двумя подвесками каплевидной формы, слегка вытянутыми по вертикальной оси, имеющими в верхней части прямоугольный выступ.

Лицевая сторона украшена по краю узким рельефным валиком с короткими поперечными рубчиками. В центральной части подвески украшены овальной сердоликовой вставкой. Основание каста вставки также обрамлено узким рельефным валиком с короткими поперечными рубчиками. Вокруг валика располагается орнамент в виде рельефных «гвоздевидных» оттисков, которые широкими полуовальными «шляпками» обращены к внешней стороне диска подвески, а узкими заостренными концами практически примыкают к рельефному валику у основания каста сердоликовой вставки.

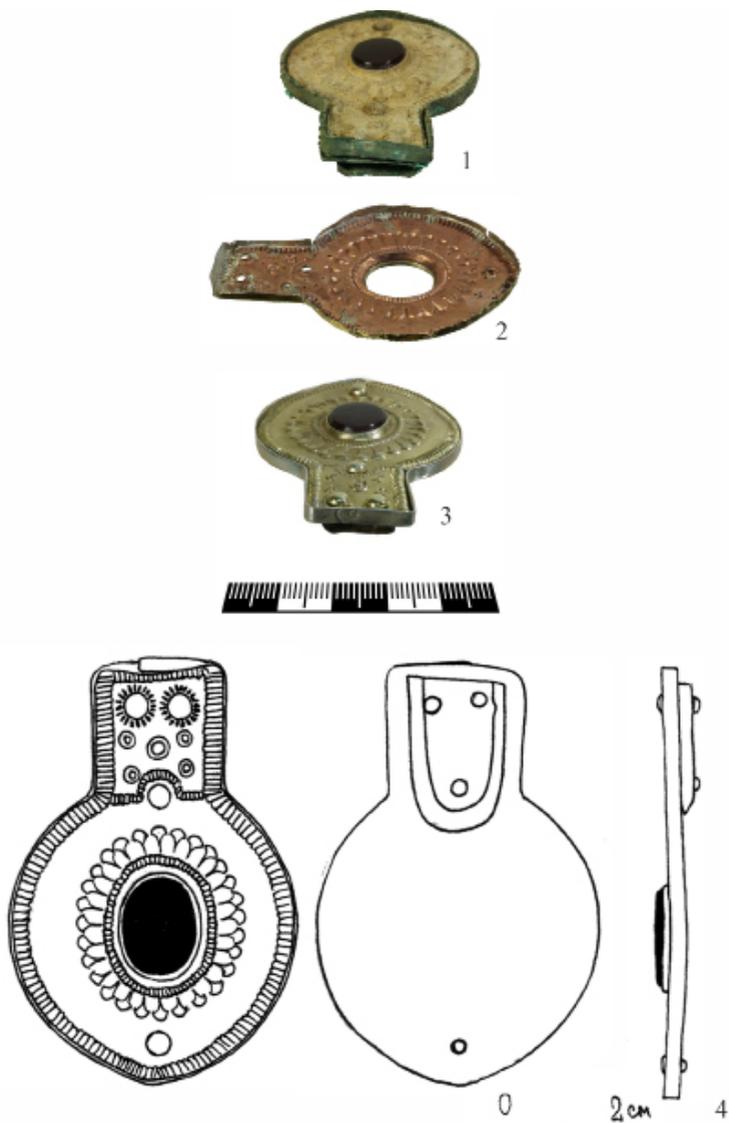
На прямоугольном выступе подвески в его нижней части находятся 5 рельефных концентрических кружков с полусферическими выпуклостями в центре. Причем кружки меньшего диаметра располагаются по углам, образуя условный прямоугольник, а кружок большего диаметра – в его центре. В прямоугольном выступе были пробиты три отверстия для заклепок. Два отверстия располагались в верхней части по углам выступа и были обрамлены рельефными узкими валиками с короткими поперечными рубчиками. Третье отверстие было пробито в месте перехода выступа в диск подвески. Сверху оно также обрамлено дуговидным рельефным валиком с короткими рубчиками, основания которого расходятся в противоположные стороны и примыкают к рельефному валику на краю диска. Диаметрально противоположно в нижней части подвески располагается четвертое отверстие для заклепки. На оборотной стороне прямоугольного выступа находятся

¹ Авторы искренне благодарят реставратора Волгоградского областного краеведческого музея А. Г. Черёмушника, который подробно фотодокументировал весь процесс реставрации, что позволило реконструировать и процесс изготовления украшений конской упряжи.

полуовальные обоймы, с помощью которых подвески крепились к концу ремня 3 заклепками (илл. 1).

Илл. 1. Гремячий III, курган 1: Подвеска типа 1. 1 — до реставрации. 2 — средняя пластина-основа и лицевая пластина с сердоликовой вставкой до реставрации; 3 - средняя пластина-основа и лицевая пластина после реставрации

Илл. 2. Гремячий Ш, курган 1. Подвеска типа 1. 1 — до реставрации. 2, 3 — после реставрации. 4 — рисунок

Технология изготовления данного типа подвесок нам представляется следующим образом. Конструктивно подвеска состояла из трех пластин (двух медных и одной посеребренной латунной (?)), сердоликовой вставки, посеребренного латунного (?) ободка, серебряной обоймы крепления и четырех медных заклепок с шляпками, обтянутыми серебряной позолоченной фольгой. Первоначально из прокованного медного листа были вырезаны две одинаковые пластины необходимой формы. На одну из них с помощью тиснения различными пуансонами был нанесен описанный выше орнамент. В центре пластины было выдавлено овальное отверстие, края которого образовывали каст для удерживания сердоликовой вставки. С парадной стороны пластина была обтянута позолоченной серебряной фольгой, края которой выступали за край пластины. Вторая медная пластина служила основанием для сердоликовой вставки, удерживая ее в гнезде. После помещения сердолика в каст пластины были соединены вместе, а края позолоченной серебряной фольги загнуты на поверхность второй пластины. Третья пластина, изготовленная из посеребренной латуни (?), по форме совпадала с первыми двумя и образовывала обратную сторону подвески. По периметру конструкции был напаян латунный (?) посеребренный ободок, соединявшийся внахлест и укрепленный серебряной заклепкой. С внешней, парадной, стороны подвески были просверлены четыре отверстия для скрепления всей конструкции медными заклепками, шляпки которых были обтянуты серебряной позолоченной фольгой. С обратной стороны прямоугольного выступа была присоединена полуовальная обойма для крепления к кожаному ремню. Три заклепки, служившие для соединения конструкции, использовались также и для крепления оконечника ремня.

3. Тип 2

Тип 2 представлен двумя подвесками дисковидной формы с прямоугольными вырезами в верхней части, слегка вытянутыми по вертикальной оси, и с подвижными прямоугольными обоймами для крепления к ремню.

Как и у подвесок типа 1, лицевая сторона украшена по краю узким рельефным валиком с короткими поперечными рубчиками. В центральной части изделия располагается каст, украшенный

двумя вертикальными короткими валиками, с овальной сердоликовой вставкой. Основание каста также обрамлено узким рельефным валиком с короткими поперечными рубчиками. Вокруг валика располагается орнамент в виде рельефных «гвоздевидных» оттисков, которые широкими полуовальными «шляпками» обращены к внешней стороне диска подвески, а узкими заостренными концами практически примыкают к рельефному валику у основания каста. В целом они практически идентичны фигуркам на подвесках типа 1, однако их заостренные концы дополнительно украшены маленькими полусферическими выступами. Четыре «гвоздевидные» фигурки (по две от каждого угла прямоугольного выреза), кроме того, дополнены выпуклыми валиками. В пространстве между «гвоздевидными» фигурками и рельефным валиком с короткими рубчиками, диаметрально противоположно располагаются четыре рельефных выпуклости, обрамленные валиками, которые в свою очередь окружены рядом выпуклостей меньшего диаметра.

Технология изготовления и конструкция подвесок типа 2, хотя и схожа с технологией изготовления подвесок типа 1, но различается в деталях.

Конструктивно подвески типа 2 состоят из двух пластин (медной и посеребренной латунной (?)), латунного посеребренного ободка, серебряного позолоченного каста, овальной медной пластинки-основы с листиком-подложкой из серебряной позолоченной фольги, сердоликовой вставки, двух медных заклепок для скрепления конструкции из пластин, дуговидной перемычки для подвешивания и прямоугольной обоймы с заклепкой, для крепления к кожаному ремню.

Первоначально из прокованного медного листа была вырезана дисковидная пластина. В ее верхней части был сделан прямоугольный вырез. Затем на нее с помощью тиснения различными пуансонами был нанесен описанный выше орнамент. С парадной стороны пластина была обтянута позолоченной серебряной фольгой, края которой были загнуты за край диска. Вторая пластина была изготовлена из посеребренного латунного (?) диска, совпадающего по форме и размерам с первой пластиной. В ее верхней части было оттиснуто дуговидное углубление, в которое вставлялась медная перемычка, удерживавшая петлю подвижной обоймы для крепле-

ния ремня. Для этой же цели служило и отверстие под дужкой, позволявшее петле обоймы свободно двигаться.

С парадной стороны в центре пластины механическим способом был прикреплен овальный каст с сердоликовой вставкой. Для этого в позолоченной серебряной фольге было вырезано овальное отверстие. На его место была установлена овальная медная пластинка, использовавшаяся как основа каста вставки. Получившаяся конструкция из трех пластин была скреплена двумя медными заклепками. На овальную пластинку-основу был уложен вырезанный из позолоченной фольги лист-подложка и уже на него установлена сердоликовая вставка в касте из позолоченной серебряной фольги. Нижние края каста были загнуты за медную пластинку, верхние — по периметру обжимали и удерживали сердоликовую вставку. По всему периметру конструкции, как и у подвесок типа 1, был напаян латунный (?) посеребренный ободок, соединявшийся внахлест и укрепленный серебряной заклепкой. В верхней части подвески сквозь отверстие с помощью петли присоединялась подвижная серебряная прямоугольная обойма. К ремню обойма крепилась медной заклепкой, шляпка которой была обтянута серебряной позолоченной фольгой.

4. Сравнение с аналогичными подвесками

Парадный уздечный набор из кургана 1 могильника *Гремячий III* входит в группу комплектов парадной конской упряжи из погребений сарматской и боспорской знати середины III–IV вв. н. э., украшения которых изготовлены в «северопричерноморском полихромном стиле позднеримского времени», и является самым ранним из них, дата — середина III в. н. э. [Демиденко 2016: 215]. Несмотря на малочисленность, эта группа хорошо известна исследователям: *Киштеп*, курган 13; *Аэродром I*, курган 2; *Чауш*, курган 5; погребение с Золотой маской (Керчь, 1837 г.); *Аджимушкай*, склеп № 1 (Керчь, 1841 г.); *Комаров II*, курган 8; сбруйный набор из коллекции Ермолая Запорожского (Керчь, 1891 г.) [Белинский, Бойко 1991; Бетрозов 1987; Засецкая, Шаров 2008; Казанский 1995; Малашев 2000; Шаров 2010; Шаров 2012; Шаров 2014; Симоненко 2013; Яценко, Малашев 2000].

Уздечному набору из кургана 1 могильника *Гремячий III* по составу украшений наиболее близки наборы из кургана 13 могиль-

ника *Киштек*, кургана 5 из могильника *Чауш* и из погребения с Золотой маской (Керчь, 1837 г.).

Если же говорить о технологии изготовления украшений конской упряжи, то подвескам типа 1 из кургана 1 могильника *Гремячий III* наиболее близки по конструкции подвески из погребения с Золотой маской (Керчь, 1837 г.) (илл. 2), которое датируется второй половиной III в. н. э. [[Шаров 2012: 233](#); [Шаров 2014: 164](#)]. Они также собраны из трех пластин каплевидной формы с прямоугольным выступом. На лицевой пластине с помощью пуансонов тиснением нанесен орнамент в виде рельефных валиков с короткими рубчиками, располагающихся по краю пластины и окаймляющих касты

Илл. 3. Гремячий III, курган 1. Подвеска типа 2. 1 — до реставрации. 2 — лицевая и оборотная сторона верхней пластины после реставрации

для сердоликовых вставок. Касты также выдавлены в лицевой пластине. Средняя пластина служит основой для поддержки сердоликовых вставок в кастах. Вся конструкция скреплена пятью заклепками, а по ее краю припаян серебряный ободок. Но в отличие от подвесок из кургана 1 могильника *Гремячий III* лицевая пластина из погребения с Золотой маской (Керчь, 1837 г.) изготовлена из золотого листа, средняя — из бронзового, задняя — из серебряного [Минасян, Шаблавина 2009: 82]. Также отсутствуют полуовальные обоймы для крепления. Судя по всему, заклепки, скрепляющие всю конструкцию, также служили и для прикрепления к кожаному ремню.

Подвески из кургана 13 могильника *Киштек* [Бетров 1987: рис. VIII, 1] также близки исследуемым экземплярам, однако имеют не листовидную, а округлую форму (см. илл. 3). Как и подвески типа 1, они имеют прямоугольный выступ в верхней части, к которому с помощью двух заклепок крепился кожаный ремень. Однако обоймы при этом не использовались. Подвески из кургана 13 могильника *Киштек* собраны из двух пластин, а не из трех. Вместо одной сердоликовой вставки использованы 4 вставки из стекла и только одна из сердолика. В то же время совпадает техника нанесения орнамента — тиснение с применением пуансонов различной формы. По периметру конструкции припаян серебряный ободок.

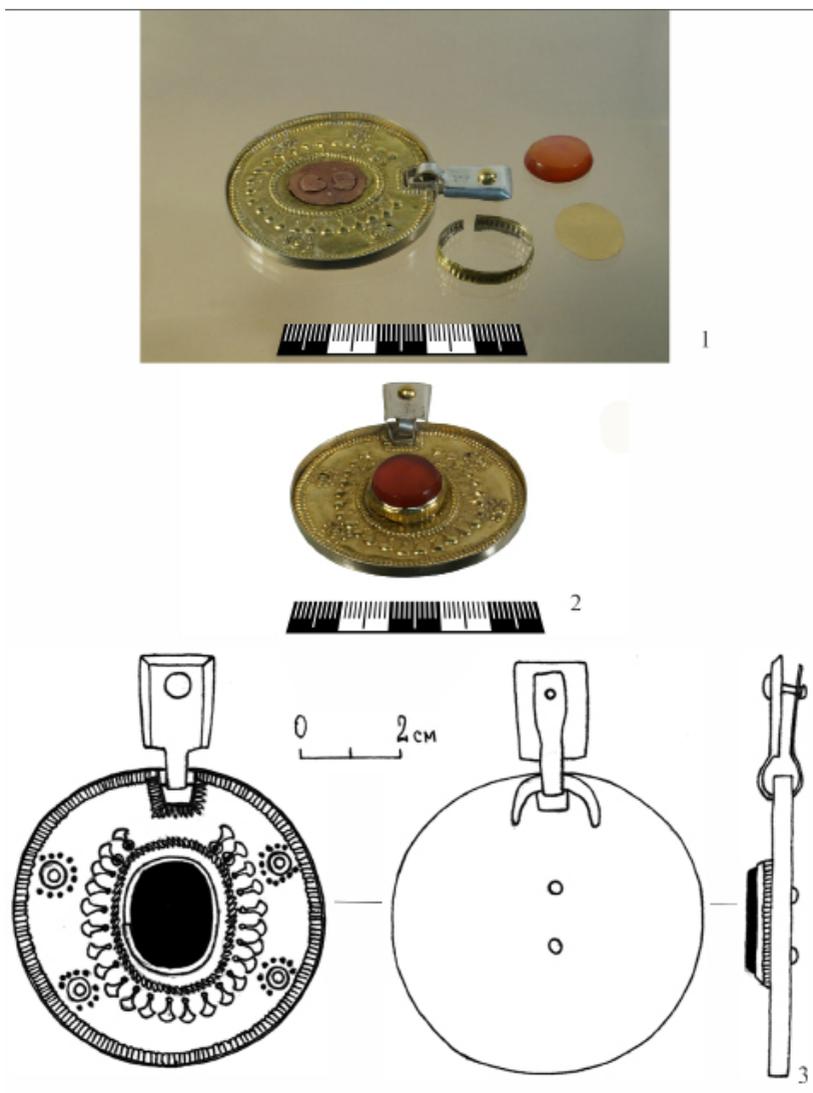
Подвески из кургана 5 могильника *Чауш* [Симоненко 2013: рис. 3, 4] отличаются по форме от подвесок типа 1, но схожи по конструктивным элементам (илл. 4). Они также имеют прямоугольный выступ в верхней части, их пластины скреплены заклепками, орнамент нанесен тиснением. По периметру конструкции, как у подвесок типа 1, так и у подвесок из кургана 13 могильника *Киштек*, припаян серебряный ободок.

Подвескам типа 2 из кургана 1 могильника *Гремячий III* по конструктивным особенностям наиболее близки подвески из кургана 5 могильника *Чауш* [Симоненко 2013: рис. 3, 5]. Но они отличаются по форме — каплевидные, вытянутые по вертикальной оси. Пластины, их составляющие, украшены с помощью тиснения. По краю лицевой пластины и вокруг касты вставки также располагается орнамент в виде валика с короткими рубчиками. Для крепления к ремню также использованы подвижные серебряные обоймы

Илл. 4. Гремячий III, курган 1. Подвеска типа 2. 1 — подвеска с деталями крепления сердоликовой вставки; 2 - после реставрации; 3 — рисунок с одной заклепкой. Но отверстия для крепления обойм проделаны только в лицевой пластине. Наконеч, по периметру конструкции, как у подвесок типа 2, припаян серебряный ободок.

Кроме украшений конской упряжи, исследователям хорошо известны браслеты, серьги, прямоугольные украшения-подвески и подвески-лунницы, также изготовленные в «северопричерноморском полихромном стиле позднеримского времени». Они встречаются в некрополях предгорного Крыма — *Дружное, Опушки, Фронтное 3* [[Храпунов 2002](#); [Храпунов, Стоянова 2022](#); [Свиридов, Язиков 2023](#)]. Технологию изготовления данных изделий удалось под-

Илл. 5. Подвеска из погребения с Золотой маской (Керчь, 1837 г.)

робно изучить на примере браслетов и прямоугольных подвесок из склепа № 346 могильника *Опушки*, который датируется серединой – второй половиной III в. н. э. [Храпунов, Стоянова 2022: 310;

Храпунов 2024: 182]. Исследователи смогли в процессе реставрации детально проследить, реконструировать и зафиксировать весь процесс изготовления браслетов (илл. 5). Нам особенно хотелось бы обратить внимание на конструкцию и оформление щитков трех браслетов с сердоликовыми вставками из склепа № 346 могильника *Опушки*, которые во многом аналогичны подвескам конской упряжи из кургана 1 могильника *Гремячий III*. Щитки браслетов состоят из двух овальных пластин. Нижняя серебряная пластина-основа имеет с двух сторон симметричные прямоугольные выступы, загнутые внутрь для крепления с помощью шарниров к ободку браслета. Лицевая серебряная пластина покрыта тонкой золотой фольгой. В центральной части пластины прорезано квадратное (у второго браслета — прямоугольное, у третьего — овальное) отверстие для крепления сердоликовой вставки. С внутренней стороны на нее тиснением с помощью пуансонов нанесен орнамент, очень

Илл. 6. Браслет из склепа №346 могильника *Опушки*
(по Мульд С.А., Корнеев Д.С., 2022)

близкий, но не идентичный орнаменту на подвесках из кургана 1 могильника *Гремячий III*. Это располагающийся по краю пластины валик с короткими рубчиками и ряд «символов грибовидной формы, «ножками» направленными в центр». Однако, несмотря на большое сходство, хорошо заметны и различия. Исследователи предполагают наличие между основной щитка и верхней декоративной пластиной прокладки из органического материала, вероятно кожи, которая, возможно, давала амортизирующий эффект и визуально делала украшение более массивным. Серебряный ободок напаивался по периметру конструкции и укреплялся внахлест [Мульд, Корнеев 2021: 143–146; Корнеев 2022: 102–108].

5. Заключение

Изучение двух типов подвесок конской упряжи из кургана 1 могильника *Гремячий III* позволяет утверждать, что, несмотря на сходство конструктивных элементов, техники нанесения орнамента и т. д., в каждом случае процесс изготовления носил индивидуальный характер и был обусловлен, с одной стороны, функциональным назначением изделия (украшение конской упряжи или украшение женского убора), с другой стороны — наличием определенных художественных традиций и профессиональных навыков мастера. Кроме того, даже если украшения предназначались для одного комплекта конской упряжи, способы их изготовления могли отличаться в деталях.

Литература

- Белинский, Бойко 1991 — *Белинский И. В., Бойко А. Л.* Тайник позднесарматского времени кургана 2 могильника Аэродром I // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1990 году. 1991. Вып. 10. С. 85–96.
- Бетровов 1987 — *Бетровов Р. Ж.* Курганы гуннского времени у селения Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Том 3 / отв. ред. В. А. Кузнецов. Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 11–39.
- Демиденко 2015а — *Демиденко С. В.* Исследования в Волгоградской области // Археологические открытия 2010–2013 годов. М.: ИА РАН, 2015. С. 343–345.
- Демиденко 2015б — *Демиденко С. В.* Парадный уздечный набор III в. н. э. из курганного могильника Гремячий III в бассейне реки Курмоярский

- Аксай [Нижний Дон] // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные. Материалы международной научной конференции / отв. ред. А. В. Мاستыкова. М.: ИА РАН, 2015. С. 28–31.
- Демиденко 2016 — Демиденко С. В. Воинское погребение с парадной конской упряжью позднесарматского времени в бассейне реки Курмоярский Аксай // Краткие сообщения Института археологии. 2016. Вып. 244. С. 194–221.
- Засецкая, Шаров 2008 — Засецкая И. П., Шаров О. В. Декоративные наборы конского снаряжения III–IV вв. н. э. // Сокровища сарматов. Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. Азовский государственный историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник. СПб; Азов: Издательство Азовского государственного историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника. 2008. С. 62–64.
- Казанский 1995 — Казанский М. М. Могилы сармато-аланских вождей в Понтийских степях // Материалы по археологии, истории и этнографии. 1995. Вып. IV. С. 238–256.
- Казанский 2010 — Казанский М. Кишпек, Экажево и Варпелев: к вопросу о понто-скандинавских связях в позднеримское время // *Inter ambo maria*. Контакты между Скандинавией и Крымом в римское время: Тез. докл. Междунар. конф. (21–25 октября 2010 г., г. Гаспара). Гаспара: Dolya, 2010. С. 48–52.
- Корнеев 2022 — Корнеев Д. С. Нагрудные полихромные украшения с тиснеными плакированными щитками из могильника у с. Опушки // Крым в сарматскую эпоху [II в. до н. э. – IV в. н. э.]. VIII / отв. ред. И. Н. Храпунов. Севастополь: Альбатрос, 2022. С. 102–108.
- Малашев 2000 — Малашев В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Материалы и исследования по археологии Дона. Сарматы и их соседи на Дону / отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов н/Д: ООО «Терра». 2000. Вып. 1. С. 194–232.
- Минасян 2014 — Минасян Р. С. Металлообработка в древности и средневековье. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2014. 472 с., илл.
- Минасян, Шаблавина 2009 — Минасян Р. С., Шаблавина Е. А. Техника изготовления вещей из погребения Рескупорида // Тайна золотой маски: каталог выставки. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2009. С. 77–96.
- Мульд, Корнеев 2021 — Мульд С. А., Корнеев Д. С. Конструкция браслетов в позднеримском полихромном стиле // Крым в сарматскую эпоху [II в. до н. э. – IV в. н. э.]. VII / отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Салта, 2021. С. 140–147.

- Свиридов, Язиков 2023 — *Свиридов А. Н., Язиков С. В.* Могильник римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму: в трех частях. Часть 1 / отв. ред. А. В. Мاستыкова, И. О. Гавритухин. Материалы спасательных археологических исследований. Том 33. Часть 1. М.: ИА РАН, 2023. 460 с.
- Симоненко 2013 — *Симоненко А. В.* Полихромные сбруйные наборы из Сарматии и Пантикапея // Варварский мир Северопонтийских земель в сарматскую эпоху. Сборник статей к 60-летию А.Н. Дзиговского / отв. ред. Е. В. Смынгына. Киев: Издатель О. Филюк, 2013. С. 223–241.
- Храпунов 2002 — *Храпунов И. Н.* Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin: Wydawnictwo uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej, 2002. 313 с.
- Храпунов 2024 — *Храпунов И. Н.* Склепы III в. н.э. из могильника Опушки // Нижневолжский археологический вестник. 2024. Т. 23. № 1. С. 174–204.
- Храпунов, Стоянова 2022 — *Храпунов И. Н., Стоянова А. А.* Склеп III в. н. э. с украшениями в позднеримском полихромном стиле из могильника Опушки // Крым в сарматскую эпоху [II в. до н. э. – IV в. н. э.]. VIII / отв. ред. И. Н. Храпунов. Севастополь: Альбатрос, 2022. С. 268–324.
- Шаров 2010 — *Шаров О. В.* Парадная конская упряжь в эпоху поздней Империи // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. II / под ред. Е. Н. Носова, С. В. Белецкого. М.: «Ломоносов». 2010. С. 483–499.
- Шаров 2012 — *Шаров О. В.* Пирамидальный склеп № 1 по дороге к Царскому кургану, или склеп № 1, открытый в 1841 году в кургане у дороги на Аджимушкайские каменоломни в Керчи. Историкографическое исследование // *Stratum plus*. 2012. № 4. С. 201–238.
- Шаров 2014 — *Шаров О. В.* Элита позднеантичного Боспора: погребение с Золотой маской // Краткие сообщения Института археологии. 2014. № 234. С. 158–175.
- Шаров 2019 — *Шаров О. В.* Боспор. Полихромные стили позднеримской эпохи // Нижневолжский археологический вестник. 2019. Т. 18. № 2. С. 197–220.
- Яценко, Малашев 2000 — *Яценко С. А., Малашев В. Ю.* О полихромном стиле позднеримского времени на территории Сарматии // *Stratum plus*. 2000. № 4. С. 226–250.

Неординарные золотоордынские погребения с бронзовыми конусами из Калмыкии

Игорь Иванович Дремов¹, Евгений Викторович Круглов²

¹ ООО «Георесурс-КБ»

кандидат исторических наук, научный сотрудник

 0000-0002-8525-1874. E-mail: iid57[at]yandex.ru

² Волгоградское региональное отделение «Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры»

секретарь

 0000-0002-7070-9889. E-mail: khasar[at]vlpost.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Дремов И. И., Круглов Е. В., 2024

Аннотация. В золотоордынских захоронениях 2-й половины XIII – конца XIV вв. встречаются конусовидные предметы, свернутые из листов железа или бронзы. Конусы являются надежным индикатором монгольских погребений. В ряде случаев имеются признаки, указывающие на практикование буддийских культов. Часто конусы находятся в комплексах с необычным ритуалом и многочисленным инвентарем. В статье рассмотрен ряд неординарных памятников с бронзовыми конусами, исследованных Е. В. Цуцкиным в 1977–1978 гг. на территории Калмыкии. Такие погребения, как *Адрык, 9/1, Гува-2, 4/2, 5/1, 7/1*, кроме конусов, имели и другие монгольские признаки: северную или северо-восточную ориентировку умерших, кости овцы, включая вертикально поставленную конечность. В погребении *Большой Царын-1, 1/1* захоронена женщина с южной ориентировкой, у которой во рту находилась челюсть ребенка. Вокруг черепа погребенного из *Большого Царына-1, 2/1* располагался шелковый мамлюкский тираз с вышитым текстом на арабском языке. В работе использованы этнографические и письменные источники, способствующие осмыслению неординарных погребений с конусами.

Ключевые слова: конусы, кочевники, Золотая Орда, погребальный обряд, кости овцы, северная ориентировка, монеты во рту, монголы, буддизм

Для цитирования: Дремов И. И., Круглов Е. В. Неординарные золотоордынские погребения с бронзовыми конусами из Калмыкии // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 2. С. 67–93.
DOI: 10.22162/2587-6503-2024-2-30-67-93

Extraordinary Burials of Golden Horde with Bronze Cones from Kalmykia

Igor I. Dremov¹, Evgeniy V. Kruglov²

¹ ООО “Georesurs-KB”

Cand. Sc. (History), Research Associate

 0000-0002-8525-1874. E-mail: iid57[at]yandex.ru

² Volgograd Regional Branch of the “All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments”

Secretary

 0000-0002-7070-9889. E-mail: khasar[at]vlpst.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Dremov I. I., Kruglov E. V., 2024

Abstract. Cone-shaped objects, rolled from sheets of iron and bronze are found in the Golden Horde burials of the late 13th – late 14th centuries. Cones are a rare but one of the most reliable indicators of Mongolian burials. In a number of cases, there are additional signs pointing to Buddhist cults in burials with cones. Often they are located in extraordinary complexes with numerous equipment or with an unusual ritual. The burials studied in this article are extraordinary with bronze cones: Adryk, mound 9, burial 1, Guva-II, mound 4, burial 2, mound 5, mound 7. They have Mongolian features such as a northern or northeastern orientation, sheep bones, and cones. There is a leg bone of a sheep placed vertically, which is a specificity of Mongolian burials. In the burial in kurgan 1 of Bolshoy Tsaryn-1, 1/1, a woman with a southern orientation was buried, who had a child’s jaw in her mouth. A silk Mamluk tirade with an embroidered text in Arabic was placed around the skull of the buried in mound 2 in Bolshoy Tsaryn-1, 2/1. The work uses ethnographic and written sources that contribute to the understanding of extraordinary burials with cones.

Keywords: metal cones, funeral ritual, nomads, Golden Horde, funeral rites, sheep bones, orientation to the north, coins in the mouth, Mongols, Buddhism

For citation: Dremov I. I., Kruglov E. V. Burials Extraordinary of Golden Horde with Bronze Cones from in Kalmykia. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2024; 2: 67–93. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-2-30-67-93

1. Введение

В погребениях золотоордынских кочевников довольно часто встречаются конические предметы, которым исследователи дают самые различные определения: конусы, колпачки, ворворки, втоки, шишаки, колокольчики, подвески для конской упряжи, детали бунчуков, ритуальные шаманские или буддийские предметы и т. д. Они свернуты из железных или бронзовых листов, имеют пропорции от вытянутых до приземистых, высоту от 2 до 7 см. Эти, обычно грубо выполненные, кустарные изделия часто встречаются в погребениях с разнообразным и многочисленным инвентарем, включая серебряные монеты, предметы из драгоценных металлов, редкое и дорогое оружие [Дремов, Круглов 2023].

Целью данной работы является введение в научный оборот малоизвестных материалов раскопок золотоордынских кочевнических погребений с бронзовыми конусами и определение их этнокультурной и религиозной принадлежности.

2. Общие сведения о погребениях с конусами

Семьдесят восемь погребений с железными конусами, включая пять комплексов, обнаруженных на территории Сарпинской низменности (*Джангар-II-1988*, 2/1; *Кривая Лука-XVI*, 5/1; *Никольское-I*, 3/1; 8/1; *Хар Нуурин Толга*, 9/1), ранее были выявлены и рассмотрены в статье И. И. Дремова и Е. В. Круглова [Дремов, Круглов 2021]. Золотоордынские погребения с бронзовыми конусами отдельно в специальной литературе пока не обсуждались. К настоящему времени в степях Улуса Джучи удалось выявить 33 комплекса с бронзовыми конусами, в том числе девять на территории Калмыкии: *Адрык*, 9/1; *Большой Царын-I*, 1/1; 2/1; *Гува-2*, 4/2; 5/1; 7/1; *Косика*, п.¹ 53; *Улан-Толга*, 2/1; *Чограйский-V*, 2/1. Предварительный список комплексов с бронзовыми конусами приведен в таблице 1.

¹ Здесь и далее п. — погребение, к. — курган.

Таблица 1. Золотоордынские погребения с бронзовыми конусами *

№	Название комплекса	Автор и год отчета / публикация	Ориентировка**	Пол	Состояние до раскопок	Кости животных	Характерные признаки	Наличие монет	Расположение	Наличие пластин и плоско-сосудов
1	<i>Августовка, 1/1</i>	[Гарустович и др. 1998]	Северо-восток	—						
2	<i>Адыг, к. 9, п. 1</i>	[Пушкин 1978]	Северо-восток	муж.		Кости и конечность овцы вертикально			В изголовье	Рядом дно бронзового стакана
3	<i>Аксеновский-1, к. 20.</i>	[Шилов 1966]	Северо-восток	жен.			6 конусов у седла, золотые и серебряные украшения		На ступени	Бронзовые и серебряные сосуды
4	<i>Большой Царын-1, к. 1</i>	[Пушкин 1977]	Юг	жен.			Кость овцы, челюсть ребенка во рту		Конус на перекрытии	
5	<i>Большой Царын-1, к. 2</i>	[Пушкин 1977]	Северо-восток	муж.		Кости овцы	Шелковая повязка с надписью	Монета во рту	У черепа	Железная пластина вдалеке
6	<i>Брич-Алга, Клад</i>	[Гарустович 2012]	Клад	—						
7	<i>Власовский-1, 10/2</i>	[Кравец 2005]	Северо-восток	муж.			Крупный камень в могиле		У локтя	Рядом бронзовый ланцет

8	<i>Гува-2, 4/2</i>	[Цуцкин 1978]	Север	муж.						У плеча	6 бронзовых пластин рядом
9	<i>Гува-2, к. 5, п. 1</i>	[Цуцкин 1978]	Северо-восток	муж.				Кости кончестности овцы с альником		В изголовье	Бронзовые пластины рядом
10	<i>Гува-2, к. 7</i>	[Цуцкин 1978]	Север	муж.						На плече	Бронзовые пластины рядом
11	<i>Евпатория</i> (оз. Сазык), п. 3	[Анохин, Приднєв, 2014]	—	—			Разрушено				
12	<i>Евпатория</i> (оз. Сазык), п. 3	[Анохин, Приднєв, 2014]	—	—			Разрушено				
13	<i>Каленная балка, п. 3</i>	[Плетнева 1962]	Северо-восток	муж.						У черепа	В стороне пластины и плоскок
14	<i>Карасуяр, п. 7</i>	[Усманова и др. 2024]	Север	муж.				Лопатка овцы		Между бедренными костями	С плоскок
15	<i>Кировский V, 4/1</i>	[Ильюков 1985]	Север	муж.				Лопатка овцы		Бронзовые у седла, железный конус рядом с плоскок	5 бронзовых монет, 1 железная монета

16	<i>Кировский</i> У, 7/1	[Ильюков 1985]	Северо- восток	муж.	Разруше- но	Кости овцы, ло- патка и берцовая кость		3 брон- зовых монеты, 2 железных монеты	У седла	Есть се- ребряные и брон- зовые сосуды
17	<i>Клин-1</i>	[Тихонов 2017]	Север	—			В кенотафе есть бронзо- вый и желе- зный конусы			
18	<i>Косика</i> , п. 53	[Дворничен- ко 1989]	Север- северо- восток	муж.			На лице фрагмент шелковой ткани.	Серебря- ные мо- неты	У плеча	Бронзо- вая чаша, пластина в стороне
19	<i>Молчановка- II</i> , 3/2	[Синицын 1959; Гару- стович, Раку- шин 2010]	—	—	Разруше- но					
20	<i>Московский-1</i> , к. 8	[Ильюков 1984]	Северо- восток	муж.		Конечность ло- патка и астрагал овцы	Конус с ремешком в золотой паче		У плеча	Брон- зовая пластина рядом, 2 пешки в ногах
21	<i>Назавский-IV</i> , к. 1	[Мыськов 2015]	Север- юг	жен.	Грабл.	Кости овцы	В конусе железный стержень	5 дирхемов		

22	Новосадковский, к. 1	[Ильиных 1985]	Северовосток	муж.			Лопатка и берцовая кость конечности овцы	Сложная конструкция из пластин и конуса		Конус на колчане	
23	Новотроицкое, к. 4, п. 1	[Кубышев 1976]	Восток	муж.			Лопатка и кость конечности овцы	Вход в подбой закрыт разобранной повозкой		Под колчаном у плеча	У черепа бронзовое ведрко
24	Новый Куляк, 28/1	[Кригер 1983]	Западно-запад	жен.			Скелет лошади				
25	Остроухов, к. 3, п. 1	[Гуренко, Ситников 2019]	Восток-запад	—	Разрушено					Конус и чаша с дужкой	
26	Передельское, п. 5	[Потемкина 2012]	?	—						У локтя слева	С бронзовой плоской
27	Песковка-II, к.7	[Захаров, Лопан 2006]	Северовосток	муж.			Бедренная кость конечности овцы на гробе	Конус в железной коробочке			Железная пластина
28	Петровка, к.1, п. 2	[Максимов 1959]	Северовосток	муж.						В ногах	Железная плетка, фигурная пластина
29	Сайхин, к. 3	[Синицын 1959, Гарустович, Ракушин 2010]	Восток	—	Разрушено		Кость конечности овцы			У таза	бронзовая плетка, железная пластины

30	Семенкин, 29/1	[Ларенок 1992]	Северо- восток	муж.		Кости овцы, ко- нечность барана вертикально	Имеются железные и бронзовые конусы	7 бронзо- вых ворво- рок	
31	Улан-Толга, к. 2	[Николаева, Сафронов 1985]	Северо- восток	муж.					
32	Чосрайтский-5, к. 2	[Гаврилина, Шиллина 1986]	Запад	—					
33	Шуциловка	[Супруненко и др. 2024]	—	—					

* Некоторые погребения, включенные в таблицу 1, имеют конусовидные предметы нестандартной формы: *Августовка, 1/1* — конус сильно усеченный и разомкнутый; *Власовский-1*, к. 10, п. 2 — конус по форме как небольшая, не до конца свернутая в конус плоска; *Каменная балка*, п. 3 — конус с дополнительной планкой на раструбе для крепления; *Новый Кулак, 28/1* — конус усеченный.

** Линейное направление ориентировки черепом указано в тех случаях, когда она установлена. В разрушенных погребениях дана ориентировка по оси могилы. В таблице и в списке источников приведены имеющиеся у авторов в настоящее время данные по отчетам. Сведения о количестве листов в отчетах отсутствуют.

Наиболее неординарными и практически до сих пор малоизвестными погребениями с бронзовыми конусами оказались памятники, исследованные Калмыцко-Астраханской археологической экспедицией Калмыцкого научно-исследовательского института истории, филологии, экономики и Калмыцкого государственного университета под руководством Е. В. Цуцкина в 1977–1978 гг. на территории Калмыкии в могильниках *Адрык*, *Большой Царын-1* и *Гува-II*.

3. Курганная группа *Адрык*

Курганная группа *Адрык* располагалась на возвышенности Галунд-Цаган Адрык и состояла из 14 насыпей, 13 из которых были раскопаны. Наиболее древние погребения данной группы оказались связаны с эпохой бронзы. В курганах № 1, 3, 10 и 11 были обнаружены женские, а в курганах № 4, 8 и 9 мужские погребения конца XIII – середины XIV вв. Эти памятники можно считать могильником одной кровнородственной группы кочевников эпохи Золотой Орды. Бронзовый конус был обнаружен в погребении *Адрык*, 9/1. Диаметр кургана 11 м, высота 0,45 м. Погребение являлось впускным и принадлежало мужчине зрелого возраста с ориентировкой головы на северо-восток. У черепа погребенного находились вертикально поставленная конечность овцы с альчи-ком, остатки деревянного седла, два железных стремени, удила, ременные подпружные пряжки и соединительные кольца. В стороне у стенки ямы располагались дно бронзового стакана диаметром 4 см и небольшой конус, вырезанный из листа бронзы толщиной 0,1 см и имевший размеры 3 x 2,5 см. Ниже пояса располагались берестяной украшенный костяными орнаментированными накладками колчан, два железных наконечника стрел; фрагменты ткани, кости барана и предметы ременной портупеи (рис. 1, 1) [Цуцкин 1978: 66–71].

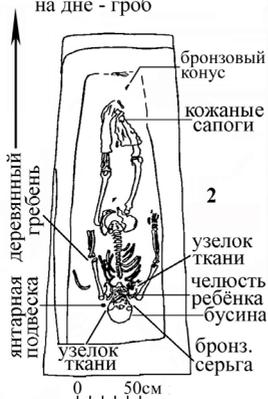
4. Курганная группа *Большой Царын-1*

Курганная группа *Большой Царын-1* необычна. Она состояла всего лишь из 2 насыпей, сооруженных над основными золотоордынскими погребениями. Насыпи эпохи бронзы и раннего железного века здесь отсутствовали. Существование у средневековых

БОЛЬШОЙ ЦАРЫН-I, 1/1
жен.

ровики - в насыпи и
 вокруг насыпи
 ступица колеса -
 в насыпи ямы
 на дне - гроб

БОЛЬШОЙ ЦАРЫН-I, 2/1

муж.

ровик (3 сегмента) - вокруг насыпи
 кость овцы

Рис. 1. Планы погребений с указанием расположения находок:
 1 — Адрык, 9/2; 2 — Большой Царын-I, 1/1; 3, 4 — Большой Царын-I,
 2/1 — план погребения; череп, конус и повязка с надписью

кочевников таких могильников является большой редкостью, что заставляет их изучать более внимательно. В инвентаре погребений в обоих курганах были зафиксированы бронзовые конусы.

Диаметр кургана *Большой Царын-1*, 1/1 11,4 м, высота 0,5 м (рис. 1, 2). Вокруг насыпи, исключая восточную сторону, визуально прослеживался заплывший прикурганый ровик шириной 2,5 м. Вокруг могильной ямы, находившейся в центральной части подкурганной площадки, после снятия насыпи был выявлен дополнительный сплошной кольцевой ровик, имевший ширину 0,6 м и глубину от древней дневной поверхности 0,2–0,25 м. Этот ровик, видимо, являлся оградой. Ровики, сооружаемые вокруг погребений и курганов, в золотоордынской археологии до сих пор не были предметом отдельного изучения, но наличие вокруг одного погребения сразу двух ровиков явление уникальное, не имеющее себе аналогий. Могильная яма имела прямоугольно-трапецевидную форму и условной длинной осью была ориентирована по линии север-юг. В насыпи южной части ямы (над черепом погребенной) на глубине 0,85 м от уровня древнего горизонта располагалась ступица деревянного колеса, изготовленная на токарном станке. Бронзовый конус (у Е. В. Цуцкина — «колпачок») был обнаружен в насыпи северной части ямы (над костями ног погребенной) на глубине 1,6 м. Скелет взрослой женщины, головой ориентированный на юг, располагался на дне могилы (1,86 м), в гробу. Рот погребенной был приоткрыт, в полости рта находилась нижняя челюсть ребенка альвеолами (зубными лунками) вверх. «Череп погребенной болезненно увеличен. Основание черепа проломлено рубящим ударом сзади» [Цуцкин 1977: 37], при этом левые нижние коренные зубы отсутствовали, а верхний край нижней челюсти женщины был отбит и находился на левой стороне грудной клетки. На височной кости черепа зафиксирован узелок ткани от головного убора. Рядом находились янтарная подвеска, черная пастовая бусина, бронзовая серьга, а также бусина, завернутая в ткань. Под правой лопаткой еще один узелок ткани, под предплечьем левой руки — деревянный гребень с фрагментом ткани и фрагмент деревянного предмета с орнаментом, под кистью слой бересты [Цуцкин 1977: 34–37].

Помещение конуса в женское захоронение — явление нечастое. Из 78 погребений с железными конусами всего лишь три

комплекса являлись женскими: *Болгар*, восточный въезд, погр. 4; *Весёлый-II*, 2/1 и *Нагавский-I*, 1/1 [Дремов, Круглов 2021: 161]. Из 33 погребений с бронзовыми конусами лишь четыре являются женскими: *Аксёновский-I*, 20/1; *Большой Царын-I*, 1/1; *Власовский-I*, 10/2; *Нагавский-IV*, 1/1. Расположение конуса-колпачка в заполненной могильной яме в погребении *Большой Царын-I*, 1/1 необычно. Вероятно, конусы являлись «мужскими» атрибутами, а в женских погребениях они использовались лишь в каких-то особых случаях.

Диаметр кургана *Большой Царын-I*, 2/1 18 м, высота 0,7 м (рис. 1, 3). Вокруг насыпи прослеживались три отдельных сегмента широкого околочурганного ровика. В насыпи фиксировались кости животных. Погребение было устроено в могильной яме с подбоем и принадлежало мужчине зрелого возраста, ориентированному головой на север-северо-восток и обращенному лицом на запад. В северной части входной ямы найдена трубчатая кость овцы. Вход в подбой закрыт деревянными плашками. Череп погребенного был опоясан шелковой повязкой с вышитой надписью на арабском языке «Господин миров». Во рту находилась медная монета. В стороне от черепа располагался бронзовый конус, его размеры 7 x 5 см. Слева у таза находился кожаный кошель с серебряными монетами. Под костями таза находились позвонки барана. Все остальные находки располагались с правой стороны погребенного, начиная от черепа до ступней ног. Среди них: берестяной колчан с наконечниками стрел, остатки деревянного седла, украшенного костяными накладками с гвоздиками, железные удила, стремена, пряжки, костяная пуговица, железные пластины и ряд мелких предметов, оставшихся неопределенными [Цуцкин 1977: 38–42].

5. Курганная группа *Гува-2*

Курганная группа *Гува-2* к моменту раскопок 1978 г. состояла из 10 насыпей, 8 из которых были исследованы¹. Наиболее древние захоронения связывались с эпохой бронзы. В курганах № 4, 5, 7 и 8 были обнаружены мужские золотоордынские погребения. Сразу в трех из них в составе погребального инвентаря были найдены бронзовые конусы.

¹ Один из курганов с женским погребением конца XIII – середины XIV вв. был раскопан в 1975 г. экспедицией Е. В. Шнайдштейн (*Гува-III*, 1/1).

Диаметр кургана *Гува-2, 4/2* 21 м, высота 0,7 м (рис. 2, 1). Вокруг насыпи ровик, в насыпи кости животных, фрагменты керамики, зольные пятна. Могила основного типа, с подбоем, ориентирована длинной осью по линии север-юг. Вход в подбой заложен деревом. Скелет мужчины ориентирован головой на север-северо-восток. За черепом располагалась конечность барана с альчиком. У черепа — бронзовая застежка кармана сумки в виде трехлепестковой розетки с прямым основанием. У челюсти (вероятно, за щекой) — две серебряные монеты. У левого плеча — шесть плоских бронзовых пластин с отверстиями и бронзовый конус (размеры 7 x 5 см). На костях позвоночника — обожженный камень треугольной формы. У пояса слева — берестяной колчан с железными наконечниками стрел, две серебряные монеты, железные нож, пряжки, обоймы. Под колчаном бронзовый полукруглый умбон щита (?). Под тазом погребенного позвонки овцы. У кисти правой руки еще две серебряные монеты, железное кресало и кремь. В ногах остатки деревянного седла, железные удила и стремяна [Цуцкин 1978: 161–168].

Диаметр кургана *Гува-2, 5/1* 12 м, высота 0,5 м (рис. 2, 2). Вокруг насыпи широкий ровик без видимых перемычек, в насыпи кости животных. Могила с подбоем, ориентирована по линии северо-восток–юго-запад. Имелись остатки древесины — заклад подбоя. Останки взрослого мужчины ориентированы головой на северо-восток. За черепом бронзовый конус, рядом несколько бронзовых прямоугольных пластин, железное острие ножа, конечность овцы. Справа, вдоль скелета железное кресало, остатки деревянной кибити лука, остатки парчи, деревянный гребень в кожаном футляре, железные портупейные пряжки, не менее трех серебряных монет. Слева, вдоль скелета железная булава с деревянной рукоятью, железные пластины, берестяной колчан с костяными накладками, наконечники стрел, бронзовый умбон деревянного щита (?), железные портупейные крюки, нож и кресало, четыре половинки серебряных монет. В ногах деревянное седло, железные удила, два стремени, разнообразные подпружные пряжки и заклепки. Под костями грудной клетки позвонки барана [Цуцкин 1978: 182–191].

Диаметр кургана *Гува-2, 7/1* 11 м, высота 0,4 м (рис. 2, 3). Вокруг насыпи ровик, в насыпи кости животных. Могила с подбо-

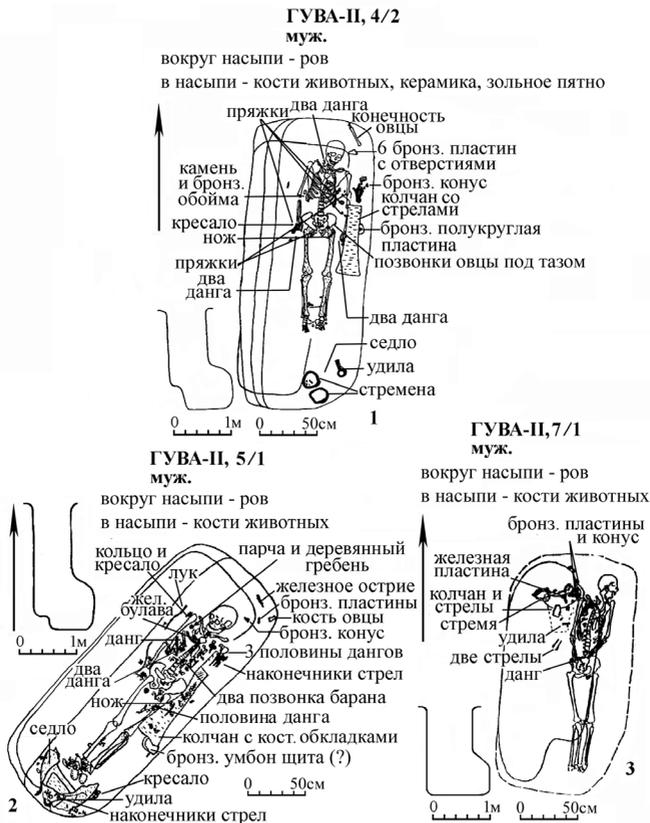

Рис. 2. Планы погребений с указанием расположения находок:
1 — Гува-II, 2/1; 2 — Гува-II, 5/1; 3 — Гува-II, 7/1

ем, ориентирована по линии северо-восток–юго-запад. Имеются следы плашек от заклада подбоя. Скелет мужчины ориентирован головой на север-северо-восток. Бронзовый конус находился близ правой плечевой кости. Здесь же остатки деревянного седла, железные удила, стремяна, берестяной колчан с наконечниками стрел, бронзовые и железные пластины, портупейные и подпружные кольца, костяная пуговица. В районе пояса находилась монета [Цуцкин 1978: 199–205].

6. Обсуждение

По инвентарю и погребальному обряду время существования этих погребений определяется золотоордынским временем — от второй половины XIII в. до XIV в. Отсутствие в погребальном инвентаре погребений каких-либо характерных предметов домонгольского времени позволяет уверенно ограничивать нижнюю границу комплексов самым концом XIII в. В четырех погребениях было зафиксировано наличие монет: *Большой Царын-1, 2/1* — кошель с несколькими монетами и одна находилась во рту; *Гува-2, 4/2* — шесть монет, располагавшихся по две в трех разных местах; *Гува-2, 5/1* — не менее трех целых и четырех половинок; *Гува-2, 7/1* — одна монета на поясе. Несмотря на то, что ни одна из этих монет своевременно не была прочитана, а их современное местонахождение не известно, данная информация все же позволяет несколько уточнить хронологические рамки погребений. Согласно наблюдениям Е. П. Мыськова, денежное обращение в среде кочевого населения Волго-Донского региона разделяется на три периода: до 1310 г., 1310–1363 и 1363–1410 гг. К первому периоду относится 5 % всех ныне известных золотоордынских погребений с монетами, представленными только одиночными экземплярами, ко второму — 91 %, к третьему — 4 %. Это означает, что сам факт обнаружения в том или ином погребении нескольких серебряных монет является достаточно надежным аргументом в пользу датировки такого комплекса в пределах 1310–1363 гг. По заключению Е. П. Мыськова, данное положение может распространяться, в первую очередь, на погребальные памятники с наличием в составе инвентаря комплектов из трех и более неопределенных монет [Мыськов 2015: 239]. Поэтому широкая датировка рассмотренных комплексов возможна в промежутке 1310–1360-е гг.

Пять из шести рассматриваемых погребений мужские. Судя по наличию в могилах берестяных колчанов с наконечниками стрел и остатков деревянной кибитки сложносоставного лука, вероятнее всего, это были высоко профессиональные воины. Статус этих воинов, однако, не совсем ясен. Колчаны из погребений *Адрьк*, 9/1 и *Гува-2*, 5/1 были украшены орнаментированными костяными накладками, широко распространенными, но достаточно престижными в Золотой Орде. В погребении *Гува-2*, 5/1 была обнаружена железная булава. В погребениях *Гува-2*, 4/2 и 5/1 были найдены бронзовые умбоны деревянных щитов. Это достаточно редкие находки. Во всех погребениях отсутствовали сабли, но зато имелись железные и бронзовые пластины с отверстиями, вероятно, являвшиеся символическими деталями-заменителями весьма дорогих и престижных панцирей. Исходя из всего перечисленного, очевидно, что погребенные не имели статусных джучидских поясов и иных вещей из драгоценных металлов и, соответственно, не принадлежали к высшей элите Золотой Орды, а, скорее всего, являлись представителями воинской монгольской знати среднего уровня.

Для погребальной обрядности могил, рассматриваемых в данной статье, особенно характерно полное отсутствие в них останков коня, традиционно встречающихся в захоронениях эпохи средневековья. Несмотря на это, о кочевнической природе погребенных достаточно уверенно говорит помещение в могилы седел и предметов амуниции — удила, стремян и подпружных пряжек, размещавшихся либо в ногах, либо за головами покойных.

Подобные комплексы в XIV в. являлись характерными для районов Волго-Донского междуречья и, по данным Е. П. Мыськова, показывали устойчивую связь с ориентировкой в северном направлении. Они же надежно соотносятся и с ярко выраженным антропологическим признаком монголоидности центрально-азиатского типа черепов, имеющих краниологические определения. Указанные обстоятельства позволили Е. П. Мыскову уверенно связывать данную группу погребальных памятников с этническими монголами [Мысков 2015: 55]. В погребениях с железными конусами имеется шесть определенных черепов, 5 из которых имеют ярко выраженную монголоидность центрально-азиатского типа и один череп метиса с монголоидными и европеоидными чертами. Еще 5

погребений из тех же могильников с монгольским погребальным обрядом, но без конусов, тоже имели признаки монголоидности центрально-азиатского типа [Дремов, Круглов 2021: 157, 159].

Ориентировку погребенных на север или северо-восток имели пять из шести захоронений. Все они были мужские. По мнению Е. П. Мыськова, северное направление в погребениях золотоордынских кочевников является главным этническим признаком монгольских захоронений [Мыськов 2015: 44, 272].

В рассматриваемых погребениях также были встречены кости овцы или барана: *Адрык, 9/1*; *Большой Царын-1, 2/1*; *Гува-2, 4/2*; *Гува-2, 5/1*, при этом в погребении *Адрык, 9/1* конечность барана располагалась вертикально, что также считается одним из главных этнических индикаторов монгольских захоронений. Такие кости в могилах не являлись пагубной пищей. Они имели особое культовое значение в ритуалах большинства монгольских народов, что зафиксировано и этнографическими данными [Ларенок 1992: 181, 183; Дремов, Круглов 2021: 155]. Например, в свадебных обрядах конечность барана имела фаллическое значение и, в сочетании с лопаткой, символизировала мужское и женское начала [Бадмаев 2015: 255–264]. Это обстоятельство объясняет ее установку в погребениях в вертикальном положении.

В материалах ранее рассмотренных погребений Улуса Джучи с железными конусами была отмечена устойчивая связь этих предметов с металлическими пластинами и плоскими [Дремов, Круглов 2023]. Сочетание бронзовых конусов с железными и бронзовыми пластинами было зафиксировано также и в погребениях *Большой Царын-1, 2/1*; *Гува-2, 4/2*; *Гува-2, 5/1*; *Гува-2, 7/1*, на что выше уже обращалось внимание. В погребении *Адрык, 9/1* рядом с конусом находилась донная часть небольшого бронзового стакана.

В погребении *Большой Царын-1, 2/1* зафиксирован уникальный случай. Бронзовый конус находился рядом с черепом, на котором сохранилась шелковая повязка с вышитой надписью «Господин миров». Надпись можно трактовать как слова из первой суры Корана «Хвала Аллаху, Господину Миров». Однако возникает несоответствие хорошо известных признаков тюркской погребальной обрядности (западная ориентировка, наличие костей лошади) с ярко выраженным монгольским погребальным обрядом данного

погребения (ориентировка на северо-восток; кости овцы; наличие обильного количества инвентаря, в том числе конуса и монеты во рту). В связи с этим более убедительной представляется иная трактовка надписи на повязке, предложенная профессором, доктором Ириной Шингерей (Оксфорд). По ее мнению, здесь присутствует арабское слово *аль-алим* ‘мудрый’, ‘ученый’, ‘знающий’, которое в XIV в. прилагалось к имени султана или эмира. Сама же лента является мамлюкским тиразом, шелковой лентой с именем и титулом правителя, которую вручали в качестве подарка. Тиразы являлись знаком престижа, предметом статусным. Их массовое производство было налажено в XIV в. [Shingiray 2018: 201–205]. В данном случае тираз мог иметь либо статусное, либо мемориальное значение. Кроме значения статусной вещи, лента тираза могла иметь функцию черной повязки на глаза. Если буддист умирал с открытым ртом или глазами, это считалось плохим признаком. В этом случае «глаза его зашивают нитками и прикрывают черной шелковой материей» [Позднеев 1993: 463]. При этом могло иметь значение, что в буддизме черный цвет применялся в самых гневных магических ритуалах, во время которых предполагалось абсолютное уничтожение препятствующего демона или врага [Бир 2013: 228].

Несмотря на использование шелкового тираза с арабской надписью, погребение *Большой Царын-1, 2/1* обладает несомненными монгольскими культурными признаками. Особо показательным в данном случае оказывается наличие во рту погребенного (за щекой) монеты. По мнению В. П. Костюкова, именно наличие монеты во рту является индикатором буддийской обрядовой традиции в золотоордынских погребениях: «Ключом к решению вопроса могут послужить те монетные находки, что были обнаружены во рту погребенных (а также, видимо, те, которые зафиксированы в руках умерших)» [Костюков 2009: 215].

В погребении *Большой Царын-1, 1/1* зафиксировано еще несколько неординарных явлений: сооружение двух ровиков — вокруг насыпи и наличие ограды вокруг могилы; южная ориентировка. Голова женщины была «болезненно увеличена» и отсечена. В приоткрытом рту была размещена детская челюсть. Вряд ли это является проявлением кощунства или каннибализма. Такое сочета-

ние обрядовых особенностей и патологических проявлений вызывает ассоциации с ужасающим и одновременно прекрасным женским божеством индуизма и буддизма, богиней, великой матерью Чхиннамаста, Парвати, Дурга, Ума, имеющей еще десятки других имен и воплощений. Она богиня противоречий, дарительница жизни и забирающая жизнь, место ее обители — место кремации. Она олицетворяет смерть, жизнь, временность и разрушение. Ее иконография находится за пределами логики и здравого смысла. Она жена Шивы, но при этом бывает на изображениях с младенцем Шивой на руках. Открывая рот и показывая зубы во время танца, она наводила ужас на Шиву, который спасался от нее бегством. В тибетском буддизме в образе Чиннамунды она изображалась с собственноручно отрубленной своей головой во время танца. При этом в левой руке она держит собственную голову, пьющую фонтанирующую из шеи кровь [Махабхарата 1993: 134, 448, 553, 60, рис. 1; Chhinnamasta].

Рот женщины в погребении *Большой Царын-1, 1/1* был открыт. У монголов буддистов это считалось плохим предзнаменованием и требовало проведения сложных ритуальных действий [Позднеев 1993: 463]. Возможно, что заполнение приоткрытого рта женщины челюстью ребенка связано с исполнением подобного ритуала. Кроме того, в буддийской символике встречаются аномальные для европейского восприятия изображения с вырванным сердцем во рту божества [Бир 2013: 216] и магический ритуал, «вырывания черного языка». Практическая часть обряда у калмыков заключалась в имитации «отрезания черного языка» (*хар кел утлһн*), который символически был представлен в виде тонкой веревки, сплетенной из черной и белой шерстяной нити, что может являться отголоском древних обычаев реального наказания [Бичеев 2014: 88].

В погребениях с конусами встречаются и другие аномальные проявления. Например, в *Высочино-2, 11/1* в могиле мужчины с северо-восточной ориентировкой предплечье с кистью правой руки и пальцами было отсечено и размещено в бронзовом котелке в ногах погребенного. Рядом лежали ламинарные пластины и железный конус. Помимо этого, в могиле был многочисленный инвентарь, состоящий из предметов вооружения и конской упряжи [Дремов,

Круглов 2021: 164, рис. 4, II, Б]. В буддийской символике описано «отрубленное правое предплечье с кистью руки и пальцами, которую держит Ваджрабхайрава, что символизирует ловкость или силу в выполнении четырёх тантрических активностей — умиротворения, приумножения, подчинения и разрушения» [Бир 2013: 215]. Что означает аналогичное правое предплечье с кистью и пальцами правой руки в котелке, остается загадкой.

Из инородных предметов во рту обычно находятся монеты. В. П. Костюков отмечал, что «в буддийских погребениях в рот могли быть положены не только монеты, но и другие ценные предметы» [Костюков 2009: 217]. Вложенные в рот драгоценности (в буддийском понимании) встречаются в разных вариациях. В. П. Костюков приводит случай обнаружения в *Шумаевском II* могильнике в погребении центральноазиатского монголоида зажатой в зубах бронзовой пластины длиной 4 см, шириной 1,2 см [Костюков 2009: 225]. Пластина — не очевидный эквивалент монете. Аналогичные бронзовые, но чаще железные ламинарные пластины и плоски являются наиболее часто встречаемым инвентарем, находящимся вместе с конусами. Вероятно, они имели самостоятельную семиотическую ценность.

Сравнивая буддийские захоронения из могильников *Мамму-Толгой* и *Сарбулат-2* в окрестностях Каракорума, В. П. Костюков отмечал, что их общими чертами является «...южная ориентировка погребенных, обматывание головы шелковой тканью, вкладывание в рот ценностей (в первом случае монет, во втором — обломка серебряного колечка)» [Костюков 2009: 211]. По две монеты во рту встречены также в погребениях в мавзолее на Увеке [Костюков 2009: 205, 207, 211, 213, 216]. В рассмотренном выше погребении *Гува-II, 4/2* также во рту находились две серебряные монеты. Такое совпадение вряд ли можно объяснить случайностью.

В. П. Костюков, отмечая буддийскую принадлежность данного признака, выразил сомнение в правильности определения монет, вложенных в рот, античным термином «обол Харона» и высказал мнение, что в монгольских погребениях они являлись оберегами [Костюков 2009: 216]. Действительно, эта традиция выглядит не вполне уместной для буддизма, в котором эсхатологическая концепция имеет иные принципы по сравнению с античными пред-

ставлениями о переправе через реку в страну мертвых и необходимости платить за переправу.

Если сравнивать инструкцию (*Цзурдайн судур*), описанную А. М. Позднеевым, которую дает монгольский лама умирающему, с описаниями различных видов света и видений, который он увидит после смерти, с представлениями о загробном мире простолюдинов периода раннего восприятия буддизма, трудно найти соответствия [Позднеев 1993: 456–461]. Профанные народные суждения о загробном мире светских буддистов значительно отличались от канонической буддийской концепции, по которой для благоприятного перемещения в загробный мир требовалась не материальная плата, а хорошая карма. Это своеобразие народных воззрений о загробном мире отражено в книге «Юйли баочао», или «Драгоценные копии Нефритовых скрижалей», появившейся в Китае в период династии Сун, но остававшейся популярной и в следующие эпохи. По представлениям рядовых китайцев-буддистов дорога в загробный мир пролегла через здание суда с такими же чиновниками, как в реальной жизни. Здесь каноническая буддийская концепция переплелась с народными воззрениями о загробном мире [Корнильева 2010: 91–105]. Еще более показательны произведения периода становления буддизма в Китае, в которых народные представления проявились в полной мере. Например, в «Загробных скитаниях Вань Хэ» сразу после смерти появилось несколько человек чиновников загробного мира, которые занесли умершего в списки, связали и увели. Бхишу (святой монах) приказал развязать умершего потому что при жизни он вел себя подобающе. Самостоятельно он дошел до городской управы загробного мира, вспоминая свои достойные и недостойные дела в предыдущих перерождениях. В управе человек со списком в руках предъявил ему тяжкие обвинения в святотатстве и убийствах, в которых он не был виноват. Бхишу заступился за умершего. Оказалось, что мелкие «чиновники» напутали и внесли его в другой список. Бхишу велел умершему отправляться домой, «подал ему вещицу, по виду напоминающую маленький колокольчик, и сказал: Когда Вы, господин, подойдете к дому, оставьте эту вещицу за воротами. Не смейте вносить ее в дом. Когда умерший вернулся домой, он оставил предмет, похожий на колокольчик за воротами, вошел в дом,

объединился со своим мертвым телом, ожил и рассказал о своих приключениях другим живым людям. Топография загробного мира весьма вариативна. Некоторым умершим приходилось преодолевать пограничные заставы и высокие ворота, проходить взвешивание преступлений и благодеяний на весах и переправляться через широкие реки с помощью волшебной бирки [Ван Янь-сю 1998: 91–105, 143, 145].

У монголов буддизм также находился на стадии становления и сосуществовал с тенгрианством и другими верованиями и религиями. В их системе представлений о загробном мире монеты во рту могли быть и платой за переправу, и таможенной платой на заставах или при входе через ворота, и взяткой чиновникам загробного мира. Наличие во рту двух монет, как в погребении *Гува-2, 4/2* и в ряде других золотоордынских погребений, может подразумевать подорожные расходы туда и обратно с учетом перерождения. Характерно, что в погребении *Большой Царын-1, 2/1* все серебряные монеты находились в кошельке, а единственная медная монета была обнаружена именно во рту, что сближает ее с «оболом Харона», представления о котором могли проникнуть к восточным народам в античные времена после походов Александра Македонского.

Подтверждением потребности в деньгах в загробном мире буддистов служит эпизод посмертного ритуала китайского посла, описанный шведским капитаном Шничером, который сопровождал китайское посольство в 1716 г. после встречи с ханом Аюкой. Тело покойного положили на два больших, специально подготовленных для сожжения сруба. При этом они изготовили имитацию множества бумажных денег с дырой посередине величиною с каролин (европейские золотые или серебряные монеты). Во время ритуала они во множестве сжигали эти монеты и бросали пригоршнями на воздух [Шничер 1978: 485–486].

Погребение *Большой Царын-1, 1/1* интересно и в связи с обнаружением в засыпи могильной ямы ступицы деревянного колеса. Такие случаи уже интересовали исследователей, но рассматривались они либо в возможном этническом аспекте, либо в связи с транспортными функциями повозки, частью которой являлось колесо [Яворская 2013: 134–140]. В буддизме, в семиотическом зна-

чении три составляющих части колеса (ступица, спицы и обода) символизировали три аспекта учений об этике, мудрости и концентрации, а центральная втулка представляла собой нравственную дисциплину, которая центрирует и стабилизирует ум [Бир 2013: 36–37].

То, что курганная группа *Большой Царын-1* состояла только из двух насыпей одной культуры и одного времени, в одном из которых было женское погребение с южной ориентировкой и челюстью ребёнка во рту, а в другом — мужское с типично монгольской северо-восточной ориентировкой, вертикально поставленной конечностью барана и монетой во рту, видимо, было не случайно. Необычные явления, зафиксированные в погребениях курганов № 1 и № 2 могильника, показывают, что эти курганы могут быть связаны между собой семантически, и их особенности лучше всего раскрываются через призму многообразной буддийской практики.

7. Заключение

Ориентировка погребенных из раскопок Е. В. Цуцкина в северном и северо-восточном направлении, размещение в могилах костей овцы, включая вертикально поставленную конечность, наличие конусов характерны для монгольской этнокультурной традиции. Погребения могильников *Большой Царын-1* и *Гува-2* обладают также признаками буддийской этноконфессиональной принадлежности. С буддийской религией может быть связано нахождение во рту погребенных монет и челюсти ребенка. Не противоречит этому и нахождение на черепе мужского погребения тираза с арабской надписью. Таким образом, те или иные признаки монгольской и буддийской принадлежности присутствуют в материалах всех рассмотренных погребениях. Есть основания считать бронзовые конусы атрибутом буддийской практики в золотоордынских комплексах.

Источники и литература

Анохин, Приднев 2014 — Анохин В. В., Приднев С. В. Грунтовый могильник поздних кочевников под Евпаторией // История и археология Крыма, 2014. Вып. 1. Сб. ст., посвящ. 100-летию со дня рождения Олега Ивановича Домбровского. С. 435–453.

- Бадмаев 2015 — *Бадмаев А. А.* Баранья лопатка в обрядовой практике бурят // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 7: Археология и этнография. С. 255–264.
- Бир 2013 — *Бир Р.* Тибетские буддийские символы. Справочник / пер. с англ. Л. Бубенковой. М.: Ориенталия, 2013. 336 с.
- Бичеев 2014 — *Бичеев Б. А.* Обряд «отрезания черного языка»: традиция и современность // Полевые исследования. Вып. 2. Монгольские народы: традиционная культура и современные социокультурные процессы. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 87–101.
- Ван Янь-сю 1998 — *Ван Янь-сю.* Предания об услышанных мольбах (Гань ин чжуань), а также: Лю И-цин. Подлинные события (Сюань янь цзи); Ван Янь. Вести из потустороннего мира (Мин сянь цзи); Хоу Бо. Достопамятные происшествия (Цзин и цзи); Тан Линь. Загробное воздаяние (Мин бао цзи) / Пер. с китайского, вступ. статья и примеч. М. Е. Ермакова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. 368 с.
- Гаврилина, Шишлина 1986 — *Гаврилина Л. М., Шишлина Н. И.* Отчет об исследованиях Чограйского отряда Калмыцкой археологической экспедиции в зоне строительства орошаемой участка совхоза «Чограйский» в Ики-Бурульском районе Калмыцкой АССР в 1986 г. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. № 41. 104 л.
- Гарустович 2012 — *Гарустович Г. Н.* След великой замятни (Местонахождение XIV века у деревни Брич-Алга). Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. 222 с.
- Гарустович и др. 1998 — *Гарустович Г. К., Ракушин А. И., Яминов А. Ф.* Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века) / отв. ред. В. А. Иванов. Уфа: Гилем, 1998. 335 с.
- Гарустович, Ракушин 2010 — *Гарустович Г. Н., Ракушин А. И.* Позднекочевнические комплексы нижневолжского региона (из раскопок И. В. Синецины) // Уфимский Археологический вестник. 2010. № 10. С. 150–160.
- Гуренко, Ситников 2019 — *Гуренко Л. В., Ситников А. В.* Могильник поздних кочевников у хут. Остроухов Кумылженского района Волгоградской области // Археология как жизнь. Памяти Евгения Павловича Мыськова (Сб. ст.) / редкол.: Е. В. Круглов, А. С. Лапшин, И. Ю. Лапшина. Волгоград: Сфера, 2019. С. 239–249.
- Дворниченко 1989 — *Дворниченко В. В.* Отчет о раскопках могильника у с. Косика Енотаевского района Астраханской области в 1988–1989 гг. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 14188. 72 л.

- Дремов, Круглов 2021 — *Дремов И. И., Круглов Е. В.* Железные конусы в погребениях Улуса Джучи: аспекты этнокультурной принадлежности // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20. № 2. Волгоград: ВолГУ, 2021. С. 149–168. DOI: 10.15688/nav.jvolsu.2021.2.7
- Дремов, Круглов 2023 — *Дремов И. И., Круглов Е. В.* Этническое и общекультурное в погребальном обряде кочевников Улуса Джучи (по материалам кургана 5 могильника Кривая Лука XVI) // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 16. Вопросы древней и средневековой археологии Северного Кавказа и прилегающих территорий. Ставрополь; М.: Печатный Двор, 2023. С. 391–422.
- Захаров, Лопан 2006 — *Захаров П. Е., Лопан О. В.* Средневековый курган Песковка-II // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 3 / ред. И. В. Сергацков. Волгоград: ВолГУ, 2006. С. 21–30.
- Ильюков 1981 — *Ильюков Л. С.* Отчет об исследовании археологических памятников в Мартыновском районе Ростовской области в 1981 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 8867. 244 л.; № 8867а. 35 л.; № 8867б. 36 л.; № 8867в. 35 л.; № 8867г. 15 л.
- Ильюков 1984 — *Ильюков Л. С.* Отчет об исследовании курганных могильников на левобережье реки Сал в Мартыновском районе Ростовской области в 1984 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 11857. 74 л.; № 11857а. 35л.; № 11857б. 32 л.
- Ильюков 1985 — *Ильюков Л. С.* Отчет об исследовании курганов в зоне строительства Мартыновской оросительной системы в Ростовской области в 1985 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 10925. 227 л.; № 10925а. 41 л.; № 10925б. 34 л.
- Корнильева 2010 — *Корнильева Т. И.* Традиционные китайские представления о загробном мире, отраженные в своде «Юйли баочао»: ортодоксальный буддизм и народные верования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13. 2010. № 1. С. 91–105.
- Костюков 2009 — *Костюков В. П.* Буддизм в культуре Золотой Орды // Тюркологический сборник 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М.: Вост. лит., 2009. С. 189–236.
- Кравец 2005 — *Кравец В. В.* Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды / ред. А. Т. Синюк. Воронеж: ВГПУ, 2005. 206 с.
- Кригер 1983 — *Кригер В. А.* Средневековые захоронения Новокумакского могильника (Оренбургская область) // Советская археология. 1983. № 3. С. 171–187.
- Кубышев 1976 — *Кубышев А. И., Дорофеев В. В., Евдокимов Г. Л., Николова А. В., Полин С. В., Симоненко А. В., Чекамова Г. И., Ядвичук В. И.* Отчет

- о работах Херсонской экспедиции в 1976 году. Раскопки курганов в зоне строительства Каховской оросительной системы в Херсонской области // Научный архив Института археологии НАН Украины. № 1976/11.
- Ларенок 1992 — *Ларенок В. А.* Об этнической принадлежности погребенных в средневековых курганах у х. Семёнкин // *Донские древности*. Вып. 1. Азов: Азовский краеведческий музей, 1992. С. 158–189.
- Максимов 1959 — *Максимов Е. К.* Археологические исследования в Петровском районе Саратовской области // *Труды Саратовского областного музея краеведения*. Вып. 2. Саратов: тип. изд-ва «Коммунист», 1959. С. 87–94
- Махабхарата 1993 — Махабхарата. Книга седьмая, Дронапарва / пер. с санскрита и комментарии В. И. Кальянова. СПб.: Наука, 1993. 648 с.
- Мыськов 2015 — *Мыськов Е. П.* Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: РАНХиГС, 2015. 484 с.
- Николаева, Сафронов 1985 — *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Исследование курганов в зоне строительства рисовой Калмыцко-Астраханской оросительной системы (КАРОС) на землях совхоза «Джангр» Октябрьского р-на Калмыцкой АССР в 1985 г. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. № 34. 119 л. С. 26–30
- Плетнева 1962 — *Плетнева С. А.* Половецкие погребения в урочище Каменная балка. Археологические раскопки на Дону / отв. ред. С. М. Марков. Ростов н/Д: Ростовск. ун-т, 1962. С. 133–137.
- Позднеев 1993 — *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу (Reprint). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 496 с.
- Потёмкина 2012 — *Потёмкина Т. М.* Металлические посудовидные изделия из погребений номадов золотоордынского времени Восточной Европы: проблемы и стереотипы // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Золотоордынское время. Т. 11 / отв. ред. А. В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2012. С. 279–305.
- Синицын 1959 — *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда (1951-1953) // *Памятники Нижнего Поволжья*. Итоги работ Сталинградской экспедиции. Т. 1. МИА № 60 / отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 39–205.
- Супруненко и др. 2024 — *Супруненко О. Б., Приймак В. В, Мироненко К. М.* Старожитности золотоордынского часу Днепровского лесостепного Левобережья. Киев; Полтава: Археология, 2004. 82 с.
- Тихонов 2017 — *Тихонов В. В.* Отчет об археологических раскопках в 2017 году кургана 1 курганного могильника Клин-1 в Николаевском

- районе Ульяновской области // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 59175. 193 л.
- Усманова и др. 2024 — *Усманова Э. Р., Дмитриев Е. А., Колбина А. В., Панюшкина И. П., Паршин Ю. Е.* Следы явлений и процессов в археологических памятниках: Материалы международной научной конференции (Пятигорск, 8–10 апреля 2024 г.) / отв. ред. С. А. Яценко, Е. В. Куприянова. Ставрополь: Печатный двор, 2024. С. 197–215.
- Цуцкин 1977 — *Цуцкин Е. В.* Отчет о работе Сарпинской археологической экспедиции Калмыцкого научно-исследовательского института истории, филологии, экономики и Калмыцкого государственного университета в 1977 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 9828, а, б. ??? л.; Отчет о работе археологической экспедиции Калмыцкого научно-исследовательского института ЯЛИ и КГУ в 1977 г. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. № 8. 93 л.
- Цуцкин 1978 — *Цуцкин Е. В.* Отчет о работе Калмыцко-Астраханской археологической экспедиции Калмыцкого научно-исследовательского института истории, филологии, экономики и Калмыцкого государственного университета в 1978 г. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. № 14. 227 л.
- Шилов 1966 — *Шилов В. П.* Отчет Астраханской археологической экспедиции за 1966 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 4625, а, б. С. 94–96.
- Шничер 1978 — *Шничер И. Х.* Записки шведского капитана Иоанна Христиана Шничера, который был у китайских посланников, бывших в 1714 году у Аюки хана в провозах // Русско-китайские отношения в XVIII в. Т. I. 1700–1725. М: Наука, 1978. С. 437–486.
- Яворская 2013 — *Яворская Л. В.* Части повозок в погребениях кочевников золотоордынского времени Нижнего Поволжья // От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи: к 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского / ред.-сост. В. П. Степаненко, А. Г. Юрченко. М.: Марджани, 2013. С. 134–141.
- Chhinamasta — Chhinamasta [электронный ресурс] // URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Chhinamasta> (дата обращения: 20.04.2024).
- Shingiray 2018 — *Shingiray I.* “The Wise,” “the Learned,” “the Knowledgeable”: A Mamluk (?) Tiraz from the Grave of a Golden Horde Steppe Warrior (Kalmykia, Russia) // Археология евразийских степей. Средневековая археология. 2018. Вып. 4. Мат-лы VIII Междунар. конф. «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве, посвященной памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова. С. 221–205.

Искусственно деформированные черепа из антропологических материалов, хранящихся в Калмыцком научном центре РАН

Любовь Алексеевна Бембеева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

0000-0001-7340-221X. E-mail: bembееva.l.a[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Бембеева Л. А., 2024

Аннотация. Данная работа посвящена описанию искусственной деформации черепа на базе краниологических материалов, хранящихся в фондах Калмыцкого научного центра РАН. *Целью* работы является описание черепов с искусственной деформацией на базе фондов антропологических материалов КалмНЦ РАН, а также ввод новых материалов в научный оборот. *Объектом* исследования послужили краниологические материалы из погребений курганных могильников, исследованных на территории Республики Калмыкия. *Предметом* исследования стала традиция искусственной деформации головы человека. Половозрастная характеристика проведена по комплексной антропологической программе, включающей традиционные антропологические методики. *Результаты.* Приводится краткая историография изучения проблематики. Дается классификация типов деформации Е. В. Жирова, самая распространенная в нашей стране. Весь исследуемый материал разделен на три временные группы: погребения эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья. Проведенное исследование позволило сделать следующие *выводы*: обычай искусственной деформации головы на территории волго-маньчских степей существовал уже в эпоху бронзы, но стал устойчивой традицией в поздний период раннего железного века, встречался в единичных случаях и в погребениях средневековья.

Ключевые слова: антропологические материалы, краниология, искусственная деформация головы, типы деформации, эпоха бронзы, ранний железный век, эпоха средневековья, могильник, курган, погребение, волго-маньчские степи, Республика Калмыкия

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Бембеева Л. А. Искусственно деформированные черепа из антропологических материалов, хранящихся в Калмыцком научном центре РАН // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 2. С. 94–146. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-2-30-94-146

Artificially Deformed Skulls from Anthropological Materials Stored at the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

*Lyubov A. Bembeeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0001-7340-221X. E-mail: bembeeva.l.a[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Bembeeva L. A., 2024

Abstract. This work is devoted to the artificial deformation of the skull on the basis of craniological materials stored in the funds of the Kalmyk Scientific Center of the RAS. The *purpose* of the work is description of skulls with artificial deformation based on the collections of anthropological materials of the Kalmyk Scientific Center of the RAS as well as their introduction into scientific circulation. The *object* of the study was craniological materials from the burials of burial mounds studied on the territory of the Republic of Kalmykia. The *subject* of the study was the tradition of artificial deformation of the human head. The gender and age characteristics were carried out according to a comprehensive anthropological program, including traditional anthropological methods. *Results.*

The work consists of an introduction, three chapters and conclusions. The introduction provides a brief historiography of the study of the problem. The classification of types of deformation of E.V. Zhirov, the most common in our country, is given. All the material under study is divided into three time groups: burials of the Bronze Age, the Early Iron Age and the Middle Ages. The conducted research allowed us to draw the following *conclusions*: the custom of artificial deformation of the head on the territory of the Volga-Manych steppes existed already in the Bronze Age, but became a stable tradition in the late period of the Early Iron Age, and was found in the burials of the Middle Ages, but as isolated cases.

Keywords: anthropological materials, craniology, artificial deformation of the head, types of deformation, Bronze Age, early Iron Age, Middle Ages, burial ground, burial mound, Volga-Manych steppes, Republic of Kalmykia

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 “South-Eastern Belt of Russia: Study of the Political and Cultural History of Social Communities and Groups”. The author of the article express her gratitude to the candidate of biological sciences E. F. Batieva for the valuable consultations and recommendations provided during the writing of this work.

For citation: Bembeeva L. A. Artificially Deformed Skulls from Anthropological Materials Stored at the Kalmyk Scientific Center of the RAS. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2024; 2: 94–146. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-2-30-94-146

1. Введение

Одним из уникальных феноменов человеческой культуры, наряду с нанесением татуировок, трепанированием черепа и другими разнообразными формами изменения человеческого тела, является традиция искусственной деформации головы. К одним из самых ранних найденных образцов относятся черепа культуры докерамического неолита (10–9 тыс. лет до н. э.), обнаруженные в пещере Шанидар в Ираке, а также в некоторых неолитических культурах в Передней Азии [Перерва и др. 2013: 7]. В Северной и Южной Америке были найдены как черепа, так и деформирующие устройства, причем наиболее обширные коллекции были собраны в прибрежном регионе Анд [Сюткина 2018: 136]. Первые письменные источники о деформированных черепах встречаются у античных авторов. Гиппократ в труде «О воздухе, водах и местностях» приводит описание народа длинноголовых, «живущих на-

право от летнего восхода солнца до озера Меотиды» [Гиппократ 1994: 288]. Данные относятся к V–IV вв. до н. э. [Путенихин 2013: 81]. Страбон, античный историк и географ, в своей работе «География» описывает прикавказские племена, которые «стараются так сделать, чтобы головы выглядели как можно длиннее и чтобы лбы выдавались вперед над подбородком» [Страбон 1997: 77].

В отечественной антропологической науке изучение традиции деформирования черепов начиналось в конце XIX в. В 1883 г. на заседании Отделов антропологии и этнографии Императорского общества любителей естествознания доктор медицинских наук Е. А. Покровский представил доклад «О влиянии колыбели на деформацию черепа». Он рассматривал взаимосвязь искусственного изменения черепа с конструкцией жестких колыбелей и практики тугого пеленания ребенка на территории Грузии, Кавказа в целом, а также в азиатском регионе [Известия 1886: 150]. Традиция деформирования рассматривалась, в основном, в качестве этнического маркера. Исследования Е. А. Покровского были продолжены К. Н. Иковым, А. Н. Джаваховым, А. Н. Харузиным, где рассматривались не только этнографические данные, собранные на территории России, Белоруссии и, отчасти, Польши. Были проведены исследования черепов из коллекции Антропологического Университета, собранной А. П. Богдановым, принадлежащих разным народам России и разным периодам. Из 239 черепов, найденных в северных курганах VII–XIII вв. на территории Новгородской, Московской, Ярославской и Тверской губерний, в 18 % случаях были зафиксированы изменения в строении, т. е. деформация [Известия 1886: 160–163].

Археологические находки деформированных черепов по всему миру поставили перед антропологами вопрос о типологизации и классификации разновидностей деформаций черепа человека. С середины XIX в. и до нашего времени разрабатываются различные типологии, применение которых зависит от задач исследования, а также традиций использования того или иного вида классификации в изучаемом ареале. Самой распространенной классификацией в отечественной науке является типология искусственной деформации Е. В. Жирова. Он различал четыре основных типа: 1) затылочную, 2) лобно-затылочную, 3) теменную и 4) кольцевую

(циркулярную) деформации. Затылочная деформация возникает в результате длительного лежания ребенка на спине, голова деформируется только под влиянием собственной тяжести. Лобно-затылочная деформация вызывается: 1) фиксированием головы ребенка в колыбели при помощи дощечек или повязок; 2) применением двудошечного и сходных с ним аппаратов. В отличие от затылочной деформации давление осуществляется ото лба к затылку и обратно. Теменная деформация характеризуется понижением черепного свода, начинающимся кзади от брегмы. Описание техники деформации разнятся. Британский антрополог Л. Х. Дадли Бакстон полагал, что давление вызывалось дощечкой, которая была привязана к темени повязкой, проходившей под подбородком. Однако арабский историк и путешественник А.-Х. Аль-Максиди (Аль-Масуди) считал, что для этой цели употребляли мешки с песком, которые привязывались с обеих сторон головы ребенка. Кольцевая деформация обуславливается давлением, распределенным по поясам, которые охватывают голову в различных направлениях, что достигается применением давящих повязок или тесно прилегающих к голове чепчиков и шапочек. Различают две разновидности кольцевой деформации: высокую (так называемую «макрокефалию»), вызываемую лобно-затылочным поясом давления, и низкую, которая в основном является следствием давления по поясу темя — нижняя челюсть [Жиров 1940: 80–87].

Эта классификация была использована нами при описании искусственно деформированных черепов, хранящихся в фондах Калмыцкого научного центра РАН (КалмНЦ РАН). Исследуемая часть коллекции антропологических материалов включает 137 черепов из погребений эпохи бронзы — средневековья. Сама коллекция насчитывает примерно 1 800 индивидов, найденных при археологических исследованиях курганных могильников на территории Республики Калмыкия.

Целью данного исследования является описание черепов с искусственной деформацией на базе фондов антропологических материалов КалмНЦ РАН, а также ввод новых материалов в научный оборот.

2. Материалы и методы

Для исследования были выявлены черепа с искусственной деформацией. Весь краниологический материал был разделен на три временные группы: эпоха бронзы — 41 антропологическая единица, ранний железный век — 76 антропологических единиц и эпоха средневековья — 8 антропологических единиц. Все даты и культурные определения были установлены по отчетам об археологических раскопках на территории Республики Калмыкия за период 1965–2007 гг. [Арапов 1987; Арапов 1992; Васюткин 1984; Гаврилина 1986а; Гаврилина 1986б; Лопатин 1999; Николаева 1985; Николаева и др. 1984; Очир-Горяева 1989; Очир-Горяева 1990; Очир-Горяева 1991; Очир-Горяева 2007; Романов 1988; Савицкий 1978; Сеницын, Эрдниев 1963; Сеницын, Эрдниев 1978; Цуцкин 1978; Цуцкин 1979; Цуцкин 1980; Цуцкин 1982; Шилов 1981; Шилов 1983; Шишлина 1988; Шишлина 1993; Шишлина 1995; Шнайдштейн 1978; Шнайдштейн 1981; Шнайдштейн 1985; Шнайдштейн 1988]. Депаспортизированные материалы (утерявшие этикетки; из раскопок, не имеющих полевых отчетов; с неопределенной датировкой) также были объединены в одну группу, в которой насчитывается 12 антропологических единиц.

Проведены половозрастные определения черепов по комплексной антропологической программе, включающей традиционные антропологические методики. Половая принадлежность индивидов определялась на основе комплекса признаков, отмечаемых на черепе. Возрастные определения имеют десятилетние интервалы для взрослых и годовые для детей и отражают их биологический возраст [Алексеев, Дебец 1964: 29–39]. Было дано описание степени сохранности (какие кости черепа и посткраниального скелета сохранились). При определении типа деформации привлекалась классификация Е. В. Жирова.

В каждой части исследования, представляющей материалы из определенной эпохи, приводятся описания и фотографии черепов с искусственной деформацией; карты с указанием местоположения курганных могильников, из которых происходит антропологический материал; таблицы с перечнем краниологических материалов с указанием инвентарного номера, названия могильника, группы, №№ кургана и погребения, половозрастной характеристики,

фамилии автора и год раскопок, к какому типу деформации были отнесены, а также степени сохранности материала.

3. Эпоха бронзы

На территории Республики Калмыкия самые ранние находки преднамеренной искусственной деформации головы были зафиксированы в основном в погребениях катакомбной культуры (73 %). По одному случаю в погребениях ямной (*Чограйский-4*, 2/2), ямно-катакомбной (*Канал Волга-Чограй-56*, 17/3) и срубной (*Дюкер*, 27/1) культур (см. карту 1). В 6 случаях культурная принадлежность погребений авторами раскопок не установлена и указана относительная датировка — эпоха бронзы (см. табл. 3).

Стоит обратить внимание на тот факт, что обследованный материал представлен в разных могильниках в различной степени сохранности. Были отмечены могильники, антропологический материал которых сохранился в большей степени (от 50 до 100 %): *Эвдык-1*, *Дюкер*, *Чограйский*, *Ики-Зегиста*, *Канал Волга-Чограй* — 37, 56, *Цаган-Нур*, *Улан-Зуха*, *Хар-Зуха*, *Овата*, *Зунда-Толга*, *Черноземельский-1*. По частоте встречаемости искусственно деформированных черепов можно выделить следующие могильники: *Канал Волга-Чограй-56* — 10 единиц (27,7 %), по 5 единиц в могильниках *Восточный Маныч* (21,7 %), *Эвдык-1* (18,5 %) и *Чограйский* (11,4 %), в могильнике *Цаган-Нур* — 4 единицы (40,0 %). В остальных случаях погребения с деформированными черепами являются единственными в могильнике (см. табл. 1).

Стоит отметить единичный случай в могильнике *Хар-Зуха-2*, где был обнаружен череп мужчины старческого возраста с прижизненной трепанацией, отягченный к тому же искусственной деформацией [*Бембеева, Лиджикова 2023: 594–595*].

Таблица 1. Погребения эпохи бронзы из курганных могильников на территории Республики Калмыкия

№ п/п	Курганный могильник (группа, год раскопок)	Количество раскопанных погребений	Краниологический материал из фондов КалмНЦ РАН		
			Общее к-во черепов (N)	К-во деформир. черепов (n)	% деформир. черепов
1	<i>Лола-2</i> , 1962	42	2	1	50,0

2	<i>Восточный Маныч, 1965–1967</i>	974	23	5	21,7
3	<i>Джангар, 1981</i>	18	7	1	14,2
4	<i>Ергенинский, 1981</i>	18	5	1	20,0
5	<i>Эвдык-1, 1982–1983</i>	59	27	5	18,5
6	<i>Дюкер, 1982</i>	14	7	1	14,2
7	<i>Чограйский-4, 5, 8, 1986</i>	66	44	5	11,4
8	<i>Ики-Зегиста, 1986</i>	14	9	1	11,1
9	<i>Канал Волга-Чограй-37, 1988</i>	11	9	1	11,1
10	<i>Канал Волга-Чограй-56, 1988</i>	65	36	10	27,7
11	<i>Цаган-Нур, 1989</i>	11	10	4	40,0
12	<i>Улан-Зуха, 1990</i>	12	12	1	8,3
13	<i>Хар-Зуха, 1991</i>	29	22	1	4,5
14	<i>Овата, 1992</i>	2	2	1	50,0
15	<i>Зунда Толга, 1995</i>	31	15	2	13,3
16	<i>Черноземельский-1, 1998</i>	27	14	1	7,1

По половой принадлежности исследуемую выборку можно разделить на три группы: мужскую — 26 индивидов, женскую — 3 индивида и детскую группу, в которую вошли дети от 3 до 14–16 лет — 12 неполовозрелых индивидов. По возрастным определениям в детской выборке были выделены: группа детей от 1 до 7 лет (*Infantilis I*) — 4, группа 8–12 лет (*Infantilis II*) — 6 и группа подростков 13–17 лет (*Juvenilis*) — 2 индивида. Взрослая группа разделена на десятилетние интервалы и включает в себя: 18–25 лет (*Adultus I*) — 4 индивида, 25–35 лет (*Adultus II*) — 6 индивидов, 35–45 лет (*Maturus I*) — 4 индивида, 45–55 лет (*Maturus II*) — 4 индивида, старше 55 лет (*Senilis*) — 11 индивидов. В погребениях с деформантами преобладает мужское население (63,4%), мало женских погребений (7,3 %) и более трети от общего количества исследованных черепов принадлежат неполовозрелым индивидам (29,2 %). Среди детских черепов частота встречаемости деформации наблюдается в возрасте 8–12 лет (14,6 %), во взрослой группе — в финальной возрастной группе > 55 лет (26,8 %) (см. табл. 2).

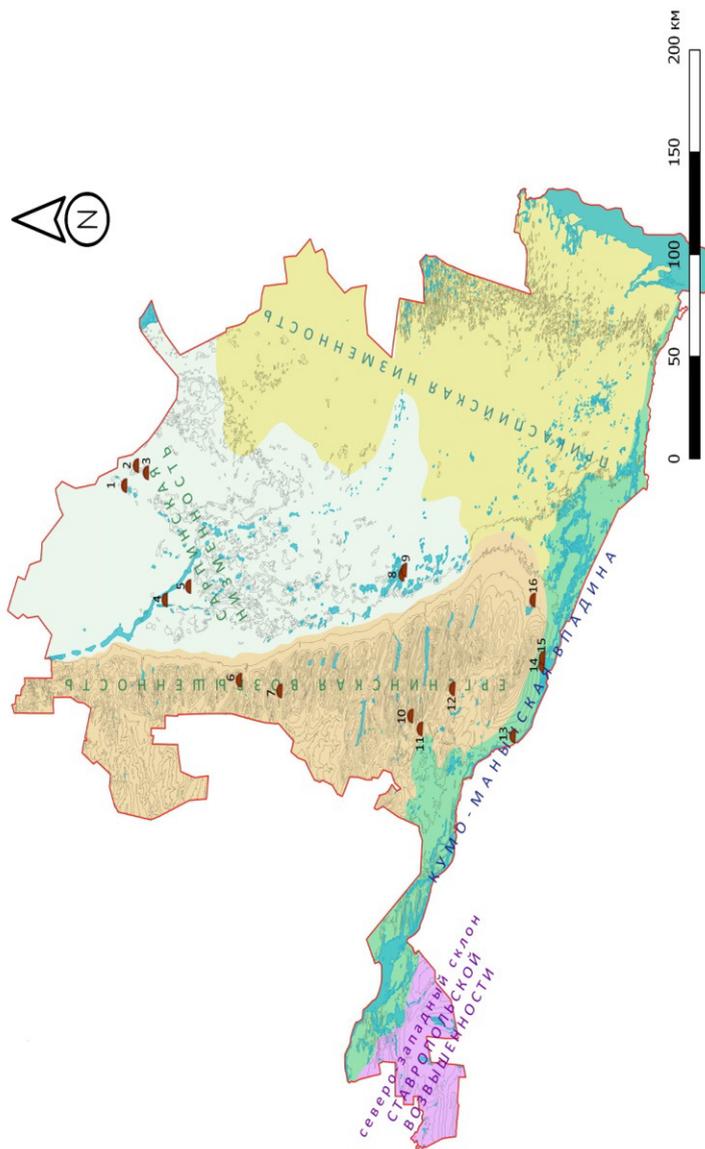
Таблица 2. Распределение изученных черепов из погребений эпохи бронзы по полу и возрасту

Возраст	1–7 лет Infantilis I	8–12 лет Infantilis II	13–17 лет Juvenilis	18–35 лет Adultus I–II	35–55 лет Maturus I–II	> 55 лет Senilis	Всего	%
М				8	8	10	26	63,4
Ж				2	–	1	3	7,3
Дети	4	6	2				12	29,2
Всего	4	6	2	10	8	11	41	
%	9,7	14,6	4,8	24,4	19,5	26,8		

Что касается типов и способов деформирования черепов из погребений эпохи бронзы, то они достаточно разнообразны. Примерно половина исследованных черепов (22) совмещает два типа деформации: лобно-затылочный и кольцевой. У Н. А. Дубовой встречается описание подобной формы у деформированных черепов из дворцово-храмового комплекса Гонур, которую она определила как теменно-затылочный тип кольцевой деформации, когда повязка накладывалась на голову таким образом, что один ее конец подводился под затылок ребенка, а второй размещался на темени, практически сразу за брегмой. Затылочная кость образовывала что-то наподобие шиньона, заметно удлиняя череп именно в затылочной части [Дубова 2006: 28–29]. В 14 случаях наблюдается башенный тип кольцевой деформации, для формирования которой широкая повязка накладывалась на череп ребенка довольно туго, так что заметен компенсаторный изгиб верхушки черепа чуть вперед [Хохлов 2006: 50]. К классическому типу кольцевой деформации можно отнести три черепа, лобно-затылочной — два.

Такие разнообразные типы деформации характерны для населения катакомбной культуры и объясняются различными способами наложения давящей повязки. Тем не менее разнообразие форм мозговой капсулы, возникающее в процессе преднамеренной деформации, сродни разнообразию ее естественных форм, т. е. объясняется генетически запрограммированными различиями по черепному указателю и другим признакам [Шевченко 1986: 184–185].

Таким образом, традиция искусственной деформации головы в эпоху бронзы поддерживалась разными племенами в разной сте-

Карта 1. Курганные могильники с погребениями эпохи бронзы на территории Республики Калмыкия
 1. Джангар; 2. Дюкер; 3. Ики-Зегиста; 4. Даган-Нур; 5. Эддык-1; 6. Ергенинский; 7. Овата; 8. Канал Волга-Чограй-37; 9. Канал Волга-Чограй-56; 10. Лола-2; 11. Хар-Зуха; 12. Улан-Зуха; 13. Зунда-Толга; 14. Восточный Маныч; 15. Чограйский; 16. Черноземельский-1

пени: одни применяли чаще, другие — реже. Возможно, это наблюдение требует дальнейших исследований на более конкретном материале (см. фото 1–10; табл. 3).

Фото 1. Череп мужчины 45–50 лет из погребения 2 кургана 31 могильника *Восточный Маныч-3* (инв. № 1460)

Фото 2. Череп мужчины ст. 55 лет из погребения 1 кургана 4 могильника *Чограйский-8* (инв. № 1092)

Фото 3. Череп мужчины 50–60 лет из погребения 4 кургана 3 могильника *Улан-Зуха* (инв. № 1197)

Фото 4. Череп подростка 13–14 лет из погребения 3 кургана 17 могильника *Канал Волга-Чограй-56* (инв. № 1233)

Фото 5. Череп мужчины 50–60 лет из погребения 4 кургана 6 могильника *Канал Волга-Чограй-56* (инв. № 1204)

Фото 6. Череп подростка 12–13 лет из погребения 1 кургана 1 могильника *Эвдык-1* (инв. № 1193)

Фото 7. Череп мужчины 20–25 лет из погребения
5 кургана 9 могильника *Эвдык-1* (инв. № 1677)

Фото 8. Череп мужчины 60–70 лет из погребения
5 кургана 8 могильника *Канал Волга-Чограй-56*
(инв. № 1228)

Фото 9. Череп женщины 50–60 лет из погребения 2 кургана 1 могильника *Цаган-Нур* (инв. № 1308)

Фото 10. Черепная коробка подростка 12–13 лет из погребения 4 кургана 3 могильника *Восточный Маныч* (инв. № 1465)

Таблица 3. Перечень краниологического материала с искусственной деформацией из погребений эпохи бронзы (Ямн. — ямная культура, Ямно-кат. — ямно-катакомбная культуры, Кат. — катакомбная культура, Сруб. — срубная культура, Бронз. — эпоха бронзы)

№ п/п	Инв. №	Могильник, группа, № кургана, № погребения	Пол	Возраст	КИО	Автор и год раскопок	Тип деформации	Сохранность
1	1721	Лола-2, курган 8, погребение 4	ребенок	3 года	Кат.	Синицын И. В., Эрдниев У. Э., 1962	Башенный тип кольцевой деформации	Фрагменты черепа
2	1465	Восточный Маныч, курган 3, погребение 4	подросток	12–13	Кат.	Синицын И. В., Эрдниев У. Э., 1965	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и фрагменты нижней челюсти
3	1468	Восточный Маныч-3, курган 31, погребение 5	М (?)	25–30	Кат.	Синицын И. В., Эрдниев У. Э., 1965	Башенный тип лобно-затылочной деформации	Череп без нижней челюсти
4	1469	Восточный Маныч-3, курган 32, погребение 4	Ж	25–30	Кат.	Синицын И. В., Эрдниев У. Э., 1966	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть
5	1460	Восточный Маныч-3, курган 31, погребение 2	М	45–50	Кат.	Синицын И. В., Эрдниев У. Э., 1966	Башенный тип лобно-затылочной деформации	Череп без нижней челюсти
6	1488	Восточный Маныч-1, курган 20, погребение 3	М	60–70	Кат.	Синицын И. В., Эрдниев У. Э., 1967	Кольцевой	Череп и нижняя челюсть
7	1136	Ергенинский, курган 2, погребение 1	М	45–60	Кат.	Шиллов В. П., 1981	Лобно-затылочный	Череп без нижней челюсти

8	1180	<i>Джангар</i> , курган 25, погребение 14	М		50–60	Кат.	Шилов В. П., 1981	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и фрагменты нижней челюсти, длинные кости
9	1193	<i>Эвдык-1</i> , курган 1, погребение 1	подросток	12–13	Кат.	Цуцкин Е. В., 1982	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть, посткраниальный скелет	
10	1128	<i>Эвдык-1</i> , курган 4, погребение 1	М	?	Бронз.	Цуцкин Е. В., 1982	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Фрагменты черепа и длинных костей	
11	1179	<i>Эвдык-1</i> , курган 10, погребение 1	М	25–30	Кат.	Шилов В. П., 1983	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть, посткраниальный скелет	
12	1677	<i>Эвдык-1</i> , курган 9, погребение 5	М	20–25	Бронз.	Шилов В. П., 1983	Кольцевой	Череп и нижняя челюсть, посткраниальный скелет	
13	1169	<i>Эвдык-1</i> , курган 1, погребение 3	М	35–40	Кат.	Николаева Н. А., 1984	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть	
14	1579	<i>Дюкер</i> , курган 27, погребение 1	М	<30 лет	Сруб.	Цуцкин Е. В., 1982	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Фрагменты черепа, посткраниальный скелет	

15	1210	<i>Чограйский-4</i> , курган 2, погребение 2	М	60–70	Ямн.	Гаврилина Л. М., 1986	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть, длинные кости
16	1092	<i>Чограйский-8</i> , курган 4, погребение 1	М	> 55 лет	Кат.	Гаврилина Л. М., 1986	Башенный тип кольцевой деформации	Череп без нижней челюсти, длинные кости
17	1226	<i>Чограйский-5</i> , курган 8, погребение 4	М	20–25	Бронз.	Гаврилина Л. М., 1986	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть
18	1594	<i>Чограйский-8</i> , курган 4, погребение 2	М	30–35	Кат.	Гаврилина Л. М., 1986	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть
19	1716	<i>Чограйский-4</i> , курган 2, погребение 1	ребенок	6–7	Кат.	Гаврилина Л. М., 1986	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть во фрагментах
20	1375	<i>Ики-Зегиста</i> , курган 5, погребение 1	подросток	14–16	Кат.	Гаврилина Л. М., 1986	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть, длинные кости
21	1241	<i>Канал Волга-Чограй-37</i> , курган 4, погребение 2	М	18–20	Кат.	Шнайдштейн Е. В., 1988	Башенный тип лобно-затылочной деформации	Череп и нижняя челюсть, посткраниальный скелет
22	1065	<i>Канал Волга-Чограй-56</i> , курган 1, погребение 2	Ж	18–20	Кат.	Шишлина Н. И., 1988	Лобно-затылочный	Черепная коробка, фрагмент нижней челюсти, фрагменты тазовых костей

23	1119	<i>Канал Волга-Чо-грай-5б</i> , курган 2, погребение 3	подросток	12–13	Кат.	Шишлина Н. И., 1988	Кольцевой	Череп и нижняя челюсть
24	1148	<i>Канал Волга-Чо-грай-5б</i> , курган 6, погребение 18	подросток	12–13	Кат.	Шишлина Н. И., 1988	Башенный тип кольцевой деформации	Череп без нижней челюсти, длинные кости
25	1173	<i>Канал Волга-Чо-грай-5б</i> , курган 6, погребение 5	М	45–50	Кат.	Шишлина Н. И., 1988	Башенный тип кольцевой деформации	Фрагменты черепа, фрагменты длинных и тазовых костей
26	1204	<i>Канал Волга-Чо-грай-5б</i> , курган 6, погребение 4	М	50–60	Кат.	Шишлина Н. И., 1988	Башенный тип лобно-затылочной деформации	Череп и нижняя челюсть, посткраниальный скелет
27	1602	<i>Канал Волга-Чо-грай-5б</i> , курган 6, погребение 15	ребенок	6–7	Кат.	Шишлина Н. И., 1988	Башенный тип кольцевой деформации	Череп и нижняя челюсть, тазовая кость
28	1228	<i>Канал Волга-Чо-грай-5б</i> , курган 8, погребение 5	М	60–70	Бронз.	Романов Ю. Г., 1988	Башенный тип кольцевой деформации	Череп и нижняя челюсть, посткраниальный скелет
29	1294	<i>Канал Волга-Чо-грай-5б</i> , курган 8, погребение 2	М	50–60	Бронз.	Романов Ю. Г., 1988	Башенный тип кольцевой деформации	Череп и нижняя челюсть, длинные кости
30	1292	<i>Канал Волга-Чо-грай-5б</i> , курган 13, погребение 5	М	18–20	Кат.	Серебряков С. Ф., 1988	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть

31	1233	<i>Канал Волга-Чо-грай-5б</i> , курган 17, погребение 3	подросток	13–14	Ямнокат.	Шилов В. П., 1988	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и фрагменты нижней челюсти
32	1308	<i>Цаган-Нур</i> , курган 1, погребение 2	Ж	50–60	Кат.	Очир-Горьева М. А., 1989	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть, посткраниальный скелет
33	1516	<i>Цаган-Нур</i> , курган 2, погребение 4	М	60–70	Кат.	Очир-Горьева М. А., 1989	Башенный тип кольцевой деформации	Череп без нижней челюсти, кости таза
34	1389	<i>Цаган-Нур</i> , курган 3, погребение 1	М	45–50	Кат.	Очир-Горьева М. А., 1989	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть, фрагменты тазовых и разных костей
35	1274	<i>Цаган-Нур</i> , курган 4, погребение 5	подросток	12–13	Кат.	Очир-Горьева М. А., 1989	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть
36	1197	<i>Улан-Зуха</i> , курган 3, погребение 4	М	50–60	Кат.	Очир-Горьева М. А., 1990	Башенный тип кольцевой деформации	Череп и нижняя челюсть
37	1087	<i>Хар-Зуха-2</i> , курган 3, погребение 6	М	> 55 лет	Кат.	Очир-Горьева М. А., 1991	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп без нижней челюсти, лопатки, ребра
38	1178	<i>Овата-5</i> , курган 1, погребение 4	М	25–30	Бронз.	Арапов С. В., 1992	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть, длинные кости, кости таза

39	1211	<i>Зунда Толга</i> , курган 2, погребение 2	М	30–35	Кат.	Шишлина Н. И., 1995	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть, длинные кости
40	1576	<i>Зунда Толга</i> , курган 1, погребение 1	ребенок	6–7	Кат.	Шишлина Н. И., 1995	Башенный тип кольцевой деформации	Фрагменты черепа и костей скелета
41	1522	<i>Черноземельский-1</i> , курган 4, погребение 15	подросток	12–13	Кат.	Лопатин В. А., 1998	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Фрагменты черепа и костей скелета

4. Ранний железный век

Краниологическая серия из погребений раннего железного века является самой многочисленной из трех исследуемых групп и насчитывает 76 черепов. Материал происходил из курганных могильников в различных районах на территории Республики Калмыкия (см. карту 2). Распределение материалов по культурной принадлежности погребений выглядит следующим образом: в погребениях скифского времени — 2, в сарматских — 21, в позднесарматских погребениях — 48, в погребениях с относительной датировкой «ранний железный век» — 5. По степени сохранности материала (50–100 %) и частоте встречаемости деформированных черепов нужно отметить несколько могильников: *Кермен Толга*, *Купцын Толга*, *Дюкер*, *Джангар*, *Хар Нуурин Толга*. Все черепа происходят из погребений поздних сарматов и составляют примерно половину в каждом указанном могильнике. Из 20 погребений в могильнике *Кермен Толга* 13 индивидов имеют деформацию, что составляет 51,8 % от общего количества. В могильнике *Купцын Толга* из 25 погребений — 12 с деформированными черепами (48,0 %), в могильнике *Дюкер* из 15 погребений — 8 (53,3 %), из 14 погребений могильника *Джангар* — 7 (50,0 %), из 17 погребений могильника *Хар Нуурин Толга* — 6 (35,3 %) (см. табл. 4).

Эти наблюдения соответствуют утверждению большинства исследователей о том, что обычай преднамеренной деформации головы во II–IV вв. н. э. становится массовым явлением [Дебец 1948: 267–270; Гинзбург 1959: 570–573; Фирштейн 1970: 110–115].

Таблица 4. Погребения раннего железного века из курганных могильников на территории Республики Калмыкия

№ п/п	Курганный могильник (группа, год раскопок)	Количество раскопанных погребений	Краниологический материал из фондов КалмНЦ РАН		
			Общее к-во черепов (N)	К-во деформир. черепов (n)	% деформир. черепов
1	<i>Восточный Маныч</i> , 1965–1967	169	8	2	25,0
2	<i>Купцын Толга</i> , 1974	41	25	12	48,0

3	<i>Гува, 1975</i>	15	4	1	25,0
4	<i>Заханата, 1976</i>	29	23	2	8,7
5	<i>Адрык, 1978</i>	8	5	1	20,0
6	<i>Зергента, 1978</i>	11	9	2	22,2
7	<i>Ут, 1978</i>	11	10	2	20,0
8	<i>Кермен Толга, 1979</i>	28	27	14	51,8
9	<i>Джангар, 1980</i>	26	14	7	50,0
10	<i>Хар Нуурин Толга, 1980</i>	21	17	6	35,3
11	<i>Дюкер, 1982</i>	18	15	8	53,3
12	<i>Иджил, 1984</i>	3	2	1	50,0
13	<i>Чкаловский, 1984</i>	29	8	1	12,5
14	<i>Улан Толга, 1985</i>	14	5	4	80,0
15	<i>Кююн Толга, 1985</i>	2	2	1	50,0
16	<i>Ики-Зегиста, 1986</i>	9	8	2	25,0
17	<i>Цаган-Усн, 1987</i>	30	24	3	12,5
18	<i>Улан-Зуха, 1990</i>	3	3	1	33,3
19	<i>Садовский-5, 1993</i>	6	5	2	40,0
20	<i>Черноземельский-1, 1998</i>	9	7	2	28,6
21	<i>Садовое-2, 2007</i>	3	3	1	33,3

По половой принадлежности исследуемые индивиды распределились следующим образом: мужчины — 63, женщины — 10, дети — 3.

По возрастным определениям в детской выборке были выделены: 1 ребенок (1 год) из группы *Infantilis I*, 1 ребенок (12–13 лет) из группы *Infantilis II* и 1 подросток (13–16 лет) из группы *Juvenilis*. Во взрослой группе индивиды распределились следующим образом: 15 — *Adultus I*, 12 — *Adultus II*, 8 — *Maturus I*, 13 — *Maturus II*, 25 — *Senilis*.

В исследуемой выборке преобладают мужские черепа с деформацией — 82,8 % от общего количества погребенных, женских черепов — 13,1 %, детских — 3,9 %. По возрастной шкале во взрослой группе равный процент в группах 18–35 и старше 55 лет — 31,5 %. В детской — в юношеской группе 13–17 лет (3,9 %) (см. табл. 5).

Таблица 5. Распределение изученных черепов из погребений раннего железного века по полу и возрасту

Возраст	1–7 лет Infanti- lis I	8–12 лет Infantilis II	13–17 лет Ju- venilis	18–35 Adultus I– II	35–55 Maturus I– II	> 55 лет Se- nilis	Все- го	%
М				21	19	23	63	82,8
Ж			2	3	4	1	10	13,1
Дети	1	1	1				3	3,9
Всего	1	1	3	24	23	24		
%	1,3	1,3	3,9	31,5	30,2	31,5		

По типу деформации выделяются несколько вариантов. Как и в предыдущей группе, у половины исследуемых индивидов выявлен смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым — 36. Черепа имеют схожую степень деформации и довольно единообразную форму мозговой коробки, с такими характерными чертами, как предвечный валик и позадивечное вдавление. 25 черепов с такой формой деформации происходят из позднесарматских погребений. В исследованиях Е. Ф. Батиевой по материалам позднесарматских погребений из степных курганных могильников Подонья встречаются аналогичные формы деформации [Батиева 2006: 54–55]. Таким образом, практика искусственной деформации черепа была устоявшейся традицией не только у поздних сармат в низовьях Дона, но и синхронной группы племен волго-маньчских степей. 7 черепов с подобной формой деформации зафиксировано в сарматских погребениях, 4 — в погребениях раннего железного века.

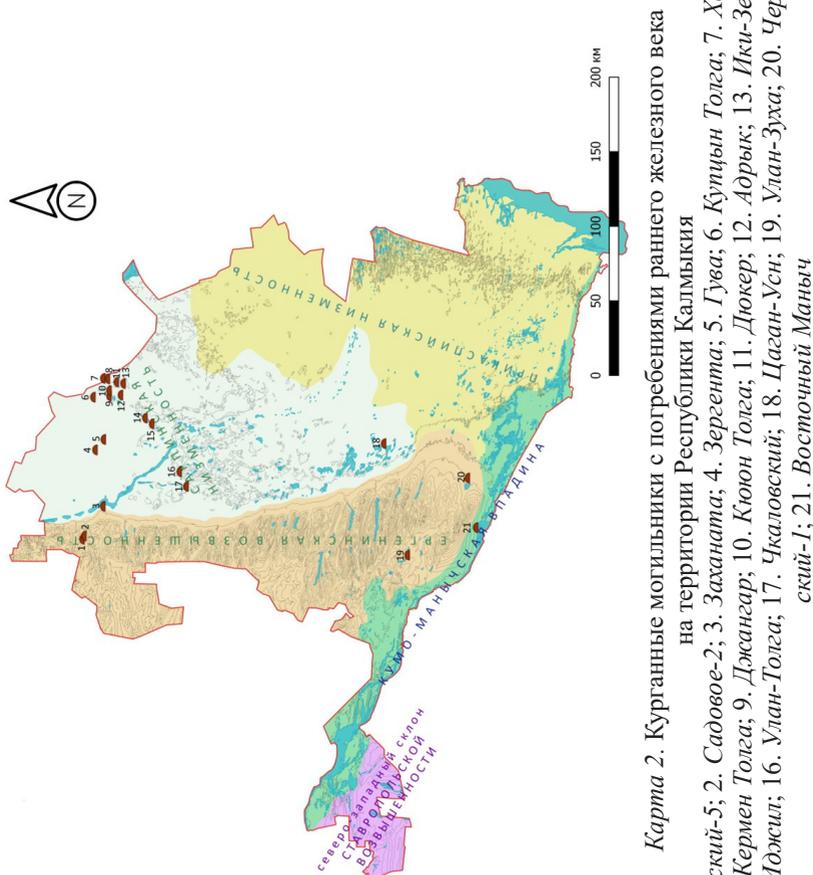
Кольцевой тип деформации определен у 29 индивидов: 1 — у скифов, 9 — у сармат, 18 — у поздних сармат, 1 — с относительной датировкой «ранний железный век».

Лобно-затылочная деформация в классическом виде выявлена у 6 индивидов: 1 — у скифов, 3 — у сармат, 2 — у поздних сармат.

Башенный тип кольцевой деформации, занимающий второе место по частоте встречаемости в погребениях бронзового века, здесь встречается только в четырех случаях. По 2 случая в сарматских и позднесарматских погребениях.

Один череп из погребения 8 кургана 4 могильника *Черноземельский-1* (1998) имеет неестественную форму шара, разделенного в затылочно-теменной части на два полушария. Возможно, это непреднамеренная деформация или патология (фото 20).

Таким образом, в эпоху раннего железного века на территории Республики Калмыкия обычай искусственной деформации головы укрепился и стал устойчивой традицией в позднесарматское время (см. фото 11–20; табл. 6).

Карта 2. Курганные могильники с погребениями раннего железного века на территории Республики Калмыкия

1. Садовский-5; 2. Садовое-2; 3. Заханата; 4. Зергента; 5. Гуга; 6. Купцын Толга; 7. Хар Нуурин Толга; 8. Кермен Толга; 9. Джангар; 10. Кююн Толга; 11. Дюкер; 12. Адрык; 13. Ики-Зегиста; 14. Ут; 15. Иджил; 16. Улан-Толга; 17. Чкаловский; 18. Цасан-Уен; 19. Улан-Зуха; 20. Черноземельский-1; 21. Восточный Мангыч

Фото 11. Череп мужчины 50–60 лет из погребения 1 кургана 1 могильника *Зергента-1* (инв. № 1396)

Фото 12. Череп женщины 35–40 лет из погребения 1 кургана 5 могильника *Кермен Толга* (инв. № 1121)

Фото 13. Череп мужчины 25–30 лет из погребения 1 кургана 12 могильника *Джангар* (инв. № 1051)

Фото 14. Череп мужчины 35–40 лет из погребения 1 кургана 6 могильника *Адрык* (инв. № 1227)

Фото 15. Череп мужчины 60–70 лет из погребения 1 кургана 29 могильника *Купцын Толга*
(инв. № 1319)

Фото 16. Череп мужчины 35–40 лет из погребения 1 кургана 5 могильника *Улан Толга*
(инв. № 1205)

Фото 17. Череп мужчины 50–60 лет из погребения 4 кургана 2 могильника *Канал Волга-Чограй-53* (инв. № 1232)

Фото 18. Череп мужчины 25–30 лет из погребения 3 кургана 4 могильника *Цаган-Усн-3* (инв. № 1181)

Фото 19. Череп мужчины 50–60 лет из погребения 1 кургана 21 могильника *Дюкер* (инв. № 1302)

Фото 20. Череп мужчины 35–40 лет из погребения 8 кургана 4 могильника *Черноземельский-1* (вид сверху) (инв. № 1049)

Таблица 6. Перечень краниологического материала с искусственной деформацией из погребений раннего железного века (Скиф. — скифское время, Сарм. — сарматская культура, Позднесарм. — позднесарматская культура, ржв — ранний железный век)

№ п/п	Инв. №	Могильник, группа, № кургана, № погребения	Пол	Возраст	КИО	Автор и год раскопок	Тип деформации	Сохранность
1	1723	Восточный Маныч-2, курган 28, погребение 1	М	16–18	Сарм.	Синицын И. В., Эрдниев У. Э., 1966	Лобно-затылочный	Фрагменты черепа и нижней челюсти
2	1464	Восточный Маныч-2, курган 41, погребение 1	М (?)	30–35	Сарм.	Синицын И. В., Эрдниев У. Э., 1966	Кольцевой	Череп без нижней челюсти
3	1608	Кутцын Толга, курган 1, погребение 1	М	50–60	Позднесарм.	Шнайдштейн Е. В., 1974	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть, длинные кости
4	1609	Кутцын Толга, курган 2, погребение 1	М	50–60	Позднесарм.	Шнайдштейн Е. В., 1974	Кольцевой	Череп и нижняя челюсть
5	1491	Кутцын Толга, курган 6, погребение 1	М	30–35	Сарм.	Шнайдштейн Е. В., 1974	Кольцевой	Череп и нижняя челюсть, длинные и разные кости
6	1612	Кутцын Толга, курган 13, погребение 1	М	50–60	Позднесарм.	Шнайдштейн Е. В., 1974	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть

7	1340	<i>Кутцын Толга</i> , курган 25, погребение 1	М	20–25	Поздне-сарм.	Шнай-штгейн Е. В., 1988	Кольцевой	Череп и нижняя челюсть
8	1378	<i>Кутцын Толга</i> , курган 27, погребение 1	Ж (?)	35–40	Поздне-сарм.	Шнай-штгейн Е. В., 1974	Кольцевой	Череп и нижняя челюсть
9	1319	<i>Кутцын Толга</i> , курган 29, погребение 1	М	60–70	Поздне-сарм.	Шнай-штгейн Е. В., 1974	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть, длинные кости
10	1402	<i>Кутцын Толга</i> , курган 30, погребение 1	М	60–70	Поздне-сарм.	Шнай-штгейн Е. В., 1974	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть, посткраниальный скелет
11	1380	<i>Кутцын Толга</i> , курган 35, погребение 1	М	45–50	Поздне-сарм.	Шнай-штгейн Е. В., 1974	Кольцевой	Череп и нижняя челюсть
12	1568	<i>Кутцын Толга</i> , курган 41, погребение 1	М	>50	Сарм.	Шнай-штгейн Е. В., 1974	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Фрагменты черепа и нижней челюсти, длинные кости
13	1384	<i>Кутцын Толга</i> , курган 44, погребение 1	М	50–60	Поздне-сарм.	Шнай-штгейн Е. В., 1974	Кольцевой	Череп и нижняя челюсть, длинные и тазовые кости

14	1616	<i>Кутцын Толга</i> , курган 53, погребение 1	М	50–60	Позднесарм.	Шнайдштейн Е. В., 1974	Кольцевой	Фрагменты черепа и нижней челюсти, посткраниальный скелет
15	1102	<i>Заханата</i> , курган 11, погребение 1	М	45–50	Сарм.	Шнайдштейн Е. В., 1976	Кольцевой	Фрагменты черепа, длинные кости
16	1626	<i>Заханата</i> , курган 9, погребение 1	М	18–20	Позднесарм.	Шнайдштейн Е. В., 1976	Башенный тип лобнозатылочной деформации	Череп и нижняя челюсть, посткраниальный скелет
17	1649	<i>Гува-1</i> , курган 14, погребение 1	М	45–50	Сарм.	Шнайдштейн Е. В., 1976	Кольцевой	Череп и нижняя челюсть
18	1396	<i>Зергентя-1</i> , курган 1, погребение 1	М	50–60	ржв	Савицкий М. Г., 1978	Кольцевой	Череп и нижняя челюсть
19	1282	<i>Зергентя-2(?)</i> , курган 4(?), погребение 1	М	45–50	ржв	Савицкий М. Г., 1978	Смешанный тип лобнозатылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть
20	1227	<i>Адык</i> , курган 6, погребение 1	М	35–40	Сарм.	Цуцкин Е. В., 1978	Башенный тип кольцевой деформации	Череп и нижняя челюсть

21	1217	Ут, курган 8, погребение 1	М	18–20	Сарм.	Цуцкин Е. В., 1978	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть
22	1659	Ут, курган 7, погребение 1	М (?)	25–30	Сарм.	Цуцкин Е. В., 1978	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть
23	1001	Кермен Толга, курган 2, погребение 2	Ж	30–35	Поздне-сарм.	Цуцкин Е. В., 1979	Кольцевой	Череп и нижняя челюсть, посткраниальный скелет
24	1239	Кермен Толга, курган 3, погребение 1	М	35–40	Поздне-сарм.	Гаврилина Л. М., 1986	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть
25	1121	Кермен Толга, курган 5, погребение 1	Ж	35–40	Поздне-сарм.	Цуцкин Е. В., 1979	Кольцевой	Череп и нижняя челюсть, длинные кости
26	1342	Кермен Толга, курган 9, погребение 1	М	45–50	Поздне-сарм.	Цуцкин Е. В., 1979	Кольцевой	Череп и нижняя челюсть, длинные и тазовые кости
27	1603	Кермен Толга, курган 10, погребение 1	под-росток	12–13	Поздне-сарм.	Цуцкин Е. В., 1979	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть, длинные и тазовые кости

28	1188	<i>Кермен Толга</i> , курган 13, погребение 1	М	45-50	Позднесарм.	Цуцкин Е. В., 1979	Кольцевой	Череп и фрагмент нижней челюсти, длинные кости
29	1348	<i>Кермен Толга</i> , курган 16, погребение 1	Ж	50-60	Позднесарм.	Цуцкин Е. В., 1979	Смешанный тип, лобнозатылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть, длинные и тазовые кости
30	1154	<i>Кермен Толга</i> , курган 17, погребение 1	М	50-60	Позднесарм.	Цуцкин Е. В., 1979	Смешанный тип, лобнозатылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть, длинные кости
31	1385	<i>Кермен Толга</i> , курган 18, погребение 1	М	20-25	Позднесарм.	Цуцкин Е. В., 1979	Смешанный тип, лобнозатылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть, посткраниальный скелет
32	1322	<i>Кермен Толга</i> , курган 20, погребение 1	М	45-50	Позднесарм.	Цуцкин Е. В., 1979	Смешанный тип, лобнозатылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть, длинные и тазовые кости
33	1637	<i>Кермен Толга</i> , курган 21, погребение 1	Ж	16-18	Позднесарм.	Цуцкин Е. В., 1979	Кольцевой	Череп без нижней челюсти, длинные и тазовые кости
34	1494	<i>Кермен Толга</i> , курган 23, погребение 1	М	45-50	Позднесарм.	Цуцкин Е. В., 1979	Смешанный тип, лобнозатылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть, длинные и тазовые кости

35	1156	<i>Кермен Толга</i> , курган 31, погребение 1	М	35-40	Поздне-сарм.	Цуцкин Е. В., 1979	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп без нижней челюсти, длинные кости
36	1155	<i>Кермен Толга</i> , курган 32, погребение 1	Ж	45-50	Поздне-сарм.	Цуцкин Е. В., 1979	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть, длинные и тазовые кости
37	1689	<i>Дюкер</i> , курган 1, погребение 1	М (?)	18-20	Поздне-сарм.	Цуцкин Е. В., 1982	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть
38	1580	<i>Дюкер</i> , курган 3, погребение 1	М	25-30	Поздне-сарм.	Цуцкин Е. В., 1982	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть, длинные кости
39	1137	<i>Дюкер</i> , курган 10, погребение 1	М	20-25	Поздне-сарм.	Цуцкин Е. В., 1982	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп без нижней челюсти, длинные кости
40	1549	<i>Дюкер</i> , курган 9, погребение 1	М	50-60	Поздне-сарм.	Цуцкин Е. В., 1982	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть, длинные кости

41	1336	<i>Дюкер</i> , курган 11, погребение 3	М	35–40	Позднесарм.	Цуцкин Е. В., 1979	Смешанный тип, лобнозатылочный с кольцевым	Череп без нижней челюсти, длинные и тазовые кости
42	1548	<i>Дюкер</i> , курган 17, погребение 1	М	50–60	Позднесарм.	Цуцкин Е. В., 1982	Смешанный тип, лобнозатылочный с кольцевым	Череп и фрагмент нижней челюсти, длинные кости
43	1581	<i>Дюкер</i> , курган 20, погребение 1	Ж	16–18	Позднесарм.	Цуцкин Е. В., 1982	Смешанный тип, лобнозатылочный с кольцевым	Фрагменты черепа и нижняя челюсть
44	1302	<i>Дюкер</i> , курган 21, погребение 1	М	50–60	Позднесарм.	Цуцкин Е. В., 1982	Смешанный тип, лобнозатылочный с кольцевым	Череп без нижней челюсти, длинные кости
45	1335	<i>Джангар</i> , курган 6, погребение 1	М	17–25	Позднесарм.	Цуцкин Е. В., 1980	Кольцевой	Череп и нижняя челюсть
46	1475	<i>Джангар</i> , курган 11, погребение 1	М	50–60	Позднесарм.	Цуцкин Е. В., 1980	Кольцевой	Фрагменты черепа и нижней челюсти
47	1051	<i>Джангар</i> , курган 12, погребение 1	М	25–30	Позднесарм.	Цуцкин Е. В., 1980	Лобнозатылочный	Череп и нижняя челюсть
48	1390	<i>Джангар</i> , курган 14, погребение 1	М	50–60	Позднесарм.	Цуцкин Е. В., 1980	Кольцевой	Череп и нижняя челюсть

49	1242	<i>Джангар</i> , курган 18, погребение 1	М	45–50	Позднесарм.	Цуцкин Е. В., 1980	Башенный тип лобнозатылочной деформации	Череп и фрагмент нижней челюсти
50	1296	<i>Джангар</i> , курган 22, погребение 1	М	> 30	ржав	Шилов В. П., 1981	Смешанный тип, лобнозатылочный с кольцевым	Череп без нижней челюсти, длинные кости
51	1550	<i>Джангар</i> , курган 30, погребение 1	М	45–50	Позднесарм.	Васюткин С. М., 1980	Смешанный тип, лобнозатылочный с кольцевым	Череп без нижней челюсти
52	1582	<i>Хар Нуурин Толга</i> , курган 1, погребение 1	М	50–60	Позднесарм.	Цуцкин Е. В., 1980	Кольцевой	Череп и нижняя челюсть
53	1495	<i>Хар Нуурин Толга</i> , курган 2, погребение 1	М	30–35	Сарм.	Цуцкин Е. В., 1980	Кольцевой	Фрагменты черепа и длинных костей
54	1158	<i>Хар Нуурин Толга</i> , курган 6, погребение 1	Ж	20–25	Позднесарм.	Цуцкин Е. В., 1980	Кольцевой	Череп и нижняя челюсть
55	1495	<i>Хар Нуурин Толга</i> , курган 10, погребение 2	Ж	30–35	Позднесарм.	Цуцкин Е. В., 1980	Кольцевой	Череп и нижняя челюсть
56	1526	<i>Хар Нуурин Толга</i> , курган 20, погребение 1	М	18–20	Позднесарм.	Цуцкин Е. В., 1980	Кольцевой	Череп и нижняя челюсть, фрагменты тазовых костей

57	1345	<i>Хар Нуурин Толга</i> , курган 33, погребение 1	М	60–70	Поздне-сарм.	Цупкин Е. В., 1980	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть, длинные кости
58	1578	<i>Чкаловский</i> , курган 1, погребение 1	М	17–25	Сарм.	Николаева Н. А., 1984	Кольцевой	Фрагменты черепа и нижняя челюсть, длинные кости
59	1497	<i>Иджили</i> , курган 3 (?), погребение 1	Ж	20–25	Средне-сарм.	Васюткин С. М., 1984	Кольцевой	Череп без нижней челюсти
60	1205	<i>Улан Толга</i> , курган 5, погребение 1	М	35–40	Сарм.	Николаева Н. А., 1985	Кольцевой	Череп и нижняя челюсть, длинные кости
61	1264	<i>Улан Толга</i> , курган 12, погребение 1	под-росток	14–16	Сарм.	Николаева Н. А., 1985	Лобно-затылочный	Череп и нижняя челюсть
62	1225	<i>Улан Толга</i> , курган 16, погребение 1	М	20–25	Сарм.	Николаева Н. А., 1985	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть, кости таза
63	1231	<i>Улан Толга</i> , курган 20, погребение 1	М	50–60	Сарм.	Николаева Н. А., 1985	Башенный тип кольцевой деформации	Череп без нижней челюсти

64	1597	<i>Кююн Толга</i> , курган 2, погребение 4	М	50–60	Сарм.	Николаева Н. А., 1985	Кольцевой	Череп и фрагмент нижней челюсти, длинные и тазовые кости
65	1271	<i>Ики-Зегиста</i> , курган 4, погребение 9	М	50–60	Сарм.	Гаврилина Л. М., 1986	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть, длинные кости
66	1400	<i>Ики-Зегиста</i> , курган 1, погребение 1	М	45–50	Скиф. время	Гаврилина Л. М., 1986	Кольцевой	Череп и нижняя челюсть, длинные и тазовые кости
67	1718	<i>Цаган-Уси-3</i> , курган 1, погребение 1	М	50–60	Сарм.	Арапов С. М., 1987	Лобно-затылочный	Фрагменты черепа и нижней челюсти
68	1181	<i>Цаган-Уси-3</i> , курган 4, погребение 3	М	25–30	ржв	Арапов С. В., 1987	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть, длинные кости
69	1223	<i>Цаган-Уси-11</i> , курган 1, погребение 2	М	25–30(?)	Позднесарм.	Арапов С. В., 1987	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть, разные кости
70	1232	<i>Канал Волга-Чозрай-53</i> , курган 2, погребение 4	М	50–60	ржв	Шишлина Н. И., 1988	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть

71	1221	<i>Улан-Зуха, курган 2, погребение 1</i>	М	<30 лет	Сарм.	Очир-Горяева М. А., 1990	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп без нижней челюсти, фрагменты длинных костей
72	1722	<i>Садовский-5, курган 2, погребение 1</i>	М	45–50	Позднесарм.	Шишлина Н. И., 1993	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть
73	1160	<i>Садовский-5, курган 7, погребение 1</i>	М	50–60	Позднесарм.	Шишлина Н. И., 1993	Лобно-затылочный	Череп и нижняя челюсть, посткраниальный скелет
74	1719	<i>Черноземельский-1, курган 3, погребение 3</i>	ребенок	1 год	Скиф. время	Лопатин В. А., 1998	Лобно-затылочный	Фрагменты черепа и нижней челюсти
75	1049	<i>Черноземельский-1, курган 4 погребение 8</i>	М	35–40	Позднесарм.	Лопатин В. А., 1998	Возможно, непреднамеренная деформация или патология	Череп и нижняя челюсть, посткраниальный скелет
76	1436	<i>Садовое-2, курган 1, погребение 1</i>	М	50–60	Сарм.	Очир-Горяева М. А., 2007	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть

5. Эпоха средневековья

Эта краниологическая серия насчитывает всего 8 черепов из имеющихся в антропологической коллекции 130 антропологических единиц, относящихся к средневековым погребениям [Бембеева 2021: 201]. По данным Свода археологических памятников волго-маньчских степей, памятники средневековья, датирующиеся с эпохи великого переселения народов до Золотой Орды, малочисленны (8,5 % от общего числа исследованных погребений) по сравнению с эпохой бронзы (64,6 %) и ранним железным веком (20,2 %) (см. карту 3). По мнению автора, меньшее количество кочевнических памятников объясняется их распределением на большей территории, чем многочисленность и плотность памятников эпохи бронзы. Это свидетельствует о различном хозяйственно-культурном типе сравниваемых обществ [Очир-Горяева 2008: 145–146].

Рассматривались только черепа с преднамеренной искусственной деформацией. Непреднамеренная деформация, возникающая как следствие некоторых этнических обычаев, например, в результате содержания ребенка в жесткой колыбели типа бешик, а также патологии, в исследованиях не рассматривалась. Но стоит отметить, что следы более или менее выраженной затылочно-теменной деформации на черепах из погребений ямной и раннекатакомбной культуры на территории Республики Калмыкия исследовал А. А. Казарницкий [Казарницкий 2012: 144–162].

Исследованные черепа находились во впускных погребениях курганных могильников: *Канал Волга-Чограй-56*, *Гува-1*, *Джангар*, *Дюкер*, *Овата-4*, *Садовский-5*. Культурная принадлежность погребений была определена авторами раскопок в шести случаях: два погребения — золотоордынского времени и четыре — позднекочевнических. Остальные имеют относительную датировку «средневековые».

По частоте встречаемости можно отметить могильник *Канал Волга-Чограй-56* — 3 погребения с искусственно деформированными черепами, что составляет 21,4 % от общего количества средневековых памятников в данном могильнике. Остальные 5 погребений были единственными такого рода в исследованных могильниках (см. табл. 7).

Таблица 7. Погребения эпохи средневековья
из курганных могильников на территории Республики Калмыкия

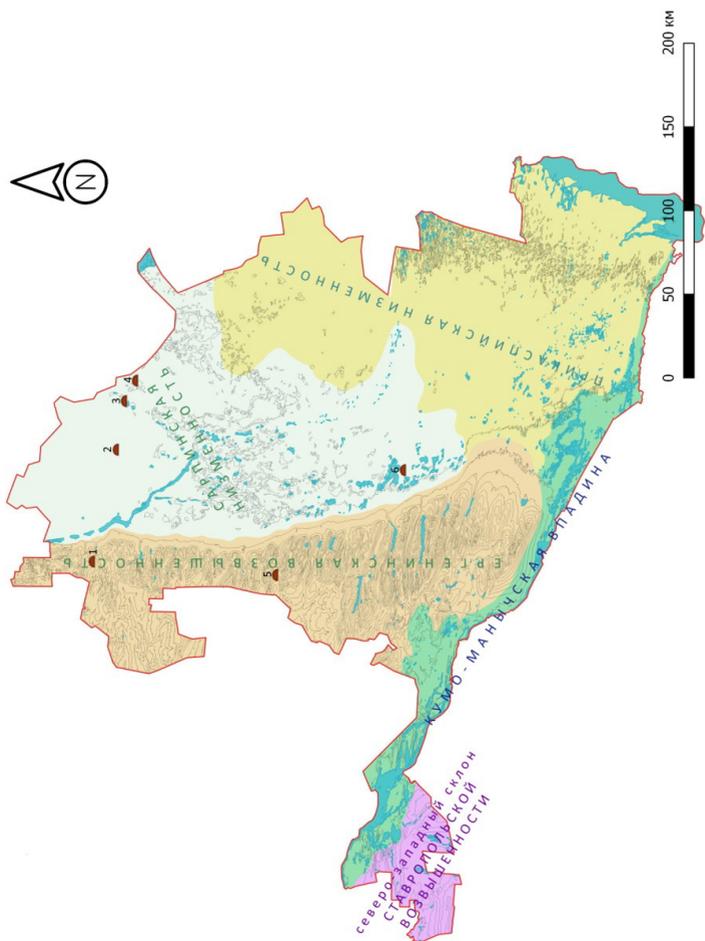
№ п/п	Курганный могильник (группа, год раскопок)	Количество раскопанных погребений	Краниологический материал из фондов КалмНЦ РАН		
			Общее к-во черепов (N)	К-во деформир. черепов (n)	% деформир. черепов
1	<i>Гува, 1975</i>	16	7	1	14,3
2	<i>Джангар, 1980–1981</i>	15	12	1	8,3
3	<i>Дюкер, 1982</i>	10	9	1	11,1
4	<i>Канал Волга-Чограй-56, 1988</i>	14	14	3	21,4
5	<i>Овата, 1992</i>	9	9	1	11,1
6	<i>Садовский-5, 1993</i>	1	1	1	100,0

По половой принадлежности исследуемые индивиды были определены как 4 мужчин, 1 женщина и трое детей.

По возрастным определениям материалы были распределены по следующим группам: ребенок 6–7 лет — *Infantilis I*; 2 ребенка 12–13 лет — *Infantilis II*; 2 мужчин — *Adultus I*; 1 мужчина — *Adultus II*; мужчина и женщина — *Senilis*. В исследуемой выборке преобладают мужские черепа — 50 % от общего количества погребенных, немного меньше половины группы составляют детские черепа — 37,5 %, 1 женский череп — 12,5 %. По возрастной шкале большинство смертей зафиксировано в группе 18–35 лет — 37,5 %, равный процент в двух группах 8–12 и старше 55 лет — 25 % (см. табл. 8).

Таблица 8. Распределение изученных черепов
из погребений эпохи средневековья по полу и возрасту

Возраст	1–7 лет <i>Infantilis I</i>	8–12 лет <i>Infantilis II</i>	13–17 лет <i>Juvenilis</i>	18–35 лет <i>Adultus I–II</i>	35–55 лет <i>Maturus I–II</i>	> 55 лет <i>Senilis</i>	Всего	%
М				3		1	4	50
Ж						1	1	12,5
Дети	1	2					3	37,5
Всего	1	2		3		2		
%	12,5	25,0		37,5		25,0		

Карта 3. Курганные могильники с погребениями эпохи средневековья на территории Республики Калмыкия

1. Садовский-5; 2. Гува; 3. Джангар; 4. Дюкер; 5. Овата; 6. Канал Волга-Чограй-56

Фото 21. Череп мужчины ст. 30 лет из погребения 1 кургана 37 могильника *Джангар* (инв. № 1152)

Фото 22. Череп подростка 12–13 лет из погребения 6 кургана 4 могильника *Канал Волга-Чограй-56* (инв. № 1200)

Фото 23. Череп женщины 50–60 лет из погребения
1 кургана 13 могильника *Дюкер* (инв. № 1551)

Фото 24. Череп мужчины
50–60 лет из погребения 1
кургана 1 могильника *Са-
довский-5* (инв. № 1366)

Таблица 9. Перечень краниологического материала с искусственной деформацией из погребений эпохи средневековья

№	Инва. №	Могильник, группа, № кургана, № погребения	Пол	Возраст	КИО	Автор и год раскопок	Тип деформации	Сохранность
1	1671	Гува-1, курган 2, погребение 1	М	20–25	Золото-орд.	Шнайдштейн Е. В., 1975	Кольцевой	Череп без нижней челюсти
2	1152	Джангар, курган 37, погребение 1	М	< 30	Средне-век.	Шилов В. П., 1981	Кольцевой	Череп без нижней челюсти
3	1551	Дюкер, курган 13, погребение 1	Ж	50–60	Золото-орд.	Цуцкин Е. В., 1982	Кольцевой	Череп без нижней челюсти
4	1200	Канал Волга-Чограй-56, курган 4, погребение 6	подросток	12–13	Поздне-коч.	Романов Ю. Г., 1988	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть, фрагменты костей
5	1257	Канал Волга-Чограй-56, курган 4, погребение 4	подросток	12–13	Поздне-коч.	Романов Ю. Г., 1988	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и нижняя челюсть, посткраниальный скелет
6	1298	Канал Волга-Чограй-56, курган 4, погребение 5	ребенок	6–7	Поздне-коч.	Романов Ю. Г., 1988	Кольцевой	Череп и нижняя челюсть, посткраниальный скелет
7	1553	Овата-4, курган 1, погребение 2	М	18–20	Средне-век.	Арапов С. В., 1992	Смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым	Череп и фрагмент нижней челюсти,
8	1366	Садовский-5, курган 1, погребение 1	М	50–60	Поздне-коч.	Шишлина Н. И., 1993	Кольцевой	Череп и нижняя челюсть, посткран. скелет

Были определены два типа деформации: в 5 случаях — кольцевой и в 3 — смешанный тип, лобно-затылочный с кольцевым.

Возможно, обычай деформации черепа, характерный для позднесарматской культуры, был привнесен в средневековые памятники вместе с кочевниками, проживавшими на территории волго-мамычских степей ранее и принявшими некоторые традиции завоевателей [Васюткин 1995: 76] (см. фото 21–24; табл. 9).

6. Выводы

Проблема исследования феномена искусственной деформации головы в древнем мире не нова и имеет длительную историю как в российской, так и в зарубежной науке. Итоги проведенного исследования 137 черепов с искусственной деформацией из антропологической коллекции КалмНЦ РАН можно сформулировать следующим образом:

– погребения, в которых были найдены черепа со следами искусственной деформации, охватывают все три эпохи: бронзы, раннего железного века и средневековья. Наибольшее количество деформированных черепов встречается в позднесарматских погребениях (48), затем следуют катакомбные погребения (32), сарматские (21), позднекочевнические (4), погребения скифского, золотоордынского времени — по 2 единицы, погребения ямной, ямно-катакомбной и срубной культуры — по 1 единице;

– отмечено относительное разнообразие типов деформации черепных коробок в погребениях эпохи бронзы: лобно-затылочный, кольцевой, башенный, смешанный (лобно-затылочный с кольцевым). Но в основном использовался кольцевой тип деформации в специфических формах, что проявлялось в разном по силе и времени воздействия. А. В. Шевченко объяснял такое разнообразие форм мозговой капсулы, возникающее в процессе преднамеренной деформации, генетически запрограммированными различиями по черепному и другим признакам;

– неравномерность процента встречаемости деформированных черепов в погребениях катакомбной культуры (от 4 % до 50 %) требует дальнейших исследований на конкретном материале;

– по частоте встречаемости искусственно деформированных черепов лидируют погребения позднесарматской культуры. Иссле-

дования таких могильников, как *Купцын Толга*, *Кермен Толга*, *Хар Нуурин Толга*, *Дюкер*, выявили, что в половине погребений каждого из вышеперечисленных могильников были найдены черепа с преднамеренной деформацией. Таким образом, можно предположить, что для позднесарматского населения искусственное изменение формы головы было массовым явлением;

– введение новых материалов в научный оборот способствует исследованию данной проблематики и в других областях науки: археологии, истории, естествознанию.

Источники

- Арапов 1987 — *Арапов С. В.* Отчет об исследованиях археологической экспедиции Калмыцкого НИИ ИФЭ в зоне строительства орошаемого участка совхоза «Яшкульский» в Яшкульском районе Калмыцкой АССР в 1987 г. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 55. 111 с.
- Арапов 1992 — *Арапов С. В.* Отчет об археологических исследованиях с. Овата Целинного района Республики Калмыкия в 1992 г. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 69. 62 с.
- Васюткин 1984 — *Васюткин С. М.* Отчет об археологических исследованиях в КАССР в 1984 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1 10193. 37 с.
- Гаврилина 1986а — *Гаврилина Л. М.* Отчет об исследованиях археологической экспедиции КНИИИФЭ в зоне строительства 1-й очереди Калмыцко-Астраханской оросительной системы в Октябрьском районе КАССР в 1986 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1 11471. 72 с.
- Гаврилина 1986б — *Гаврилина Л. М.* Отчет об исследованиях Чограйского отряда Калмыцкой археологической экспедиции в зоне строительства орошаемого участка совхоза «Чограйский» Ики-Бурульского района КАССР в 1986 г. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 41. 104 с.
- Лопатин 1999 — *Лопатин В. А.* Охранные исследования в Черноземельском районе Калмыцкой республики в 1999 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1 23817. 255 с.
- Николаева 1985 — *Николаева Н. А.* Исследования курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской оросительной системы на землях совхоза «Джангар» Октябрьского района Калмыцкой АССР в 1985 г.

- // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 34. 119 с.
- Николаева и др. 1984 — *Николаева Н. А., Сафронов В. А., Цуцкин Е. В.* Исследования курганов у сс. Чкаловский, Эвдык Октябрьского районе Калмыцкой АССР в 1984 г. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 32. 89 с.
- Очир-Горяева 1989 — *Очир-Горяева М. А.* Отчет об исследовании курганного могильника Цаган-Нур в Октябрьском районе Калмыцкой АССР в 1989 г. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 66. 48 с.
- Очир-Горяева 1990 — *Очир-Горяева М. А.* Отчет об исследовании курганного могильника Улан-Зуха в Приютненском районе КАСССР в 1990 г. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 67. 48 с.
- Очир-Горяева 1991 — *Очир-Горяева М. А.* Отчет об исследовании курганного могильника Хар-Зуха в Приютненском районе КАСССР в 1991 г. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 68. 81 с.
- Очир-Горяева 2007 — *Очир-Горяева М. А.* Отчет об исследовании курганных могильников «Садовое-1,2» и «Малые Дербеты — 2» в зоне строительства газопровода в Сарпинском и Малодербетовском районах Республики Калмыкия в 2007 г. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 98. 135 с.
- Романов 1988 — *Романов Ю. Г.* Отчет отряда археологической экспедиции КНИИИФЭ в Яшкульском районе Калмыцкой АССР в 1988 г. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 56. 74 с.
- Савицкий 1978 — *Савицкий М. Г.* Отчет о работе Сарпинской археологической экспедиции КНИИЯЛИ и КГУ в 1978 г. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 11. 62 с.
- Синицын, Эрдниев 1963 — *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 г. Труды Калмыцкого республиканского краеведческого музея. Вып. 1. Элиста: Калмиздат, 1963. 60 с.
- Синицын, Эрдниев 1978 — *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Древние памятники Восточного Маныча: в 2 ч. Саратов: Саратовск. гос. ун-та, 1978. Ч. 1. 130 с. Ч. 2. 117 с.
- Цуцкин 1978 — *Цуцкин Е. В.* Отчет о работе Калмыцко-Астраханской археологической экспедиции КНИИФЭ и КГУ в 1978 г. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 14. 227 с.

- Цуцкин 1979 — *Цуцкин Е. В.* Отчет о работе Калмыцко-Астраханской экспедиции Калмыцкого научно-исследовательского института истории, филологии и экономики и КГУ в 1979 г. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 17. 171 с.
- Цуцкин 1980 — *Цуцкин Е. В.* Отчет о работе археологической экспедиции Калмыцкого научно-исследовательского института в 1980 г. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 22. 156 с.
- Цуцкин 1982 — *Цуцкин Е. В.* Отчет о раскопках курганной группы Эвдык-1 в Приозерном районе Калмыцкой АССР в 1982 г. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 27. 82 с.
- Шилов 1981 — *Шилов В. П.* Исследования Волго-Донской археологической экспедиции в 1981 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1 10968. 169 с.
- Шилов 1983 — *Шилов В. П.* Отчет о раскопках Волго-Донской экспедиции в 1983 г. (Раскопки кургана №7) // Архив Института археологии РАН. Р-1 9589. 25 с.
- Шишлина 1988 — *Шишлина Н. И.* Отчет об исследовании курганов на трассе канала Волга-Чограй в Яшкульском районе КАСР в 1988 г. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 62. 171 с.
- Шишлина 1993 — *Шишлина Н. И.* Отчет о работе Калмыцкой археологической экспедиции ГИМ в Сарпинском районе в 1993 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1 17767.
- Шишлина 1995 — *Шишлина Н. И.* Отчет о раскопках могильников Зунда Толга в Ики-Бурульском районе РК в 1995 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1 19872. 60 с.
- Шнайдштейн 1978 — *Шнайдитейн Е. В.* Раскопки курганов в урочище Гува // Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста: КНИИИФЭ, 1978. С. 55–69.
- Шнайдштейн 1981 — *Шнайдитейн Е. В.* Раскопки курганной группы Купцын Толга // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста: Калмыцкий научно-иссл. ин-т истории, филологии и экономики при Совете Министров Калмыцкой АССР, 1981. С. 78–120.
- Шнайдштейн 1985 — *Шнайдитейн Е. В.* Раскопки курганной группы Заханата // Древности Калмыкии. Элиста: [б. и.], 1985. С. 79–94.
- Шнайдштейн 1988 — *Шнайдитейн Е. В.* Отчет об археологических раскопках в зоне строительства канала Волга-Чограй в Яшкульском рай-

оне Калмыцкой АССР в 1988 г. // Научный архив Калмыцкого научно-го центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 54. 22 с.

Литература

- Алексеев, Дебец 1964 — *Алексеев В. П., Дебец Г. Ф.* Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 127 с.
- Батиева 2006 — *Батиева Е. Ф.* Искусственно деформированные черепа в погребениях нижнедонских могильников (первые века нашей эры) // *OPUS: междисциплинарные исследования в археологии.* М.: Институт археологии РАН, 2008. Вып. 6. С. 53–72.
- Бембеева 2021 — *Бембеева Л. А.* Краниологические материалы, хранящиеся в фондах Калмыцкого научного центра РАН // *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН.* 2021. № 3. С. 182–203. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-182-203
- Бембеева, Лиджикова 2023 — *Бембеева Л. А., Лиджикова Т. В.* Древние некрополи Ергенинской возвышенности: палеодемографические исследования населения катакомбной культуры (по материалам археологических раскопок 1981–2008 гг.) // *Oriental Studies.* 2023. Т. 16. № 3. С. 548–574. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-548-574
- Васюткин 1995 — *Васюткин С. М.* Проблемы типологии и периодизации средневековых погребений Калмыкии // *Материалы и исследования по археологии Калмыкии.* Элиста: КГУ, 1995. С. 53–73.
- Гинзбург 1959 — *Гинзбург В. В.* Этнические связи древнего населения // *Материалы и исследования по археологии СССР.* № 60. М.: АН СССР, 1959. С. 563–575.
- Гиппократ 1994 — *Гиппократ.* Избранные книги. О воздухе, водах и местностях. М.: Сварог, 1994. С. 275–307.
- Дебец 1948 — *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР // *Труды Института этнографии.* 1948. Т. 4. 392 с.
- Дубова 2006 — *Дубова Н. А.* Искусственная деформация головы у земледельцев эпохи бронзы // *OPUS: междисциплинарные исследования в археологии.* Вып. 6. М.: Институт археологии РАН, 2008. С. 22–36.
- Жиров 1940 — *Жиров Е. В.* Об искусственной деформации головы // *Краткие сообщения о полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР.* Вып. 8. М.; Л.: АН СССР, 1940. С. 80–87.
- Известия 1886 — *Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.* Т. VII. Вып. 1–3. М.: Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1886. 380 с.

- Казарницкий 2012 — *Казарницкий А. А.* Население азово-каспийских степей в эпоху бронзы (антропологический очерк). СПб.: Наука, 2012. 264 с.
- Очир-Горяева 2008 — *Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники волго-маньчских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.) Элиста: Герел, 2008. 298 с.: илл.
- Перерва и др. 2013 — *Перерва Е. В., Балабанова М. А., Зубарева Е. Г.* Коллекция искусственно деформированных черепов научно-учебного кабинета-музея антропологии Волгоградского университета. Волгоград: Изд-во ФГБОУ ВПО Волгоградского филиала РАНХиГС, 2013. 116 с.
- Путенихин 2013 — *Путенихин В. П.* В сердце Евразии (природа Урало-Поволжья в известиях древних писателей, ученых и путешественников). Уфа: Китап, 2013. 280 с.
- Страбон 1997 — *Страбон.* География в 17 книгах / пер., ст. и коммент. Г. А. Стратановского; под общ. ред. проф. С. Л. Утченко. М.: Ладомир, 1997. 941 с.
- Сюткина 2018 — *Сюткина Т. А.* Искусственная деформация черепа у аборигенного населения доколумбовой Кубы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 136–146.
- Фирштейн 1970 — *Фирштейн Б. В.* Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении // Тот Т. А., Фирштейн Б. В. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов: авары и сарматы. Л.: Наука, 1970. С. 69–129.
- Хохлов 2006 — *Хохлов А. А.* Черепа с искусственной деформацией эпохи бронзы Волго-Уральского региона. // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 6. М.: Институт археологии РАН, 2006. С.47–52.
- Шевченко 1986 — *Шевченко А. В.* Антропология населения южно-русских степей в эпоху бронзы // Антропология древнего и современного населения европейской части СССР. Л.: Наука, 1986. С. 121–215.

Антропологический анализ средневекового захоронения из курганного могильника Хар-Зуха-1

Татьяна Васильевна Лиджикова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник

 0000-0003-4155-4301. E-mail: tlidzhikova[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Лиджикова Т. В., 2024

Аннотация. *Введение.* В данной работе анализируются костные останки с уникальным случаем ампутации голени. *Целью данного исследования* является антропологический анализ редкого случая скелета с прижизненной ампутацией нижних конечностей. *Методы и материалы.* Исследование проводилось по комплексной антропологической программе, включающей в себя традиционные антропологические методики, фиксацию маркеров стресса и повреждений травматического характера. Материалом для исследования послужил индивид женского пола эпохи Золотой Орды из могильника Хар-Зуха-1 (курган 3, погребение 1), переживший процесс ампутации голени и проживший некоторое время после нее. *Результаты.* Работа была осуществлена в нескольких направлениях: составление антропологической характеристики костных останков; выявление и описание травм скелета, фиксация маркеров физиологического стресса. Кроме того, был проведен сравнительный анализ с золотоордынским могильником Натухаевский 5. Изучались сходства и различия по женской серии. Данная работа способствует вводу в научный оборот новых антропологических данных из могильника Хар-Зуха-1 кургана 3 погребения 1.

Ключевые слова: Калмыкия, Золотая Орда, XIII–XIV вв., палеоантропология, ампутация конечностей

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследова-

ние политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6). Автор статьи выражает благодарность Е. Ф. Батиевой, кандидату биологических наук, за ценные консультации и рекомендации, оказанные при написании данной работы.

Для цитирования: Лиджикова Т. В. Антропологический анализ средневекового захоронения из курганного могильника *Хар-Зуха-1* // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 2. С. 147–169. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-2-30-147-169

Anthropological Analysis of the Medieval Burial from the Burial Mound of *Khar-Zukha-1*

Tatiana V. Lidzhikova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0003-4155-4301. E-mail: tlidzhikova[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Lidzhikova T. V., 2024

Abstract. *Introduction.* This paper analyzes bone remains from a unique case of tibia amputation. *The purpose* of this study is an anthropological analysis of a rare skeletal case with intravital lower limb amputation. *Methods and materials.* The study was carried out according to a comprehensive anthropological program, including: traditional anthropological methods, recording markers of stress and traumatic injuries. The material for the study was a female individual of the Golden Horde era from the Khar-Zukha-1 burial ground (mound 3, burial 1), who survived the process of amputation of the lower leg and lived for some time after it. *Results.* The work was carried out in several directions: compilation of anthropological characteristics of bone remains; identification and description of skeletal injuries, recording markers of physiological stress. In addition, a comparative analysis was carried out with the Golden Horde burial ground Natukhaevsky 5. Similarities and differences in the female series were studied. This work contributes to the introduction into scientific circulation of new anthropological data from the Khar-Zukha-1 burial ground, mound 3, burial 1.

Keywords: Kalmykia, Golden Horde, 13th–14th centuries, paleoanthropology, amputation of limbs

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 — “South-Eastern Belt of Russia: Study of the Political and Cultural History of Social Communities and Groups”. The author of the article express her gratitude to the candidate of biological sciences E. F. Batieva for the valuable consultations and recommendations provided during the writing of this work.

For citation: Lidzhikova T. V. Anthropological Analysis of the Medieval Burial from the Burial Mound of *Khar-Zukha-1*. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2024; 2: 147–169. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-2-30-147-169

1. Введение

Ампутация конечности — одна из самых древних и самых известных операций в хирургии. Первые письменные упоминания об ампутации и вылечиваниях конечностей в V–IV вв. до н. э. упоминаются Гиппократом [Гиппократ 1936: 147]. В древности причиной утраты выступающих частей тела были укусы диких животных во время охоты на них, бытовые травмы, природные катастрофы, применение в конфликтах между людьми колюще-дробящего оружия. Самоампутация¹ конечностей могла произойти в результате омертвения дистальной части ноги или руки после травмы, ранения, ожога или обморожения [Глянцев 2020: 6].

Конечности с ампутацией являются редко встречаемым случаем в археологии. Преобладает мнение, что человек, перенесший прижизненную ампутацию, не смог бы выжить из-за кровопотери, болевого шока и инфекций. Долгое время считалось, что примером самой ранней хирургической операции были останки скелета европейского фермера эпохи неолита, найденного в Бутье-Буланкур (Франция). Там путем хирургического вмешательства удалено левое предплечье, которое затем частично зажило. Долгое время общепринятый первый случай ампутации датировался примерно 7 тыс. лет назад [Buquet-Marcon 2007: 1–2]. В 2022 г. удаленная часть предплечья европейского фермера из Бутье-Буланкур пере-

¹ В случаях при естественном течении болезни, граница гангрены и здоровой ткани может самостоятельно ограничиться, что приведет к самоампутации отмирающей конечности, т. е. к естественному отпаданию [Савельев, Кошкин 1997].

стала быть самым ранним случаем ампутации, поскольку были опубликованы данные о хирургической ампутации дистальной трети левой голени, датированной, по крайней мере, 31 тыс. лет назад согласно радиоуглеродному анализу. Человек пережил процедуру ампутации и затем прожил еще 6–9 лет, прежде чем его останки были намеренно захоронены в пещере Лян Тебо в индонезийском Борнео (Калимантан). Эти сведения об успешной ампутации конечностей позволяют нам предположить, что некоторые группы людей в тропической Азии имели достаточные медицинские знания и навыки задолго до перехода к неолитическому земледелию [Maloney et al. 2022: 547–558]. Еще один случай ампутации правого предплечья из Некрополя Лонгбардов в Повельяно-Веронезе (Италия, VI–VIII вв. н. э.) интересен тем, что авторы исследования предположили наличие протеза. Так, авторы исследования указывают на изменения морфологии культи предплечья, ориентации поверхности правой суставной ямки и истончение кортикального слоя кости [Micarelli et al. 2018: 1–16].

Из истории медицины известно, что в Древнем мире и в раннем Средневековье ампутация была опасна для жизни. Лишь немногие искусные врачи выполняли подобные операции, но после их освоения цирюльниками в XIII–XIV вв. операции стали выполняться намного чаще, рутинно и, в конце концов, их проведение превратилось в ремесло.

В работах Гиппократов говорится, что голень отнимали путем сечения (вычленения) на уровне коленного сустава по границе мертвых и здоровых тканей. Анестезии не требовалось, поскольку мертвые ткани отсекались безболезненно. Отмечается, что после операции рану не зашивали, а бедренную кость оставляли открытой. Если же случалось отсечение конечности острым оружием, то накладывались повязки льняного полотна или шерсти. Гиппократ рекомендовал повязки промачивать в уксусе или вине, поскольку такие повязки останавливали кровотечение. На рубеже V–IV вв. до н. э. единственным показателем для ампутации конечностей была гангрена, под которой понимались длительное незаживление раны (язвы) разного генезиса [Гиппократ 1936: 143–151].

С IV в. до н. э. в практику античных врачей входят приемы применения наложения жгута при кровотечениях ран конечностей;

давящие повязки, смоченные холодной водой или уксусом; перевязывание вен, «из которых льется кровь» и прижигание раны раскаленным железом. Жгуты накладывали только в случае открытой (зияющей) раны, при гангренах жгуты не применялись. Если ставился диагноз «гангрена», неподлежащий консервативному лечению с обширным поражением мягких тканей (мышц и сухожилий) с обнажением сустава, то операцию проводили круговым сечением, при этом кожу и мышцы предварительно отделяли от кости. Кости перепиливали ближе к здоровым тканям. Для подобной работы использовали стальные пилы. Подобные рекомендации давал в своих работах Цельс, современник Иисуса Христа [[Цельс 1959: 326–330](#)].

Врачи римского императора Траяна Архигена (Archigenus, I–II вв. н. э.) ампутировали конечности не только при гангренах, но и при опухолях и уродующих деформациях [[Ляхтин 1901: 23–27](#)].

В Средневековье активно начинают применять методику каленого железа для остановки кровотечения после ампутаций. В историко-медицинской литературе конца XIX – начала XX вв. сложилось мнение о том, что Средние века были периодом «наибольшего упадка науки и рационализма»¹ [[Балалыкин 2013: 157–175](#)]. Именно поэтому в исторических источниках по медицине преобладающее место занимает арабская школа. Вклад в медицину того времени внес арабский врач-энциклопедист Абулькапис (Abu al-Qasim Khalaf ibn-Abbas al-Zahrawi, 936–1013). В его работах подробно описаны и схематически изображены более 150 хирургических инструментов, которыми пользовался Абулькапис. В 1000 г. он издал «Руководство для того [врача], кто не в состоянии составить [таковое]» («Kitab at-Tassrif»), 30-й том которого под названием «Трактат о хирургии и инструментах» [[Абулкасим 1983](#)] стал первой в мире иллюстрированной книгой по хирургии как самостоятельной области медицинских знаний. Переведенный в XII в. на латинский язык трактат Абулькаписа в последующие несколько столетий использовался в качестве основного учебника по хирургии в университетах Европы. В X–XII вв. в Европе врачеванием

¹ Согласно современным взглядам (Д. А. Балалыкин, А. М. Сточик, С. Н. Затравкин и др.), медицина как наука зародилась в Европе в XVII в. [[Балалыкин 2013](#)].

и хирургией, помимо арабских врачей, занимались в основном священнослужители (в том числе некоторые епископы) как наиболее грамотная часть населения. Но в XII–XIII вв. церковь запретила священникам «проливать кровь» и впоследствии кровяные операции прекратят делать и врачи-миряне, чтобы не навлечь на себя гнев церкви. Среди врачей Средневековья выделяется «отец» французской хирургии Ги де Шолиак (G. de Chauliac, 1300–1368), который, будучи не дипломированным врачом, совершал кровяные операции. Вплоть до XVII в. дипломированные врачи почти прекращают оперировать (в том числе проводить ампутации), передав это право цирюльникам и банщикам, для которых операции, включая ампутации, стали таким же ремеслом, как стрижка волос и изготовление париков [Velter, Lamothe 1978: 86–90]. В 1346 г. в битве при Креси на севере Франции впервые в истории было применено огнестрельное оружие. С этого момента появляется еще одна причина травматических ампутации рук и ног от выпущенных из аркебуз свинцовых пуль большого калибра, а также ран, нанесенных каменными или чугунными ядрами [Глянцев 2020: 7–20].

Таким образом, на основе изученных печатных источников, посвященных ампутации конечностей с древности от Гиппократов до Средневековья (де Шолиака), можно сделать следующие выводы: основным показанием для ампутации конечностей являлось омертвление конечностей (гангрена), явные опухоли и уродующие деформации; в редких случаях ампутации из-за травмирующего опыта с огнестрельным оружием; и чаще всего наблюдались случаи самоампутации конечностей в результате омертвления дистальной части ноги или руки после травмы.

Курган 3 могильника *Хар-Зуха-1* находился в Приютненском районе Калмыцкой АССР на территории совхоза «Центральный», он относился к группе курганных могильников *Хар-Зуха*. Курган 3 представлял собой небольшую хорошо выраженную возвышенность. Пятно могильной ямы погребения 1 находилось в самом центре кургана. Оно имело вытянутую подпрямоугольную форму размер: 200 x 100 см. На дне ямы лежал скелет с редким случаем ампутации конечностей, в нашем случае левой голени. Также отсутствовали кости левой кисти и частично кости правой стопы. Возле головки бедра левой ноги и костями предплечья лежали

фрагменты бересты. Фрагменты берестяного предмета были найдены также напротив коленного сустава левой ноги. Автор раскопок из-за расположенности фрагментов бересты вдоль левой стороны туловища и вдоль ампутированной культы предположил, что берестой был обложен несохранившийся костыль. В погребении также были найдены трубчатые кости птицы, большая бедренная кость овцы без проксимального эпифиза. При снятии костяка была обнаружена пастовая бусина сферической формы серого цвета. Насыпь кургана из дерновых «кирпичиков» указала на датировку кургана XIV в. Наличие в могиле заупокойной пищи в виде ноги овцы свидетельствует о языческих верованиях погребения. Погребение датируется эпохой Золотой Орды XIII–XIV вв. [[Очир-Горяева 2017: 231–232](#)].

Целью данного исследования является антропологический анализ редкого случая скелета с прижизненной ампутацией нижних конечностей из вышеописанного могильника Хар-Зуха-1 (курган 3, погребение 1).

2. Материалы и методы

Материалом для исследования послужил редкий случай костных останков с прижизненной ампутацией левой голени из погребения 1 кургана 3 могильника Хар-Зуха-1, расположенного в Приютненском районе Республики Калмыкия. Раскопки проводились в 1991–1992 гг. археологом М. А. Очир-Горяевой [[Очир-Горяева 1992: 37–40](#)].

Костные останки имеют хорошую сохранность, полная анатомическая раскладка показала наличие 55 % костей, зубы сохранились не полностью на верхней челюсти (см. фото 1). Останки были представлены следующими костями:

- череп в целом и нижняя челюсть,
- полный комплекс отдела позвоночника,
- ребра — 11 пар,
- обе ключицы,
- тело грудины и рукоятка,
- целая правая лопатка и фрагментированная левая,
- обе плечевые кости,
- обе лучевые кости,

- обе локтевые кости,
- крючковидная (правая) кость,
- ладьевидная (правая) кость,
- головчатая (правая) кость,
- кость-трапеция (правая),
- трехгранная кость (правая),
- пястные кости правые без большого пальца,
- две проксимальные фаланги,
- крестец,
- обе тазовые кости (у левой отколот фрагмент лобковой кости),
- обе бедренные кости,
- большеберцовая кость правая и обрубок (культя) левая,
- малоберцовая кость правая,
- пяточная кость (правая),
- таранная кость (правая),
- медиально клиновидная кость (правая),
- плюсовая кость (правая).

Собранные кости хранятся в фондах остеологических материалов Калмыцкого научного центра РАН (далее — КалмНЦ РАН). На костях, помимо явного отсутствия 2/3 левой голени, были зафиксированы следы репарации средней зоны лицевого скелета.

Исследование включало в себя установление половозрастной принадлежности индивида с использованием традиционных антропологических методик измерения черепа и посткраниального скелета по стандартам антропологов В. П. Алексеева и Г. Ф. Дебеча [Алексеев, Дебеч 1964; Алексеев 1966; Рогинский, Левин 1978], а также [Зубов 1968].

В процессе работы с антропологическим материалом применялась стандартная программа регистрации патологических и стрессовых маркеров, разработанная А. П. Бужиловой [Бужилова 1992; Бужилова 1998; Синельников и др. 2009].

3. Результаты

Палеоантропологический материал из могильника *Хар-Зуха-1* имеет хорошую сохранность. Определение пола и возраста проводились по черепу и посткраниальному скелету. Основным призна-

Фото 1. Полная раскладка скелета
(курган 3, погребение 1 могильника Хар-Зуха-1)

ком в определении пола стали тазовые кости и морфология черепа. Возраст был установлен по степени облитерации швов эндо- и экзокрана. Было установлено, что данный индивид принадлежит к женскому полу, его биологический возраст находится в интервале 35–45 лет (Maturus I).

Индивидуальные особенности на черепе отмечаются переломом средней зоны лица с правой стороны. Отмечены следы репарации костной ткани (см. фото 2).

Имеется прижизненная утрата зубов с правой и с левой стороны со сращением альвеолярных лунок (см. фото 3). Степень зарастания альвеолярных лунок с правой и с левой стороны имеют неоднородный характер. Наблюдается небольшая прогнатия, выступание верхней челюсти относительно нижней. Единственный сохранившийся зуб на верхней челюсти моляр (M_1) имеет стертость эмали вплоть до пульпы. Практически на всех сохранившихся зубах нижней челюсти присутствуют крупные отложения зубного камня. Зубной камень формируется в результате накопления и минерализации зубного налета, что является следствием, во-первых, низкого уровня гигиены полости рта, а во-вторых, его появление

Фото 2. Репарации костной ткани в средней зоне лица (курган 3, погребение 1 могильника Хар-Зуха-1)

связано либо с высоким уровнем потребления протеиновой пищи, содержащей кальций (ускорение минерализации налета), либо же, наоборот, с высоким уровнем потребления углеводистой пищи, оставляющей вязкий налет на зубах [Lieverse 1999: 225–227]. Также зафиксированы признаки пережитого стресса в раннем детстве в виде линейной гипоплазии эмали, что свидетельствует о скудном рационе с дефицитом витаминов и минералов и возможном перенесенном остром инфекционном заболевании [Кишкурно 2023: 133–134]. Над надбровными дугами и в области брегмы имеются следы васкулярной реакции (апельсиновая корка) на холод.

На шейных позвонках (с-VI, с-VII) имеются следы сращения смежных суставных поверхностей. На поясничных позвонках (I-IV, I-V) также имеются небольшие изменения на суставных поверхностях. В целом позвоночный столб остался без видимых патологических изменений.

Большой интерес в посткраниальном скелете вызывает редкий случай прижизненной ампутации на уровне верхней трети голени с неровными краями, имеющей следы репаративной регенерации

Фото 3. Прижизненная утрата зубов (верхняя челюсть) (курган 3, погребение 1 могильника Хар-Зуха-1)

костной ткани (см. фото 4). Данный случай указывает на то, что после потери части левой голени индивид прожил еще продолжительное время. На данный факт косвенно указывает и наличие импровизированного костыля, согласно отчету автора раскопок [Очир-Горяева 2017: 231–232].

С высокой вероятностью можно исключить, что ампутация голени была мерой наказания (на это указывает бережное отношение к погребению индивида). На момент снятия костей было отмечено наличие фрагментов бересты возле коленного сустава левой ноги. Судя по всему, при жизни индивид прикрывал культю тканью. Стоит отметить полное отсутствие левой малоберцовой кости, даже в виде фрагмента культы. Известно, что благодаря малоберцовой кости осуществляется функция поворотов влево и вправо. Поэтому возможно, что с удалением большей части голени и при омертвлении тканей малоберцовая кость при отсутствии функциональности была удалена. Левая культя имеет наибольшую длину 121 мм со следами воспаления на задней поверхности в виде пористости костной ткани. На левых медиальных и латеральных надмышелках бедренной кости также были зафиксированы следы воспаления. Существует ряд состояний, которые могут привести к потере конечности, в том

Фото 4. Большая берцовая кость — культя (левая голень)
(курган 3, погребение 1 могильника Хар-Зуха-1)

числе: врожденные дефекты, самоампутация, предсмертная ампутация, посмертная ампутация, ампутация в качестве наказания и некроз тканей после механической травмы [Micarelli et al. 2018: 7]. Мы исключаем первые пять условий, потому что при осмотре культы отсутствуют признаки, которые характеризуют их. Некроз тканей после механической травмы с последующей ампутацией голени, на наш взгляд, больше всего подходит к данному случаю. Вероятно, голень как наиболее уязвимое место на теле была подвержена механической травме. Травматизм голени обусловлен особенностями анатомии данного сегмента, в частности дефицитом мягких тканей на передней поверхности. Это способствует повышенной ранимости большеберцовой кости и преобладанием тяжелых переломов с отслойкой тканей и образованием некрозов [Артемьев и др. 2021: 309–317]. Отсутствие травм на других длинных костях исключает одномоментный процесс ампутации вследствие травматического происшествия. Проведенное исследование указывает, что индивид ампутировал голень из-за осложнения (деградации) мягких тканей, которые привели к сепсису.

Установить причину смерти данного индивида достаточно сложно, тем не менее, нельзя исключать факт заражения крови через магистральные сосуды голени, что могло повлечь за собой ряд тяжелых осложнений. Следы воспаления на культе частично свидетельствуют об этом (см. фото 5).

Кости правой стороны верхних конечностей имеют чуть больший размер наибольшей длины, чем ее левая сторона. Однако левая бедренная кость длиннее правой по показателям наибольшей длины и длины в естественном положении. Окружность головки также больше левой бедренной, чем правой. Но окружность середины диафиза больше на правой стороне. Визуально левая бедренная кость выглядит более тонкой, а область шероховатой линии не так ярко выражена, как правая. Некоторое истончение левой стороны показывает на праворукость индивида и большую нагрузку на свою правую сторону тела.

Физический тип индивида демонстрирует малую длину плечевых костей при большом значении наименьшей окружности диафиза и высотных значений показателей поперечного сечения, с

Фото 5. Большая берцовая кость — культя (левая голень). Следы воспаления (курган 3, погребение 1 могильника *Хар-Зуха-1*)

перекосом в левую сторону (80,9 к 77,3 правой). Кости предплечья показывают средние значения. Указатели платолении указывают на гиперэуролению, т. е. проксимальная часть диафиза локтевой кости имеет квадратное сечение. Исследуемые параметры бедренных костей находятся в интервале больших значений с округлой формой поперечного сечения верхней части диафиза. Длина большеберцовой кости (правая) имеет большой размер. Размер левого обрубка большеберцовой кости составляет 121 мм. Указатель массивности верхних конечностей показал средние значения. Указатель пилястрии показывает данные 98,1 (правая сторона) и 108,7 (левая сторона), что указывает на развитие шероховатой линии и развитии пиля-

стра. Пилястр связан с развитием прямохождения. Прямохождение увеличивало нагрузку на бедро, требовало укрепления кости и усилением мускулов бедра. Показатели пилястра у данного индивида варьируются в средних и нижнесредних значениях. Вероятнее всего, подобные изменения произошли после ампутации голени, когда движения индивида стали ограниченными. Индекс массивности голени отражает средние значения. Форма сечения правого диафиза большеберцовой кости характеризуется эурикнемией. Более подробная остеологическая характеристика показана в таблице 1.

Таблица 1. Остеологическая характеристика

№ по Мартину и название признаков, мм	Правая сторона	Левая сторона
Ключица (Clavicula)		
1. Наибольшая длина ключицы	132,5	132
4. Вертикальный диаметр ключицы	9,5	9
5. Сагиттальный диаметр ключицы	12	13
6. Окружность ключицы	37	35
Плечевая кость (Humerus)		
1. Наибольшая длина	289	284
2. Общая длина	284	280
3. Ширина верхнего эпифиза	45	46
4. Ширина нижнего эпифиза	60	60
6. Наименьшая ширина середины диафиза	17	17
5. Наибольшая ширина середины диафиза	22	21
7а. Окружность середины диафиза	63	63
7. Наименьшая окружность диафиза	60	59
8. Окружность головки плечевой кости	132	132
9. Наибольшая ширина головки плечевой кости	45	45
10. Вертикальный диаметр головки плечевой кости	45	45,5
Локтевая кость (Ulna)		
1. Наибольшая длина	242	241
2. Физиологическая длина	213	213
11. Сагиттальный диаметр диафиза	15	15,5

14. Верхний сагиттальный диаметр диафиза	17	17,5
12. Ширина диафиза	12,5	12
13. Верхняя ширина диафиза	17	17,5
3. Наименьшая окружность диафиза	35	36
Лучевая кость (Radius)		
1. Наибольшая длина	224	221
2. Физиологическая длина	213	211
4. Ширина диафиза	18	17
4а. Ширина середины диафиза	16,5	15,5
5. Сагиттальный диаметр диафиза	12	12
3. Наименьшая окружность диафиза	40	39
5(5). Окружность середины диафиза	43	41
Тазовая кость (Os coxae)		
1. Высота таза	199	–
2. Наибольшая ширина таза	254	
12. Ширина подвздошной кости	160	–
Крестцовая кость (Os sacrum)		
1. Длина тазовой поверхности крестцовой кости	108	
2. Передняя высота крестцовой кости	102	
5. Верхняя ширина крестцовой кости	111	
Бедренная кость (Femur)		
1. Наибольшая длина	416	422
2. Общая длина в естественном положении	410	415,5
21. Ширина нижнего эпифиза	77	79
6. Сагиттальный диаметр диафиза (на уровне наибольшего развития шероховатой линии)	26	25
10. Верхний сагиттальный диаметр диафиза	29	27
7а. Ширина середины диафиза	26,5	23
9. Верхняя ширина диафиза	24,5	23,5
верхний наименьший диаметр	24	22,5
верхний наибольший диаметр	30	27,5
18. Вертикальный диаметр головки бедренной кости	46	47

19. Сагиттальный диаметр головки бедренной кости	46	47
20. Окружность головки бедренной кости	146	150
8. Окружность середины диафиза	83	74
4. Общая длина от большого вертела в естественном положении	387	391
5. Длина диафиза бедренной кости	308	311
5а. Длина диафиза бедренной кости по передней поверхности	315	322
7. Ширина диафиза на уровне наибольшего развития шероховатой линии	29	25
Большая берцовая кость (Tibia)		
1а. Наибольшая длина	330	121
1. Общая длина	334	114
3. Ширина верхнего эпифиза	72	70
6. Ширина нижнего эпифиза	45	–
8. Наибольший сагиттальный диаметр середины диафиза	27,5	–
8а. Сагиттальный диаметр диафиза на уровне питательного отверстия	31	–
9. Ширина середины диафиза	22	–
9а. Ширина диафиза на уровне питательного отверстия	23	–
10. Окружность середины диафиза	79	–
10а. Окружность диафиза на уровне питательного отверстия	86	–
10б. Наименьшая окружность диафиза	72	–
Малая Берцовая кость (Fibula)		
1. Наибольшая длина	331	–
2. Наибольшая ширина середины диафиза	16	–
3. Наименьшая ширина середины диафиза	11	–
4а. Наименьшая окружность диафиза	39	–

Пропорции тела демонстрируют укороченность верхних конечностей относительно к удлинённым нижним. На это указывают

малые величины показателя интермембранного указателя. Помимо этого, исходя из малых значений лучеплечевого и берцово-бедренного указателей наблюдается удлинение сегментов нижних конечностей скелета. Лучеплечевой указатель для правой и левой сторон попадает в категорию мезатикеркия (см. табл. 2). Для определения реконструкции длины тела использовались данные таблицы М. Троттер и Г. Глезер [[Алексеев, Дебец 1964: 234](#)]. Данный индивид имел длину тела примерно 155–157 см, что по рубрикации Мартина считается средними величинами.

Таблица 2. Реконструированные показатели пропорции тела

Признак	Правая сторона	Левая сторона
Указатель прочности ключицы	27,9	26,5
Указатель прочности плечевой кости	20,8	20,7
Указатель прочности локтевой кости	16,4	16,9
Указатель наибольшей длины локтевой кости	113,6	113,1
Указатель платолении	100,0	100,0
Указатель прочности лучевой кости	18,7	18,4
5:4 Указатель поперечного сечения диафиза	66,6	70,6
Указатель окружности середины диафиза лучевой кости	20,2	19,4
Высотно-широтный указатель таза	78,3	–
Широтно-высотный указатель таза	127,6	–
Указатель массивности бедренной кости	20,7	18,0
8:2 Указатель массивности	20,2	17,8
6:7а Указатель пилэстрии	98,1	108,7
10:9 Указатель платимерии	118,4	114,8
Указатель массивности диафиза бедренной кости I	26,9	23,8
Указатель массивности диафиза бедренной кости II	26,3	22,9
Указатель прочности бедренной кости	13,7	12,2

Указатель поперечного сечения середины диафиза большой берцовой кости	80,0	–
Указатель платикнемия (эурикнемия)	74,2	–
Указатель массивности большой берцовой кости	23,6	–
Указатель прочности большой берцовой кости	21,5	–
Указатель прочности малой берцовой кости	11,8	–
Указатель поперечного сечения диафиза малой берцовой кости	68,7	–
Широтно-высотный указатель крестцовой кости	108,8	–
R1:H1 Лучеплечевой указатель	77,5	77,8
T1: F2 Берцово-бедренный указатель	83,5	–
H1+R1/ F2+T1 Интермембральный указатель	69,8	–
H1:F2 Плечебедренный указатель	72,2	69,2
R1:T1 Лучеберцовый указатель	67,0	–

4. Сравнительный анализ средних значений женской серии золотоордынского захоронения из раскопок могильника *Натухаевское 5*

Для общей оценки остеологических данных из курганного могильника *Хар-Зуха-1* был проведен сравнительный анализ средних значений женской серии золотоордынского захоронения из раскопок могильника *Натухаевское 5*. Могильник *Натухаевское 5* исследовался в районе Новороссийска в 2013–2014 гг. Институтом археологии РАН (ИА РАН) под руководством А. В. Бонина. Экспертиза антропологических материалов проводилась К. А. Петровой [Петрова 2023]. Для сравнительного анализа были взяты следующие характеристики: R1:H1 – лучеплечевой указатель; T1:F2 – берцово-бедренный указатель; H1+R1/ F2+T1 – интермембральный указатель; H1:F2 – плечебедренный указатель; R1:T1 – лучеберцовый указатель. Из-за ампутации левой голени не брались в расчет данные по левой голени

(культе). Учитывая общую инвалидность индивида из могильника *Хар-Зуха-1*, наблюдается некоторая схожесть данных в лучеберцовом указателе с женской серией из могильника *Натухаевское 5*. Интермембральный указатель показал разницу показателей 0,8 в пользу *Натухаевского 5* захоронения, с таким же разрывом разницы и у плече-бедренного указателя. Данные лучеплечевого указателя в могильнике *Хар-Зуха-1* оказался выше на 3 единицы, составив в среднем 77,65 к 74,5 могильника *Натухаевское 5*. Возможно, из-за инвалидности индивида из могильника *Хар-Зуха-1* наблюдаются различия, в особенности по лучеплечевому указателю (см. таблица 3).

Таблица 3. Сравнительная характеристика данных остеометрии эпохи Золотой Орды

Признаки			R1:H1	T1:F2	H1+R1/ F2+T1	H1:F2	R1:T1
Мо- гильник	<i>Натухаев- ское 5</i>	Среднее	74,5	81,8	70,6	73,0	66,6
	<i>Хар-Зуха-1</i>	Правая	77,5	83,5	69,8	72,2	67,0
		Левая	77,8	—	—	69,2	66,6

5. Выводы

В ходе анализа костных останков с прижизненной ампутацией голени из кургана 3 погребения 1 могильника *Хар-Зуха-1* сделаны следующие выводы. Кости принадлежали женщине, ее биологический возраст находился в интервале 35–45 лет. Индивид имел при жизни травмы лицевого скелета в средней зоне лица, отмечены прижизненные потери зубов, а также большое количество отложения зубного камня и гипоплазия эмали. Это указывает на рацион питания с употреблением углеводистой пищи или пищи, богатой кальцием, а также о дефиците витаминов и минеральных веществ и возможном перенесенном инфекционном заболевании в детстве.

Реконструируемая длина тела показала средние значения (155–157 см) с удлинненными нижними конечностями относительно верхних конечностей. Остеометрические данные также показали, что ампутация 2/3 левой голени повлияла на костную структуру организма. Так, наблюдается более слаборазвитая левая сторона тела относительно правой стороны, что могло быть обусловлено инвалидностью индивида и его праворукостью. Дистрофия левой

бедренной кости не могла протекать быстро, очевидно индивид после потери части голени прожил достаточное время, чтобы подобные изменения в костях произошли, также это указывает на малоподвижный образ жизни. Последние годы жизни индивид вел неактивный образ жизни. Из-за характера захоронения исключается факт наказания индивида в виде ампутации. Вероятнее всего, голень как наиболее уязвимое место на теле была подвержена механической травме с последующей ампутацией. Проведенное исследование указывает на то, что индивид ампутировал голень из-за осложнения после перенесенной механической травмы.

Исторический опыт показывает, что люди в древности и Средневековье редко склонялись к самому факту ампутации, стараясь лечить травмы медикаментозно. Возможно, нерешительность в радикальном способе лечения повлияла на срок жизни данной женщины.

Данная работа не претендует на завершенность и может быть расширена дополнительными естественно-научными методами исследования.

Литература и источники

- Абулкасим 1983 — *Абу-л-Касим Халаф ибн Аббас аз Захрави*. Трактат о хирургии и инструментах: пер. с араб. М.: Наука, 1983. 283, XVI с., 317 с. староараб. паг. : ил., факс.
- Алексеев 1966 — *Алексеев В. П.* Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 252 с.
- Алексеев, Дебец 1964 — *Алексеев В. П., Дебец Г. Ф.* Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 127 с.
- Артемьев и др. 2021 — *Артемьев А. А., Иванов П. А., Кашуб А. М., Григорьев М. А., Соловьев Ю. С., Сысоев И. А.* Укорачивающая резекция и коррекция длины голени при лечении посттравматических дефектов большеберцовой кости, осложненных остеомиелитом // Журнал им. Н. В. Склифосовского «Неотложная медицинская помощь». 2021. № 10(2). С. 309–317.
- Балалыкин 2013 — *Балалыкин Д. А.* Зарождение медицины как науки в период до XVII века. 2-е изд. М.: Литтерра, 2013. 252 с.
- Бужилова 1992 — *Бужилова А. П.* Изучение физиологического стресса у древнего населения по данным палеопатологии // Экологические

- аспекты палеоантропологических и археологических реконструкций / отв. ред. В. П. Алексеев. М.: ИА РАН, 1992. С. 78–104.
- Бужилова 1998 — *Бужилова А. П.* Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: Старый Сад, 1998. 260 с.
- Гиппократ 1936 — *Гиппократ.* Избранные книги (пер. В. И. Руднева). М.: Государственное издательство биологической и медицинской литературы, 1936. 736 с.
- Глянцев 2020 — *Глянцев С. П.* Искусство, ремесло и наука ампутации конечностей. Часть 1. Искусство и ремесло ампутации: от Гиппократа до Амбруаза Паре (V в. до н. э. – XVI в.). Раны и раневые инфекции // Журнал имени проф. Б. М. Костюченка. 2020. № 7(1). С. 6–25.
- Зубов 1968 — *Зубов А. А.* Одонтология: методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 200 с.
- Кишкурно 2023 — *Кишкурно М. С.* Результаты исследования заболеланной зубочелюстной системы населения Верхнего Приобья раннего железного века (по материалам могильника Быстровка-3) // *Camera praehistorica*. 2023. № 2 (11). С. 130–143.
- Лахтин 1901 — *Лахтин М. Ю.* Большие операции в истории хирургии. М.: Унив. тип., 1901. 222 с.
- Очир-Горяева 1992 — *Очир-Горяева М. А.* Отчет об исследовании курганного могильника Хар-Зуха в Приютненском районе КАССР в 1991 г. Элиста, 1992 // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. 1992. Ф. 14. Оп. 2. Д. 68. 81 л.
- Очир-Горяева 2017 — *Очир-Горяева М. А.* Древние некрополи Ергенинской возвышенности. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 420 с.; ил.
- Петрова 2023 — *Петрова К. А.* Население золотоордынского времени Восточно-Причерноморского региона по данным остеометрии (по материалам раскопок могильника Натухаевское 5) // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. 2023. № 4. С. 103–116.
- Рогинский, Левин 1978 — *Рогинский Я. Я., Левин М. Г.* Антропология. М.: Высшая школа, 1978. 528 с.
- Савельев, Кошкин 1997 — *Савельев В. С., Кошкин В. М.* Критическая ишемия нижних конечностей. М.: Медицина, 1997. 160 с.
- Синельников и др. 2009 — *Синельников Р. Д., Синельников Я. Р., Синельников А. Я.* Атлас анатомии человека: уч. пособ. в 4 тт. 7-е изд., перераб. Т. 1. М.: Новая волна; издатель Умеренков, 2009. 344 с.: ил.
- Цельс 1956 — *Цельс А. К.* О медицине. В 8 кн.: пер. с лат. М.: Второй МГМИ им. Пирогова, 1959. 407 с.

- Buquet-Marcon 2007 — *Buquet-Marcon C., Philippe C., Anaick S.* The oldest amputation on a Neolithic human skeleton in France. *Nat Prec*, 2007. Pp. 1–19.
- Lieverse 1999 — *Lieverse A. R.* Diet and aetiology of dental calculus // *International Journal of Osteoarchaeology*. 1999. Vol. 9. No. 4. Pp. 219–232.
- Maloney et al. 2022 — *Maloney T. R., Dilkes-Hall I. E., Vlok M., Oktaviana A. A., Setiawan P., Priyatno A. A. D., Ririmasse M., Geria I. M., Effendy M. A. R., Istiawan B., Atmoko F. T., Adhityatama Sh., Moffat I., Joannes-Boyau R., Brumm A., Aubert M.* Surgical amputation of a limb 31,000 years ago in Borneo // *Nature*. 2022. Vol. 609. Pp. 547–567.
- Micarelli et al. 2018 — *Micarelli I., Paine R., Giostra C., Tafuri M-A., Profico A., Boggioni M., Vincenzo F.D., Massani D., Papini A., Manzi G.* Survival to amputation in pre-antibiotic era: a case study from a Longobard necropolis (6th-8th centuries AD) // *Journal of Anthropological Sciences*. Vol. 96. 2018. Pp. 1–16.
- Velter, Lamothe 1978 — *Velter A., Lamothe M.-J.* *Les Outils. Du Corps*. Paris: Hier et Demain, 1978. 303 p.

Археологические коллекции, сформированные по результатам раскопок на территории Калмыкии, как источник по истории средневековья

Эрдни Анатольевич Кекеев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник

 0000-0002-2460-8518. E-mail: kekeev.kekeev[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Кекеев Э. А., 2024

Аннотация. *Введение.* Археологические коллекции эпохи средневековья, сформированные по результатам раскопок на территории Калмыкии, в настоящее время хранятся в музеях России: Национальном музее Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова (г. Элиста), Саратовском областном музее краеведения (г. Саратов), Государственном историческом музее (г. Москва), Институте археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань), а также в нескольких общественных музеях Калмыкии. *Целью* статьи является анализ археологических коллекций, сформированных по результатам раскопок на территории Калмыкии, как источника по истории эпохи средневековья. *Результаты.* Находки средневековья были рассмотрены по происхождению, материалу изготовления, категориям инвентаря, использованию в музейных экспозициях, по степени введения их в научный оборот. Установлено, что в фондах указанных музеев хранится более 1 500 ед. хр., которые происходят из погребальных и поселенческих памятников, обнаруженных на территории Калмыкии. Изучение распределения находок по материалу изготовления показало, что большая часть предметов являются изделиями из железа — 49,3 %, бронзы — 8,9 % и глины — 5,7 %. Погребальный инвентарь данного периода представлен несколькими основными категориями: предметы вооружения и элементы конской упряжи, глиняная посуда, личные предметы и украшения. Находки из поселенческих памятников представлены

фрагментами черепицы, керамики и т. д. Анализ востребованности изучаемых предметов эпохи средневековья показал, что находки из Калмыкии мало используются в музейно-выставочной работе и являются частью постоянной экспозиции только в Национальном музее Республики Калмыкия.

Ключевые слова: Калмыкия, Национальный музей Республики Калмыкия, Саратовский областной музей краеведения, Государственный исторический музей, музейные фонды, археологические коллекции, археологические находки, эпоха средневековья

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Кекеев Э. А. Археологические коллекции, сформированные по результатам раскопок на территории Калмыкии, как источник по истории средневековья // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 2. С. 170–190. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-2-30-170-190

Archaeological Collections Formed According to the Results of Excavations on the Territory of Kalmykia, as a Source on the History of the Middle Ages

*Erdni A. Kekeev*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

 Junior Research Associate

0000-0002-2460-8518. E-mail: kekeev.kekeev[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Kekeev E. A., 2024

Abstract. Introduction. The archaeological collections of the Middle Ages, formed by the results of excavations on the territory of Kalmykia, are currently stored in museums in Russia: The National Museum of the Republic of Kalmykia named after N. N. Palmov (Elista), the Saratov Regional Museum of Local Lore (Saratov), the State Historical Museum (Moscow), the A. H. Khalikov Institute of Archaeology of the Academy

of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan), as well as in several public museums of Kalmykia. *The purpose* of the article is to analyze the archaeological collections formed by the results of excavations on the territory of Kalmykia as a source on the history of the Middle Ages. *Results*. The analysis was carried out, during which the finds of the Middle Ages were considered by origin, material of manufacture, categories of inventory, use in museum exhibitions, and the degree of their introduction into scientific circulation. It has been established that the funds of these museums contain more than 1,500 units, which originate from funerary and settlement monuments found on the territory of Kalmykia. The study of the distribution of finds by material of manufacture showed that most of the items are made of iron — 49.3%, bronze — 8.9% and clay — 5.7%. The funeral inventory of this period is represented by several main categories: weapons and elements of horse harness, pottery, personal items and jewelry. Finds from settlement monuments are represented by fragments of tiles, ceramics, etc. The analysis of the relevance of the studied objects of the Middle Ages showed that finds from Kalmykia are little used in museum and exhibition work and are part of the permanent exhibition only in the National Museum of the Republic of Kalmykia.

Keywords: Kalmykia, National Museum of the Republic of Kalmykia, Saratov Regional Museum of Local Lore, State Historical Museum, museum funds, archaeological collections, archaeological finds, the Middle Ages

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 “The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups”.

For citation: Kekeev E. A. Archaeological Collections Formed According to the Results of Excavations on the Territory of Kalmykia, as a Source on the History of the Middle Ages. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2024; 2: 170–190. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-2-30-170-190

1. Введение

Одним из развивающихся направлений в современной российской археологической науке является работа по совершенствованию работы по организации комплектования, учета, хранения и использования археологических предметов. Часть этих исследований посвящена как изучению коллекций отдельных памятников, так и исследованию фондов отдельных музеев, систематизации коллекций и введению их в научный оборот [[Антонов 2016: 74–90](#); [Горбунов 2017: 227–235](#); [Борисов, Илюшин 2019: 29–34](#); [Дикий 2019: 96–101](#); [Казанцева 2019: 57–66](#); и др.].

Данное исследование является продолжением работы автора по изучению коллекций, сформированных в результате исследования памятников на территории Калмыкии. В результате детально изучены коллекции отдельных памятников (*Лола, Архара, Восточный Маныч, Тачин Царанг* и др.) [Кекеев 2017: 91–110; Кекеев 2013: 27–30; и др.] и проведен анализ состояния коллекций, хранящихся в Национальном музее Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова и Саратовском областном музее краеведения, а также отдельно были рассмотрены коллекции бронзового и раннего железного веков [Кекеев 2021а: 806–824; Кекеев 2021б: 141–154; Кекеев 2021в: 150–164; Кекеев 2022: 81–105; Кекеев 2023: 36–59].

Целью данного исследования является анализ археологических коллекций, сформированных по результатам раскопок на территории Калмыкии, как источника по истории средневековья, в частности анализ находок по происхождению, материалу изготовления, категориям инвентаря, использованию в экспозиции и на выставках, степени их введения в научный оборот.

2. Материалы

Основными источниками для проведенного исследования стали Книги поступлений, описи археологических фондов и акты передачи предметов Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова (далее — НМ РК), Саратовского областного музея краеведения (далее — СОМК), Государственного исторического музея (далее — ГИМ) и Института археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (далее — ИА АН РТ). Для установления культурно-хронологической принадлежности археологических находок была использована информация из полевых отчетов, хранящихся в Научных архивах Калмыцкого научного центра РАН и Института археологии РАН, и публикаций [Синицын, Эрдниев 1971; Синицын 1978а; Синицын 1978б; Шнайдштейн 1981: 78–120; Шнайдштейн 1985: 79–94; Очир-Горяева 2008; Бембеева, Очир-Горяева 2021; и др.].

В результате предыдущих исследований установлено, что в СОМК поступили археологические находки из раскопок на территории Калмыкии 1929–1937 гг., а после 1961 г. большая часть находок была передана в НМ РК, а меньшая в ГИМ [Кекеев 2022:

84–85]. Коллекции из раскопок городищ *Башанта-I* и *II* были переданы в НМ РК и ИА АН РТ.

3. Общая характеристика памятников археологии средневековья и выявление наиболее представленных могильников

В отличие от коллекций раннего железного века, предметы эпохи средневековья представлены находками не только из погребальных памятников, но и из памятников поселенческого типа. К первому типу относятся подкурганные захоронения, а ко второму — поселения.

Как и находки раннего железного века, большая часть предметов эпохи средневековья поступила из раскопок подкурганных погребений. Кроме этого, на территории республики исследовано три поселенческих средневековых памятника: *Заханата*, *Башанта-I* и *II*.

По данным М. А. Очир-Горяевой и Л. А. Бембеевой, в период с 1929 по 2009 гг. на территории Республики Калмыкия исследовано 4 368 погребений, из которых эпохой средневековья датировано 383 погребения (8,8 %) [*Очир-Горяева 2008: 248–252; Бембеева, Очир-Горяева 2021: 50–53*].

4. Анализ распределения фондов археологических находок по материалу изготовления и категориям инвентаря с описанием выделяющихся комплексов

В фондах НМ РК, СОМК и ГИМ хранятся 1 230 находок из погребальных памятников эпохи средневековья. Большая часть изготовлена из железа (607 ед. хр. — 49,3 %), бронзы (110 ед. хр. — 8,9 %), глины (70 ед. хр. — 5,7 %) и кости (69 ед. хр. — 5,6 %). Всего 787 находок (64 %) изготовлено из этих материалов. Следующими являются дерево (62 ед. хр. — 5 %), кожа (47 ед. хр. — 3,8 %), ткань и шелк (47 ед. хр. — 3,8 %), береста (28 ед. хр. — 2,3 %), камень (17 ед. хр. — 1,4 %), кремьень (16 ед. хр. — 1,3 %), серебро (15 ед. хр. — 1,2 %) и стекло (13 ед. хр. — 1,1 %). Всего из этих материалов изготовлено почти 70 % находок. Остальные предметы изготовлены из пасты, зубов, мела, раковин, меди, рога и т. д.

Памятники поселенческого типа представлены коллекциями городищ *Башанта I* и *II*, которые хранятся в НМ РК (60 ед. хр.) и в ИА АН РТ (523 ед. хр.). Предметы являются фрагментами глиняных сосудов, черепицы, каменных строительных блоков и др. Изготовлены они из глины и камня.

Более представительные комплексы происходят из погребальных памятников. Основными категориями погребального инвентаря являются предметы конской упряжи, предметы вооружения, личные украшения, культовые предметы, посуда, элементы костюма, бытовые и хозяйственные предметы.

Из предметов конской упряжи самыми распространенными являются стремяна (фото 1, 2), удила, фрагменты седла и металлические элементы упряжи. Большая часть предметов данной категории инвентаря дошла до наших дней в виде фрагментированных изделий. В основном сохранились лишь части, изготовленные из железа. Большая часть из них представляет собой сильно корродированные фрагменты. Единственный комплекс конского снаряжения, изготовленный из золота, был обнаружен в карьере Чолун Хамур в начале марта 1961 г. Здесь рабочей техникой было разрушено погребение золотоордынского времени. Кроме костей человека, строители извлекли фрагменты железных предметов и обкладку седла, которая была сделана из очень массивной золотой пластины с растительным изящным орнаментом по внешнему краю. Центральное поле обкладки луки седла украшено рельефным фигурным ободком и тремя круглыми небольшими бляшками. Такие же бляшки крепились с помощью штифтов на ремни конского оголо-

Фото 1. Железное стремя. Могильник *Тачин Царанг*. Группа 1 (1972 г.), курган 1, погребение 3. НМ РК [Кекеев 2017: 103, рис. 2]

Фото 2. Железное стремя. Могильник *Тачин Царанг*.
Группа 1 (1972 г., номер кургана и погребение не известно).
НМ РК [Кекеев 2017: 107, рис. 12]

Фото 3. Золотая обкладка седла. Каменный карьер *Чолун Хамур*
(1961 г.). Случайная находка. НМ РК. Фото М. А. Очир-Горяевой

вья. Золотой оконечник сбруйного ремня украшен орнаментом в виде полумесяца (фото 3) [Очир-Горяева 2008: 204].

Среди предметов наступательного и защитного вооружения в изучаемых коллекциях выделяется клинковое оружие, к основным

Фото 4. Обкладки лука, концевые (кость). Могильник Дюкер (1982 г.), курган 15, погребение 1. НМ РК [Буратаев 2017а: 88, рис. 4]

Фото 5. Обкладки лука, срединные (кость). Могильник Дюкер (1982 г.), курган 15, погребение 1. НМ РК [Буратаев 2017а: 88, рис. 5]

видам которого обычно относят железные мечи и кинжалы, фрагменты костяных накладок луков и колчанов (фото 4, 5).

Самой знаменитой находкой могильника *Гува-1* (курган 2, погребение 1) был колчан с костяными обкладками золотоордынского времени [Шнайдштейн 1978: 56–57]. Он относится к редким экземплярам со сложным зооморфным и растительным узором. Художественному оформлению этого колчана было посвящено специальное исследование (илл. 1) [Гаврилина 1981: 120–135]. В НМ РК также хранятся фрагментированные костяные накладки колчанов из других подкурганых захоронений (фото 6).

Из категории посуды выделяется керамическая посуда, представленная сосудами различных размеров и форм (фото 7, 8).

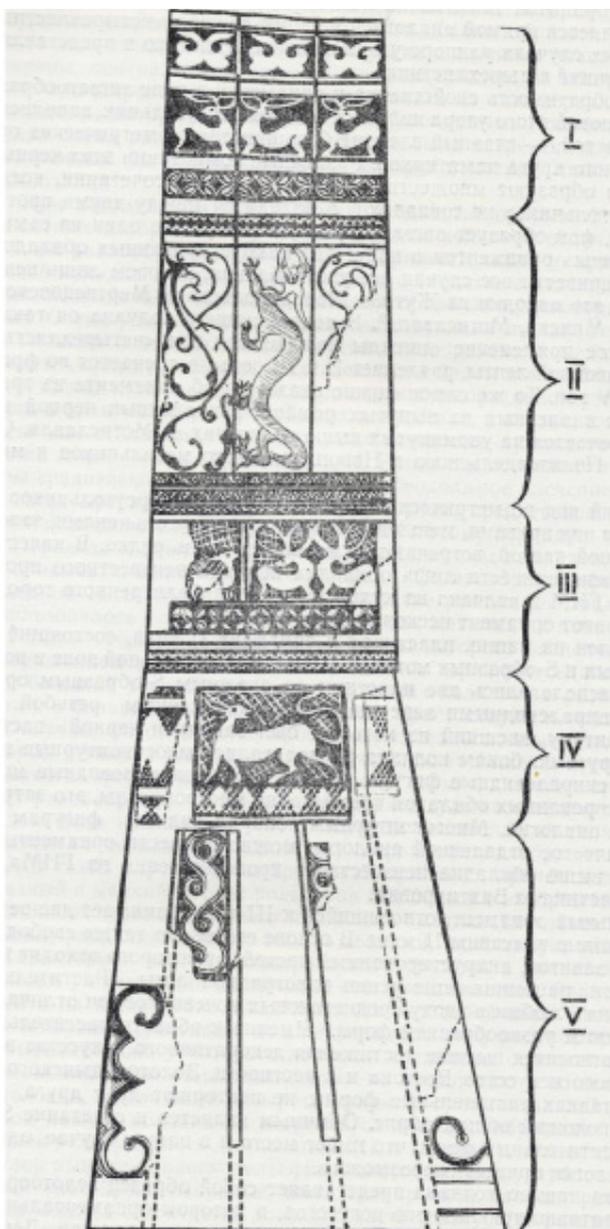
Отдельно необходимо описать половецкие каменные изваяния *бабаи*, часть из которых является случайными находками. Часть из них происходит из погребальных памятников. В 2018 г. Е. Г. Буратаевым была проведена работа по анализу этих каменных изваяний, хранящихся в НМ РК (три каменные статуи и фрагменты двух не полностью сохранившихся каменных изваяний). Первое из них было найдено, предположительно, на территории Городовиковского района, а именно в окрестностях с. Пушкинское¹ (илл. 2). Второе каменное изваяние найдено *in situ* в пределах курганной насыпи. находка была сделана во время раскопок курганов группы *Восточный Маныч* в 1965 г. Происхождение третьего изваяния, поступившего в 1984 г. и хранящегося под номером ВХ 362, неизвестно (илл. 3). Четвертое изваяние было найдено в ходе строительных работ в окрестностях г. Элисты в 1997 г.² Также неизвестно место обнаружения пятого изваяния, поступившего в 2011 г.³ [Буратаев 2018: 9–25]. Кроме изваяний собрания НМ РК, известно еще одно — хранящееся в Яшалтинском краеведческом музее им. В. И. Педера. Статуя найдена в 2002 г. *in situ* в кургане бронзового века могильника *Бага Туктун* (Бага Бурул) (фото 9) [Шишлина 2002; Леонова 2018: 254–264].

Из категории одежды выделяются фрагменты костюма, изготовленные из шелка. В 2021 г. вышла статья М. А. Очир-Горяевой и Е. Г. Буратаева

¹ Инвентарный номер КП 129.

² Инвентарный номер ВХ 1028.

³ Инвентарный номер НВФ 5061/130.

Илл. 1. Берестяной колчан. Реконструкция. Могильник *Гува*. Группа 1 (1975 г.), курган 2, погребение 1 [Гаврилина 1981: 124, рис. 1]

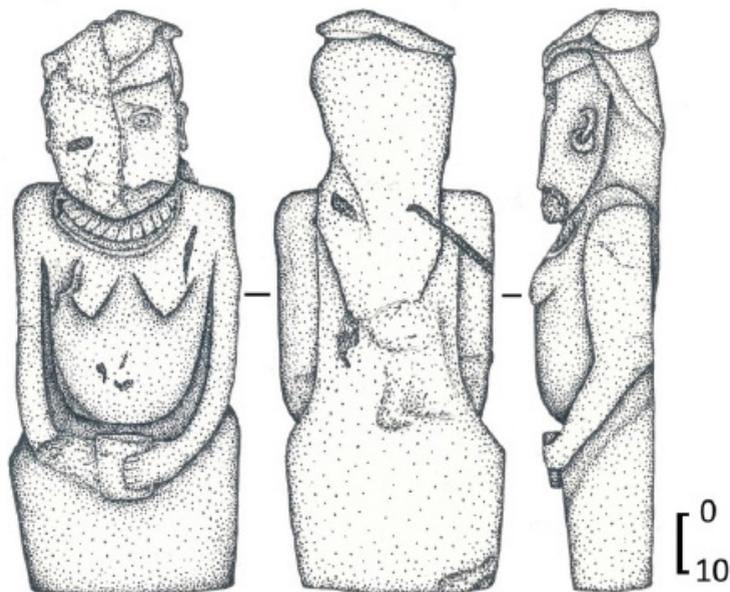
Фото 6. Накладки костяные колчана во фрагментах. Могильник Тачин Царанг. Группа 3 (1972 г.), курган 1, погребение 1. НМ РК.
Фото Э. А. Кекеева

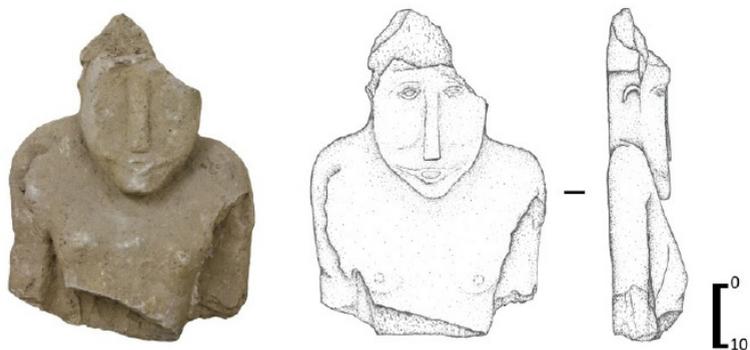
Фото 7. Глиняный сосуд. Элистинский могильник (1964 г.), курган 23, погребение 2. НМ РК. Фото Э. А. Кекеева

Фото 8. Глиняный сосуд. Могильник *Восточный Маныч*. Левый берег. Группа 3 (1966 г.), курган 13, погребение 3. НМ РК. Фото Э. А. Кекеева

Илл. 2. Каменное изваяние-бабай. Предположительное место находки: окрестности с. Пушкинское, Городовиковский район. НМ РК (рис. С. В. Шаральдинова) [Буратаев 2018: 22, рис. 1]

Илл. 3. Каменное изваяние-бабай. Место находки неизвестно. НМ РК (рис. С. В. Шаральдинова) [Буратаев 2018: 24, рис. 3]

Фото 9. Каменное изваяние-бабай. Могильник Бага Туктун (Бага Бурул), курган 5, погребение 3. Яшалтинский краеведческий музей им. В. И. Педера (с. Яшалта, Республика Калмыкия). Фото Э. А. Кекеева

таева, где приведен наиболее полный обзор золотоордынских погребений, исследованных на территории Калмыкии, в которых были обнаружены остатки шелковой одежды, сохранность которых позволила определить качество и рисунок ткани. В этот список вошли погребение 1 кургана 7 могильника *Промзона*, погребение 1 кургана 3 могильника *Ики-Зегиста*, погребение 1 кургана 8 могильника *Гува-2*, погребение 1 кургана 2 могильника *Большой Царын-1а* [Очир-Горяева, Буратаев 2021: 1210–1225]. Ранее фрагменты ткани из могильника *Гува-2* были исследованы З. В. Доде и А. С. Петровым [Доде 2014: 54–66; Петров 2014: 67–74]. Сохранность материала из погребения могильника *Ики-Зегиста* позволила провести реставрационные работы и реконструировать орнамент. Фрагменты шелка были определены известным специалистом Е. В. Елкиной, они были отнесены к внутренней одежде типа рубашки, сшитой из узорного шелка византийского происхождения. Узор в виде орнаментального кольца диаметром 25 см с изображением внутри них пары птиц у «дерева жизни». Птицы украшены ожерельями на шеях и полосками с пятнышками-перлами на крыльях и хвостах. По мнению Е. В. Елкиной, орнамент с парными птицами и «деревом жизни» в кольце с орнаментом «побежком» является хрестоматийно византийским для XII в. (фото 10) [Елкина 2009].

Аналогичная находка происходит из погребения 6 кургана 1 группы 3 могильника *Тачин Царанг*. Из данного погребения в НМ РК хранятся несколько фрагментов ткани¹, среди которых выделяется один крупный (размерами 12 x 15 см). Хотя цвет ткани сильно изменился, все фрагменты очень темные. Несмотря на это, на всех фрагментах просматривается рисунок, состоящий из растительного орнамента и парных изображений птиц, зеркально расположенных друг к другу, этот сюжет повторяется и ранее представлял собой единый орнамент, который покрывал всю поверхность ткани (фото 11).

5. Анализ сохранности фондов и степень их использования в музейно-выставочной деятельности

В результате изучения фондов археологических находок отмечено, что часть глиняных сосудов поступала в музей в уже отреставрированном виде. Однако сделанная на скорую руку реставрация и, порой, несоответствующие условия хранения привели к

¹ Инвентарный номер Р-Л 475.

тому, что часть предметов дошла до нас снова во фрагментированном виде.

Анализ физического состояния находок из категории предметов вооружения и элементов конской упряжи показал, что чаще всего металлические изделия подвергались небольшой реставрации (пропитке), особенно это касается железных мечей. Физическое состояние предметов, изготовленных из драгоценных металлов, можно оценить как очень хорошее. Дополнительную защиту предметов, изготовленных из драгоценных металлов, обеспечивает их хранение в специальном фонде.

Большая часть вышеописанных комплексов, за исключением

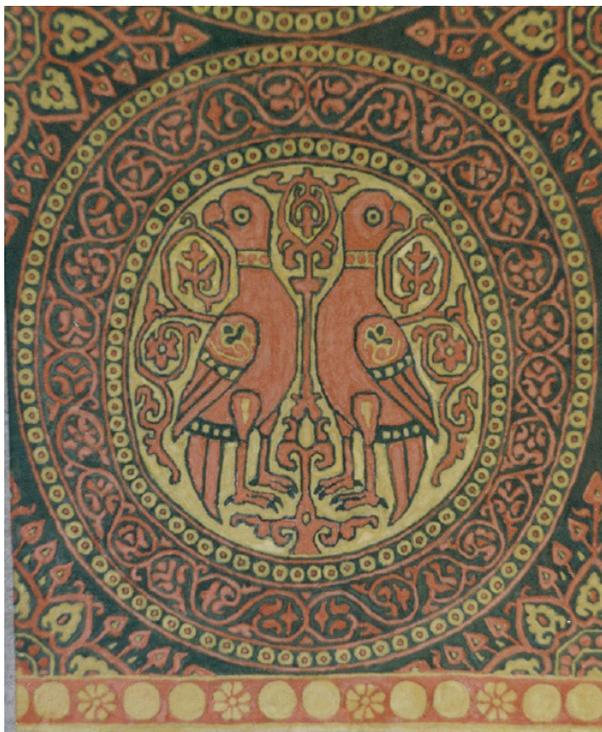

Фото 10. Реконструкция орнамента внутренней одежды из византийского шелка. Могильник *Ики-Зегиста*, курган 3, погребение 1 [Елкина 2009]

Фото 11. Фрагменты шелковой ткани. Могильник *Тачин Царанг*.
Группа 3 (1972 г.), курган 1, погребение 6. НМ РК. Фото Э. А. Кекеева

предметов, изготовленных из драгоценных металлов, задействованы в археологической экспозиции «Степь как жизненное пространство» в НМ РК. К сожалению, отсутствие специализированных витрин не позволяет показать находки, изготовленные из драгоценных металлов, которые представлены только в виде иллюстраций на информационных стендах и панелях.

Хранящиеся в СОМК и ГИМ находки из памятников эпохи средневековья Калмыкии находятся в фондах и регулярно не выставляются.

6. Анализ степени введения в научный оборот изучаемых коллекций и использование их в специализированных исследованиях

Установлено, что по степени введения в научный оборот, коллекции эпохи средневековья сравнительно мало задействованы в специализированных исследованиях. За последние 50 лет опубликованы наиболее выдающиеся информативные комплексы. Часть

памятников по ряду причин не вызвала интерес вследствие своей малоинформативности или невыразительного и скудного погребального инвентаря. Можно говорить о том, что в целом работы по изучению вопроса средневекового наследия республики носят характер отдельных публикаций курганных могильников или отдельных, выдающихся, погребений [Буратаев 2021: 84–85].

Изучению археологических памятников средневековья посвящено несколько научных публикаций. Первой работой стал свод источников эпохи средневековья исследованных в Нижнем Поволжье с конца XIX в до 1941 г., в котором приведены результаты работ на территории Калмыкии экспедиции под руководством П. С. Рыкова [Гарустович и др. 1998: 122–168]. Исследованию средневековой истории изучаемой территории посвящен сборник «Материалы и исследования по археологии Калмыкии», состоящий из шести статей С. М. Васюткина, в котором предлагаются подходы к решению проблем хронологии и периодизации этнической истории и типологии средневековых погребений Калмыкии [Васюткин 1995: 53–74; Васюткин, Кольцов 1995: 107–161]. Материалы некоторых погребальных памятников региона вошли в ряд монографий, среди которых нужно отметить две одновременно вышедшие: работы В. А. Иванова «Кочевники Золотой Орды: история, культура, религия» [Иванов 2015] и Е. П. Мыськова «Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды» [Мыськов 2015]. Исследованию культурных традиций в искусстве поздних кочевников посвящена работа Л. М. Гаврилиной [Гаврилина 1981: 120–135].

Отдельно необходимо выделить упомянутые выше работы М. А. Очир-Горяевой и Е. Г. Буратаева, которые посвящены изучению как погребальных, так и поселенческих памятников [Буратаев 2017а: 76–90; Буратаев 2017б: 78–91; Очир-Горяева, Буратаев 2021: 1210–1225; Очир-Горяева 2022: 105–121; и др.].

7. Выводы

Анализ фондов археологических находок из памятников эпохи средневековья, исследованных на территории Калмыкии, показал, что большая часть находок хранится в Национальном музее Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова, небольшая часть — в Са-

ратовском областном музее краеведения, Государственном историческом музее и Институте археологии Академии наук Республики Татарстан. В музейно-выставочной деятельности находки задействованы только в НМ РК.

Большая часть предметов происходит из погребальных памятников, находки из поселенческих памятников представлены материалами из трех поселений. Однако общее количество находок эпохи средневековья и представительность отдельных категорий инвентаря позволяет считать изучаемые археологические коллекции, наряду с полевыми отчетами и публикациями, основным историческим источником по реконструкции социальной, экономической и духовной жизни населения в указанный исторический период.

Источники и литература

- Антонов 2016 — *Антонов И. В.* Коллекции памятников раннего средневековья в археологических фондах музея археологии и этнографии Института этнологических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук // Научный альманах. 2016. № 3–4 (17). С. 74–90.
- Бембеева, Очир-Горяева 2021 — *Бембеева Л. А., Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники волго-маньчских степей (по материалам раскопок с 1998 по 2009 гг.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 1. С. 8–53. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-1-17-8-53
- Борисов, Илюшин 2019 — *Борисов В. А., Илюшин А. М.* Коллекция средневековых находок из раскопок на поселении Усть-Канда-2 (по результатам исследований 2003 г.) // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае: археология, этнография, устная история и музееведение. Мат-лы XIV междунар. науч.-практ. конф. Вып. 14. Барнаул: АлтГПУ, 2019. С. 29–34.
- Буратаев 2017а — *Буратаев Е. Г.* Материалы из курганной группы Дюкер // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2017. № 3. С. 76–90. DOI: 10.22162/2587-6503-2017-3-3-76-90
- Буратаев 2017б — *Буратаев Е. Г.* Погребения хазарских лучников из курганной группы Дюкер // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 4 (32). С. 78–91. DOI: 10.22162/2075-7794-2017-32-4-78-91
- Буратаев 2018 — *Буратаев Е. Г.* Половецкие «бабаи» в коллекции Национального музея Республики Калмыкия // Бюллетень Калмыцкого

- научного центра РАН. 2018. № 4 (8). С. 9–25. DOI: 10.22162/2587-6503-2018-4-8-9-25
- Буратаев 2021 — *Буратаев Е. Г.* Погребения периода Золотой Орды Волго-маньчских степей // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 2. С. 83–106. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-82-106
- Васюткин 1995 — *Васюткин С. М.* Проблемы типологии и периодизации средневековых погребений Калмыкии // Материалы и исследования по археологии Калмыкии. Элиста: КГУ, 1995. С. 53–74.
- Васюткин, Кольцов 1995 — *Васюткин С. М., Кольцов П. М.* Средневековые погребения зоны Калмыцкого магистрального канала // Материалы и исследования по археологии Калмыкии. Элиста: КГУ, 1995. С. 107–161.
- Гаврилина 1981 — *Гаврилина Л. М.* К вопросу о культурных традициях в искусстве поздних кочевников // Археологические памятники эпохи бронзы и средневековья. Элиста: КНИИИФЭ, 1981. С. 120–135.
- Гарустович и др. 1998 — *Гарустович Г. Н., Ракушин А. И., Яминов А. Ф.* Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа: Гилем, 1998. 336 с.
- Горбунов 2017 — *Горбунов В. В.* История поступления археологических коллекций эпохи средневековья с территории Алтая в собрание Алтайского государственного краеведческого музея // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXIII. Барнаул: Алт. ун-т, 2017. С. 227–235.
- Дикий 2019 — *Дикий Я. В.* Археологические коллекции Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН: история формирования и источниковый потенциал // Известия Алтайского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология. 2019. № 2. С. 96–101.
- Доде 2014 — *Доде З. В.* Ткань с христианской символикой в костюме золотоордынской элиты // Российская археология. 2014. № 1. С. 54–66.
- Елкина 2009 — *Елкина А. В.* Экспертное заключение. Археологическая ткань. Византийский узорный шелк XII в. Ткань-парча. Китай. XIV в. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 105а (2009 г.). 14 л.
- Иванов 2015 — *Иванов В. А.* Кочевники Золотой Орды: история, культура, религия. Уфа: БГПУ, 2015. 208 с.
- Казанцева 2019 — *Казанцева О. А.* Делить нельзя изучать (целостность археологической коллекции: возможности и трудности научного исследования) // Археология Евразийских степей. 2019. № 5. С. 57–66.

- Кекеев 2013 — *Кекеев Э. А.* О материалах археологических раскопок из курганной группы Архара, хранящихся в фондах Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 4. С. 27–30.
- Кекеев 2017 — *Кекеев Э. А.* Материалы из раскопок могильника Тачин Царанг, хранящиеся в Национальном музее Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2017. № 3. С. 91–110. DOI: 10.22162/2587-6503-2017-3-3-91-110
- Кекеев 2021a — *Кекеев Э. А.* Археологические материалы из раскопок 1929–1937 гг. на территории Калмыкии (по фондам Саратовского областного музея краеведения) // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 4. С. 806–824. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-806-824
- Кекеев 2021б — *Кекеев Э. А.* Археологические предметы в фондах Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова (1961–1991 гг.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 4. С. 141–154. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-141-154
- Кекеев 2021в — *Кекеев Э. А.* Археологические материалы бронзового века в фондах национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 5. Циркумпонтика. Вып. III. С. 150–164. DOI: 10.18384/2310-676X-2021-5-150-164
- Кекеев 2022 — *Кекеев Э. А.* Археологические находки из памятников Республики Калмыкия в музеях России (количественный анализ) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 1. С. 81–105. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-1-21-81-105
- Кекеев 2023 — *Кекеев Э. А.* Археологические коллекции, сформированные по результатам раскопок на территории Калмыкии, как источник по истории раннего железного века // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 3. С. 36–59. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-3-27-36-59
- Леонова 2018 — *Леонова Н. В.* Половецкое изваяние из могильника Бага-Бурул на западе Калмыкии // Краткие сообщения Института археологии. 2018. Вып. 252. С. 254–264.
- Мыськов 2015 — *Мыськов Е. П.* Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: Волгогр. филиал РАНХиГС, 2015. 484 с.
- Очир-Горяева 2008 — *Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники волго-маньчских степей: (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008.

298 с.

- Очир-Горяева 2022 — *Очир-Горяева М. А.* Изучение цоколя северной стены городища Башанта-I эпохи Хазарского каганата // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 1. С. 105–121. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-105-121
- Очир-Горяева, Буратаев 2021 — *Очир-Горяева М. А., Буратаев Е. Г.* Погребения с изделиями из шелка эпохи Золотой Орды: проблемы интерпретации // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 6. С. 1210–1225. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1210-1225
- Петров 2014 — *Петров А. С.* Ткань с шитым образом Вознесения из погребения кочевника в Калмыкии. Проблема атрибуции // *Российская археология*. 2014. № 1. С. 67–74.
- Синицын 1978а — *Синицын И. В.* Древние памятники Восточного Маныча. В 2 ч. Ч. 1. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 1978. 130 с.
- Синицын 1978б — *Синицын И. В.* Древние памятники Восточного Маныча. В 2 ч. Ч. 2. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 1978. 117 с.
- Синицын, Эрдниев 1971 — *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Элистинский курганный могильник. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. 139 с.
- Шишлина 2002 — *Шишлина Н. И.* Краткий отчет о раскопках могильника Бага Туктун (Бага Бурул) в Яшалтинском районе Республики Калмыкия в 2002 г. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 78, 79. 34 л. + 40 л.
- Шнайдштейн 1981 — *Шнайдштейн Е. В.* Раскопки курганной группы Купцын Толга // *Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья*. Элиста: КНИИИФЭ, 1981. С. 78–120.
- Шнайдштейн 1985 — *Шнайдштейн Е. В.* Раскопки курганной группы Заханата // *Древности Калмыкии*. Элиста, 1985. С. 70–94.

Поселение *Киракле-Тобе*. Новый памятник эпохи средневековья в дельте реки Волга

*Александра Вадимовна Коваленко*¹

¹ООО «Археоцентр» (кв. 15, д. 2, пл. Ленина, 414000 Астрахань, Россия)
младший научный сотрудник

 0009-0002-9733-4789. E-mail: avmilosh[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2024

© Коваленко А. В., 2024

Аннотация. В результате археологических разведок 2022 г. на территории, прилегающей к р. Болда, выявлен новый археологический объект — поселение *Киракле-Тобе*, где были найдены артефакты, ранее не встречавшиеся на территории Астраханской области. Объект расположен в левобережной части реки на естественной возвышенности — бэровском бугре Киракле-Тобе. В ходе разведок на поверхности бугра обнаружено большое количество подъемного материала (фрагменты керамики, костей, камня, бусины). По всей поверхности бугра (в том числе в обнажениях и выбросах нор землеройных животных) зафиксированы признаки культурного слоя: золистые пятна, многочисленные фрагменты керамических сосудов, фрагменты костей. На бугре был заложен шурф № 1, обнаруживший хозяйственную яму и часть крупного котлована. Материалы, обнаруженные в шурфе, соотносятся с находками на поверхности бугра, что позволяет говорить о единстве комплекса. Керамические материалы, полученные при обследовании бугра Киракле-Тобе, находят близкие аналогии с памятниками предсалтовского времени Приморского Дагестана VII–VIII вв. (Верхнее Чир-Юртовское городище, Адрейаульское городище, Новокулинское городище и др.). Проникновение подобных материалов в дельту р. Волги можно связать как с результатом переселения хазарского населения в результате усиления арабской экспансии в первой половине VIII в., так и предположить синхронное существование с вышеупомянутыми объектами.

Ключевые слова: археология, Астраханская область, дельта Волги,

Приморский Дагестан, керамика, салтово-маяцкая культура, бэровский бугор, поселение, хазары

Для цитирования: Коваленко А. В. Поселение *Киракле-Тобе*. Новый памятник эпохи средневековья в дельте реки Волга // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 2. С. 191–205. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-2-30-191-205

The Settlement *Kiracle-Tobe*. A New Settlement of the Middle Ages in the Volga River Delta

*Alexandra V. Kovalenko*¹

¹ LLC “Archeocenter” (apt. 15, 2, Lenin Square, 414000 Astrakhan, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0009-0002-9733-4789. E-mail: avmilosh[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2024

© Kovalenko A. V., 2024

Abstract. As a result of archaeological exploration in 2022 in the Astrakhan region, a new archaeological site was identified on the territory adjacent to the Bolda River. The object is located on the left bank of the river on the Baer knoll “Kiracle-Tobe”, previously known as the burial ground of the same name. During archaeological exploration, a large amount of raised material (fragments of ceramics and bones) and signs of a cultural layer, such as ash spots, numerous fragments of ceramic vessels, and bone fragments, were discovered on the surface of the knoll. Ceramic materials discovered during the examination of the Baer knoll “Kiracle-Tobe” find close analogies with archaeological sites of the pre-Saltovsky period of Seaside Dagestan of the 7th-8th centuries. (Verkhniy Chir-Yurt settlement, Adrey-aul settlement, Novokulinskoe settlement, etc.). The discovery of these materials in the Volga River delta region can be associated with the resettlement of the Khazar population as a result of increased Arab expansion in the first half of the 8th century, and also suggest with the synchronous existence with the above-mentioned objects.

As a *result* of archaeological surveys in 2022, a new archaeological site was identified on the territory adjacent to the Bolda River — the settlement of Kiracle-Tobe, where artifacts were found that had not previously been found on the territory of the Astrakhan region. The object is located

on the left bank of the river on a natural hill — the Barovsky hill of Kirakle-Tobe. During the exploration, a large amount of lifting material (fragments of ceramics, bones, stone, beads) was found on the surface of the hillock. Signs of a cultural layer are recorded on the entire surface of the hillock (including in outcrops and outbursts of norms of earthmoving animals): ashy spots, numerous fragments of ceramic vessels, fragments of bones. Pit No. 1 was laid on the hillock, which discovered an economic pit and part of a large excavation. The materials found in the pit correlate with the finds on the surface of the hillock, which allows us to speak about the unity of the complex. The ceramic materials obtained during the examination of the Kirakle-Tobe hillock find close analogies with the monuments of the pre-Salt time of Primorsky Dagestan of the 7th–8th centuries. (Upper Chir-Yurt settlement, Adreyaul settlement, Novokulinsky settlement, etc.). The penetration of such materials into the delta of the Volga River can be attributed both to the result of the resettlement of the Khazar population as a result of increased Arab expansion in the first half of the 8th century, and to assume a synchronous existence with the above-mentioned objects.

Keywords: archeology, Astrakhan region, Volga delta, Seaside Dagestan, ceramics, Saltovo-Mayak culture, Baer knoll, settlement, Khazars

For citation: Kovalenko A. V. The Settlement *Kiracle-Tobe*. A New Settlement of the Middle Ages in the Volga River Delta. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2024; 2: 191–205. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-2-30-191-205

1. Введение

Несмотря на сведения письменных источников о раннесредневековых городах Нижнего Поволжья (Суммеркент, Саксин, Итиль), в историографии долгое время господствовала концепция, согласно которой в домонгольское время градостроительная культура и вообще оседлость в регионе если не отсутствовала вовсе, то представляла собой отдельные полукочевнические населенные пункты [Егоров 1985: 75–76]. Тем не менее за последние 30 лет исследований в дельте р. Волги обнаружен ряд поселенческих археологических объектов [Валиев и др. 2011: 61–69; Васильев 2015: 191–204], изучение которых дает возможность по-новому взглянуть на исторические процессы Нижнего Поволжья в период, предшествующий возникновению здесь Золотой Орды. Исследования крупнейших из ныне известных памятников, таких как городище *Мошаик* [Пантелеев 2010], Самосдельское городище

[Васильев 2022], поселения *Семибугры* и *Бараний бугор* в составе Семибугоринского археологического комплекса [Сарапулкин и др. 2022; Соловьев, Котеньков 2022], демонстрируют наличие центров оседлости и городской культуры.

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот данных, полученных в ходе археологических разведок на поселении *Киракле-Тобе*.

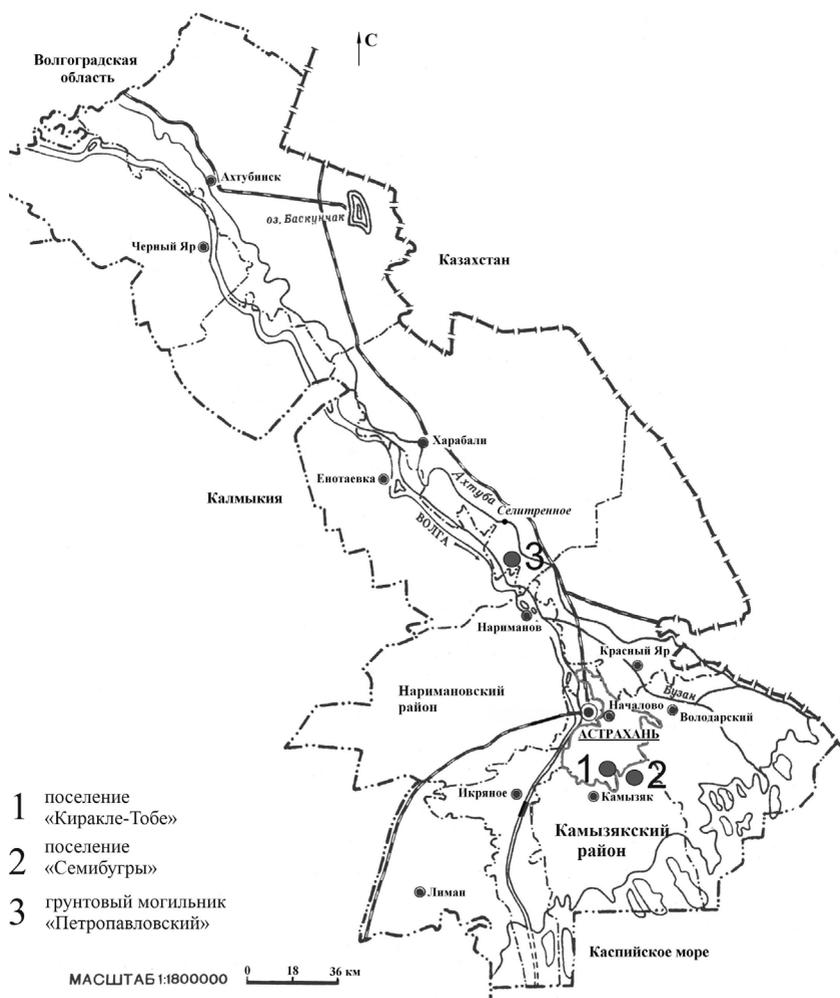
2. История исследования памятника

Рост числа выявленных поселений на территории Нижнего Поволжья последних лет отчасти связан с изменением подхода к проведению археологических разведок, а также с уточнением данных о ранее обнаруженных объектах. Традиционно археологические разведки в дельтовом регионе проводятся на естественных возвышенностях — бэровских буграх. Предполагалось, что вследствие трансгрессии Каспия бэровские бугры, начиная с середины X в., представляли собой «острова» посреди регулярно подтопляемых либо заболоченных территорий (теория «Прикаспийских Нидерландов» по Л. Н. Гумилеву), а существующие культурные слои оказались перекрыты мощными донными отложениями [Гумилев 2004: 20–24]. Внимание к внебугровым пространствам в последние годы позволило обнаружить крупные поселенческие памятники хазарского времени в границах Семибугоринского археологического комплекса — уже упомянутые выше поселения Семибугры и Бараний бугор [Сарапулкин и др. 2022; Соловьев, Котеньков 2022].

Результатом повторного обследования одного из ранее выявленных объектов стало обнаружение поселения *Киракле-Тобе* (илл. 1).

Бэровский бугор Киракле-Тобе находится в центральной части волжской дельты, в 6,5 км к югу от села Киличчи. Бугор подовальной формы, размерами 515 × 370 м, отстоит от берега реки Болда на 2,5 км к востоку. На спутниковых снимках у подошвы бугра обнаруживаются следы крупных русловых потоков; это позволяет предположить, что в древности бугор омывался руслом реки.

Памятник поставлен на государственную охрану как одноименный грунтовый могильник, обнаруженный в ходе археологических разведок Государственной дирекции и охраны памятников

Илл. 1. Расположение памятников на территории Астраханской области

Астраханской области под руководством Д. В. Васильева в 1992 г. [Васильев 1992]. Позднее, в 2008–2009 гг., археологические разведки на бугре провели сотрудники Академии наук Республики Татарстан [Валиев и др. 2011: 62–63, 67]. Обнаруженный подъемный

материал, распространенный по всей поверхности бугра, состоял из фрагментов керамики, интерпретированных ими как золотоордынская (красноглиняная, правленая на круге) и салтово-маяцкая (сероглиняная керамика, VIII–X вв.). Авторы статьи предположили, что на бугре могли располагаться хазарский могильник, разрушенный в ходе забора глины с вершины бугра, и золотоордынское поселение.

В 2022 г. отрядом Астраханской археологической экспедиции ООО «Археоцентр» под руководством С. А. Котенькова [Котеньков 2024] и Д. С. Соловьева были проведены разведки на территориях, прилегающих к реке Болда. Выбор участка разведок был обоснован тем, что на этом участке Волжской дельты фиксируется наибольшее количество археологических объектов хазарского времени: грунтовые могильники *Мошаик*, *Посольский*, *Щучий*, *Шатлы*, Семибугоринский археологический комплекс (поселения *Бараний Бугор* и *Семибугры*).

В ходе работ 2022 г. на поверхности бугра было обнаружено большое количество подъемного материала: фрагменты керамики, костей животных. По всей площади бугра отмечены отдельные участки обнажившегося культурного слоя — золистые пятна, выбросы из нор землеройных животных, содержащие золу и мелкую керамическую крошку. Аналогичный материал спорадически встречается на прилегающей к бугру территории.

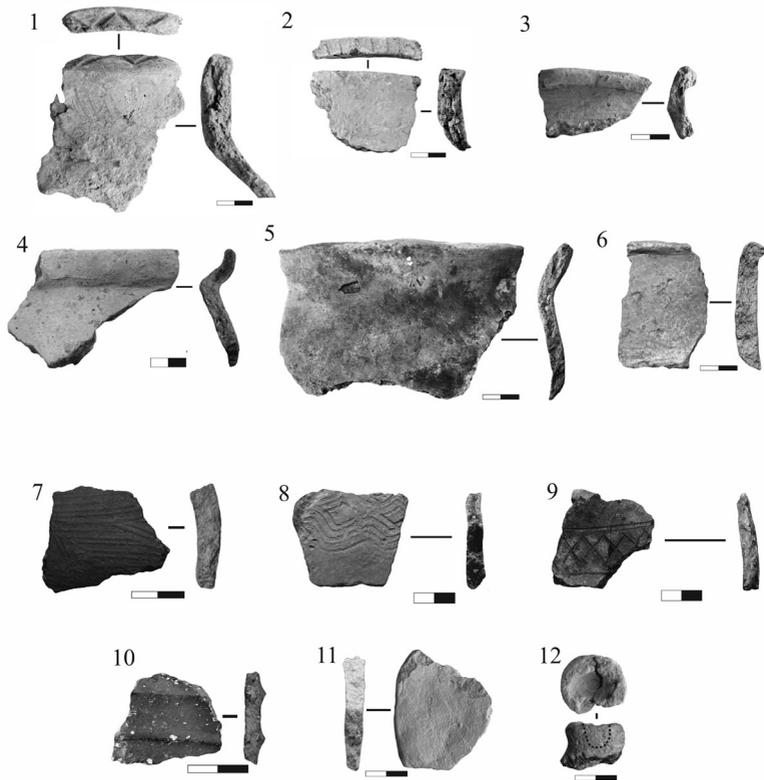
Для получения сведений о характере культурного слоя на вершине бугра был заложен разведочный шурф (шурф № 1) размерами 2 x 2 м и глубиной до 45 см, в котором обнаружился культурный слой на всю глубину шурфа, представленный чередующимися пропластками суглинков и золы с высоким содержанием фрагментов керамики и костей животных. Зафиксированы хозяйственная яма и часть крупного котлована. Материалы, обнаруженные в шурфе, соотносятся с находками на поверхности бугра, что позволяет говорить о единстве комплекса.

3. Характеристика керамического материала

Собранный в ходе разведок керамический материал (686 экземпляров) предварительно разделен на две группы, исходя из предположительного назначения сосудов:

- кухонная керамика: 345 фрагментов (50,3 %);
- столовая керамика: 335 фрагментов (48,7 %).

3.1. Кухонная керамика (илл. 2)

Илл. 2. Фрагменты кухонной керамики поселения *Киравле-Тобе*
 1–6: фрагменты венчиков сосудов; 7–10: фрагменты стенок сосудов;
 11–12: фрагменты крышек сосудов

Кухонная керамика преобладает среди полученного материала, включает в себя кухонные горшки, предположительно, яйцевидной формы, крышки, сосуды с высокой шейкой (кувшины?), миски. Формовочная масса содержит примеси крупного и мелкого шамота, органики, песка. Обжиг неравномерный, как правило, ко-стровой.

Категория выделена на основе венчиков сосудов. Обнаруженные в малом количестве фрагменты донцов и придонных частей однотипны, уплощены.

Венчики лепных сосудов представлены следующими типами:

1 — отогнутые венчики, кососрезанные по верхней части (илл. 2: 1);

2 — отогнутые венчики с прямым срезом по верхней части. Срезы тщательно заглажены и образуют площадку. По срезу венчика, как правило, нанесен орнамент, представленный косыми и прямыми насечками, небрежными пальцевыми вдавлениями, пророчерченной линией (илл. 2: 2);

3 — слабоотогнутые венчики с округлой закраиной (илл. 2: 3);

4 — воротничковые венчики. По внутренней части сформирован прогиб. На одном экземпляре нанесены косые насечки по внешней части воротничка (илл. 2: 4);

5 — слабоотогнутые уплощенные венчики (илл. 2: 5).

Обнаружены фрагменты лепных сосудов с высокой шейкой (кувшины?). Подправлены на круге. На внешней части венчика оформлена закраина, верх срезан и заглажен (илл. 2: 6).

Орнаментация стенок. Наиболее распространены варианты линейного, волнистого и линейно-волнистого орнамента, нанесенные гребенкой либо палочкой (камыш, щепка?). Волнистый орнамент на разных фрагментах отличается размером и наклоном волн, количеством линий, образующих волну, расположением этих линий относительно друг друга, качеством их нанесения (илл. 2: 8). Такие же различия наблюдаются в вариациях линейного орнамента. Некоторые фрагменты стенок покрыты разнонаправленными расчесами гребенкой по внешней или внутренней стороне, а также по обеим сторонам одновременно (илл. 2: 7). Встречаются разновидности орнамента в виде пояса ромбов либо косой решетки, образующей ромбы (сетчатый орнамент), расположенного между двумя глубоко прочерченными линиями (илл. 2: 9). Фиксируются также фрагменты стенок сосудов с парными валиками с ярко выраженной гранью (илл. 2: 10).

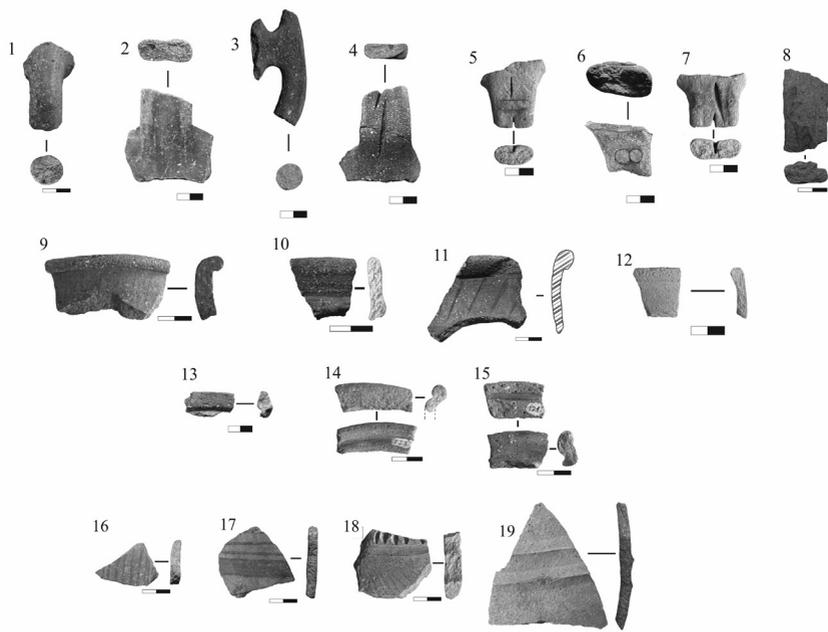
Миски. Представлены фрагментами лепных венчиков с краем, кососрезанным внутрь.

Крышки (илл. 2: 11–12). Сформованы из грубого теста с приме-

стью шамота; обжиг неравномерный. Не орнаментированы. В единичном экземпляре обнаружено цилиндрической формы навершие (ручка) крышки. По верхней части ручки нанесено пальцевое вдавление.

Найденные фрагменты *ручек* лепных сосудов подовальной и округлой в сечении формы, не орнаментированы.

3.2. Столовая керамика (илл. 3)

Илл. 3. Фрагменты столовой керамики поселения *Киракле-Тобе*:
1–8: фрагменты ручек сосудов; 9–15: фрагменты венчиков сосудов;
16–19: фрагменты стенок сосудов

Столовая керамика включает кувшины, горшки, миски, изготовленные на круге. Тесто с примесью крупного кварцитового песка, органики, дробленого минерала белого цвета, толченой раковины.

Кувшины. Категория выделена на основе обнаруженных ручек и венчиков столовых сероглиняных сосудов.

Ручки, как правило, имеют ленточную форму, заметно уплощены. Два фрагмента содержат продольный «прогиб» по центральной части. Обнаружены круглые и подовальные в сечении ручки, которые не имеют орнаментации и не украшены иными способами (илл. 3: 1). Исключением является один фрагмент, в верхней части которого сформирован отросток (илл. 3: 3). Ленточные ручки с разнообразными украшениями встречаются значительно чаще. Часть из них орнаментирована глубокими прорезными насечками: косыми и прямыми (илл. 3: 4–5, 7). Насечки используются как самостоятельно, так и в сочетании с другими элементами: поперечными валиками (илл. 3: 5), парными налепами-глазками (илл. 3: 6), выделенными по краям в месте прикрепления ручки к стенке сосуда «ушками»-защипами (илл. 3: 7). Один фрагмент орнаментирован в технике отступающего поттреугольного вдавления (илл. 3: 8). Эти ручки демонстрируют стилизованные зооморфные черты, вероятно, представляя собой редуцированное изображение конской головы; сохранившиеся в стилизации насечки, таким образом, символизируют гриву.

Венчики. Представлены следующими типами:

- 1 — венчики сосудов с каплевидной закраиной по внешней части. По верхнему срезу венчик уплощен и зашлифован (илл. 3: 9);
- 2 — прямые венчики со скругленным верхом (илл. 3: 10);
- 3 — венчики сосудов с закраиной по внешней части (илл. 3: 11);
- 4 — венчики сосудов с уплощенной, тщательно заглаженной закраиной по внешней части (илл. 3: 12).

Горшки. Выделены на основе обнаруженных фрагментов венчиков:

- 1 — отогнутый венчик с широкой внешней воротничковой закраиной. Внутренняя часть скошена в результате отгиба (илл. 3: 13);
- 2 — сильно отогнутый венчик с каплевидной закраиной по внутренней части (илл. 3: 14);
- 3 — сильно отогнутые венчики, по внешней части образующие скругленную воротничковую форму. На внутренней части сформирован желобок под крышку (илл. 3: 15).

Орнаментация стенок. Как правило, стенки сосудов тщательно заглажены, покрыты различными видами лощения — сплош-

ное, линейное прямое, косое, косая решетка, чередующиеся широкие и узкие линии лощения (илл. 3: 16–17). Встречаются канелюры: одинарные и парные в сочетании с лощением. Обнаружены также фрагменты, где между поясами канелюр нанесены глубокие врезные насечки (илл. 3: 18), а также стенки с валиками подтреугольной в сечении формы (илл. 3: 19).

Миски. Фрагменты сероглиняных округлобоких круговых мисок покрыты горизонтальным лощением по внешней части. Венчик скруглен. Другой тип венчика — с сильно уплощенным краем, образующим площадку. По внешней части под краем миски нанесена канелюра.

В небольшом количестве в составе подъемного материала обнаруживаются фрагменты круговых сосудов, покрытых красным ангобом.

4. Аналогии

Ряд категорий материала *Киракле-Тобе* находит аналогии в керамике памятников Приморского Дагестана VI–VIII вв. («культура сероглиняной керамики», «керамика верхнечир-юртовского типа» по М. Г. Магомедову). Среди них наиболее хорошо изучены городище *Верхний Чир-Юрт* [Магомедов 1969] и городище *Андрей-Аул* [Атаев, Магомедов 1974: 121–139], но и в этих случаях площадь исследований обоих городищ сравнительно небольшая. Кроме того, выявлен ряд памятников, культура которых сопоставляется исследователями с Верхне-Чирюртовской. Это городища *Сигитминское*, *Акташское*, *Новокулинское*, *Бавтугайское*, поселения *Чупалав-тубе*, *Исти-Су* и другие поселения Терско-Сулакского междуречья и сопредельных территорий [Магомедов 1969: 154–158; Магомедов 1983: 28–32].

Культурные слои *Андрей-Аула* связываются исследователями с тремя периодами бытования городища: 1) сарматский период (I–III вв.) — нижние слои; 2) гунно-савирский период (IV–VI вв.) — средние слои; 3) верхние слои городища отнесены к хазарскому времени (VII–VIII вв.). При этом материал верхних слоев генетически однозначно связан со слоями более ранними, а хазарское население, по всей видимости, могло воспринять местную культурную традицию, в том числе и в производстве керамики.

Наиболее яркое сходство среди столовой керамики демонстрируют зооморфные ленточные ручки сероглиняных сосудов с прорезными косыми насечками, поперечными валиками и налестами-глазками. Подобные ручки обнаруживаются в верхних слоях (VII–VIII вв.) городищ *Андрей-аул* [Гмыря 1980б: 117–121] и *Верхний Чир-Юрт*, а также на других памятниках «верхне-чирюртовского» типа [Атаев, Магомедов 1974: 134]. Ручки с поперечными налестами-валиками более характерны для средних слоев городища [Гмыря 1980б: 126–129]. Сходство прослеживается и в составе теста сероглиняной столовой посуды памятников Приморского Дагестана и *Киракле-Тобе*: в обоих случаях в качестве примеси для формовочной массы используется мелкодробленый минерал белого цвета (известняк?), придающий керамике характерный облик.

Среди столовой керамики памятников Приморского Дагестана так же, как и в материалах *Киракле-Тобе*, широко представлены сероглиняные сосуды с лощением, валиками, косыми насечками между канелюрами, миски [Гмыря 1980б: 110–111]. Кроме того, и в материалах городищ Терско-Сулакского междуречья, и в материалах *Киракле-Тобе* обнаруживается красноангобированная круговая керамика, типичная для территории раннесредневекового Дагестана.

Фрагменты венчиков сероглиняных сосудов с желобком по внутренней части (под крышку?) и внутренней закраиной аналогичны кухонным горшкам городища *Андрей-Аул* (тип 2, по Л. Б. Гмыре). Наибольшее количество (до 10 %) горшков этого типа зафиксировано в верхних слоях городища, однако в целом венчики с желобком встречаются на памятнике довольно редко [Гмыря 1980а: 309–311].

Отдельной категорией, идентификация которой пока затруднена, выступает преобладающая на памятнике кухонная керамика с примесью крупного шамота в тесте, неравномерного кострового обжига, доработанная на круге. Сложность ее интерпретации, возможно, вызвана недостаточной опубликованностью материалов Приморского Дагестана. Часть этих сосудов (кухонные горшки с венчиками, имеющим уплощенный и наклонно-уплощенный край, орнаментированный насечками), вероятно, соотносится с некото-

рыми типами кухонных сосудов Верхнего Чир-Юрта и Хумаринского городища.

Помимо анализа публикаций, автору статьи в составе исследовательской группы удалось ознакомиться с материалом, полученным в ходе работ на упомянутых памятниках в фонде археологии Института археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН. Осмотр коллекции керамики городищ *Верхний Чир-Юрт* и *Андрей-Аул*, Бавтугайского городища подтвердил высокую степень сходства этих комплексов с керамическим материалом *Киракле-Тобе*. Учитывая предварительный характер проведенных сравнительных исследований, требуется обширная систематическая работа в этом направлении.

На территории Астраханской области аналогии отдельным типам керамики *Киракле-Тобе* обнаружены на расположенном в 5,5 км к Юго-Юго-востоку поселении *Семибугры*, нижние слои которого были интерпретированы как предсалтовские и датированы VII–VIII вв. В этих слоях были обнаружены фрагменты миски с желобками, ленточная ручка с просечками и выделенными краями, а также фрагмент венчика с закраиной и прямым срезом-площадкой.

Единичные, но яркие аналогии нашлись в материалах исследований грунтового могильника *Петропавловка*, впервые выявленного Е. В. Шнайдштейн в 1979 г. [Шнайдштейн 1980]. Ею был осмотрен разрушающийся в результате строительства фермы грунтовой могильник. Итогом работ стала выразительная, но пестрая коллекция находок. Информация о памятнике в отчете 1979 г. поместилась на 4-х строчках. В 2014 г. работы по доисследованию разрушающихся погребений могильника *Петропавловка* проводили сотрудники Государственного автономного учреждения Астраханской области Научно-производственного учреждения «Наследие» [Лебедев 2014]. Часть подъемного материала, собранного на памятнике в ходе работ 2014 г. и переданного в коллекцию Астраханского музея-заповедника, находит аналогии с керамикой *Киракле-Тобе*: фрагмент ручки сероглиняного сосуда с косыми насечками и налепом-глазком, два фрагмента стенок сероглиняного сосуда с полосчатым лощением. Для уточнения информации об объекте отрядом Астраханской археологической экспедиции был совершен рекогносцировочный выезд, в результате которого зафиксирован

подъемный материал, схожий с материалами *Киракле-тобе*. Характер памятника — грунтового могильника *Петропавловка* — до сих пор остается невыясненным и требует дальнейшего исследования.

5. Заключение

Итоги разведочных работ на поселении *Киракле-Тобе* и наличие аналогий на близлежащих нижневолжских памятниках позволяют, несмотря на достаточно обширную предварительную датировку (V–VIII вв.), выделить новую группу памятников, охватывающих один из наиболее малоизученных этапов истории Нижнего Поволжья. Полученные данные позволяют предположить, что керамика Приморского Дагестана могла попадать в поселения дельты либо в качестве импорта, либо в ходе переселения носителей керамической традиции на Нижнюю Волгу — например, в результате усиления арабской экспансии на Закавказье в первой половине VIII в.

Литература

- Атаев, Магомедов 1974 — *Атаев Д. М., Магомедов М. Г.* Андрейаульское городище // Древности Дагестана. Материалы по археологии Дагестана. Т. 5. Махачкала: Институт ИЯЛ Даг. ФАН СССР, 1974. С. 121–139.
- Валиев и др. 2011 — *Валиев Р. Р., Мирсияпов И. Ю., Ситдииков А. Г.* К вопросу о средневековой домонгольской керамике в материалах Нижнего Поволжья // Болгарский форум I. Мат-лы Междунар. Болгарского Форума (19–21 июня 2010 г., г. Болгар). Серия «Археология евразийских степей». Вып. 12. Казань: ООО «Фолиант»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 61–69.
- Васильев 2015 — *Васильев Д. В.* Новые данные о городе и области Саксин // Поволжская археология. 2015. № 2 (12). С. 189–267.
- Васильев 1992 — *Васильев Д. В.* Отчет об археологических разведках в Красноярском, Приволжском и Наримановском районах Астраханской области в 1992 году // Архив Института археологии РАН. Р-1. №№16988, 16989. 60 л. + 71 л.
- Васильев 2022 — *Васильев Д. В.* Результаты 20 лет исследований на Самосдельском городище и новые перспективы // Археология евразийских степей. 2022. № 5. С. 42–50.
- Гмыря 1980а — *Гмыря Л. Б.* Кухонные горшки Андрейаульского городища // Советская археология. 1980. № 1. С. 306–313.

- Гмыря 1980б — *Гмыря Л. Б.* Столовая керамика Андрейаульского городища (типология и стратиграфия) // Средневековые древности евразийских степей. М.: Наука, 1980. С. 105–134.
- Гумилев 2004 — *Гумилев Л. Н.* Открытие Хазарии. М.: Айлл-пресс, 2004. 416 с
- Егоров 1985 — *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 246 с.
- Котеньков 2024 — *Котеньков С. А.* Отчет об археологических разведках в Приволжском районе Астраханской области в 2022 году. Астрахань, 2024 // Астраханский музей-заповедник. Коллекция «Археология». Б/н. 141 с.
- Лебедев 2014 — *Лебедев Ю. С.* Отчет об археологических разведках в Наримановском районе Астраханской области в 2014 году // Астраханский музей-заповедник. Коллекция «Археология». Б/н. 150 с.
- Магомедов 1969 — *Магомедов М. Г.* Верхне-Чирюртовское городище // Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Т. 19 (серия общественных наук). Кн. 2 (археология, этнография, досоветская история). Махачкала: Дагестанск. филиал АН СССР, 1969. С. 147–167.
- Магомедов 1983 — *Магомедов М. Г.* Образование Хазарского каганата: по материалам археологических исследований и письменным данным. М.: Наука, 1983. 224 с.
- Пантелеев 2010 — *Пантелеев С. А.* Об археологических исследованиях на грунтовом могильнике городища Мошаик // Научный Татарстан. 2010. № 4. С. 92–106.
- Сарапулкин и др. 2022 — *Сарапулкин В. А., Соловьев Д. С., Котеньков С. А., Кравченко Э. Е.* Поселения хазарского времени в дельте Волги // Краткие сообщения Института археологии. 2022. № 268. С. 245–255.
- Соловьев, Котеньков 2022 — *Соловьев Д. С., Котеньков С. А.* Находки раннесредневековых пифосов-кувшинов в дельте Волги // Археология евразийских степей. 2022. № 3. С. 304–313.
- Шнайдштейн 1980 — *Шнайдштейн Е. В.* Отчет об археологических разведках в Наримановском районе Астраханской области в 1979 г. Астрахань, 1980 // Архив Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника. КП 14493. 17 л.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**БЮЛЛЕТЕНЬ
КАЛМЫЦКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН
BULLETIN
OF THE KALMYK SCIENTIFIC CENTER OF THE RAS**

Главный редактор: В. В. Куканова

2024. № 2

Переводчик: *Номинханова Б. О.*
Компьютерная верстка: *Когданов А. Н.*

Дата выхода **12.08.2024**. Формат 60x90/16.
Усл. печ. л. 12,88. Тираж 100 экз. Заказ **08-24**.
Подписной индекс 33086. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,

Тел. +7(84722) 3-55-06
Сайт: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>
E-mail: publ.kscras@gmail.com

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8